

ДЕЛО №

АНТИ- СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Начато „ “ 19

Окончено „ “ 19

В _____ годах

Сергей Мурзу
Кара-Мурзу

Сергей
Кара-Мурза

АНТИСОВЕТСКИЙ проект

Москва
алгоритм
2009

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
К 21

Кара-Мурза С.Г.

К 21 Антисоветский проект. – М.: Алгоритм, 2009. – 352 с.

ISBN 978-5-9265-0588-4

«Развал Советского Союза был хорошо продуманным преступлением», – считает С.Г. Кара-Мурза. В своей книге он описывает основные черты «антисоветского проекта», разбирает по этапам порядок его осуществления, называет по именам организаторов и исполнителей преступления. Реализация «антисоветского проекта» привела к тягчайшим последствиям для народа России и для всего хода исторического развития нашей страны, – делает вывод автор.

Убедительные доказательства С.Г. Кара-Мурзы служат безусловным основанием для предоставления дела о развале Советского Союза на суд истории.

**УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8**

ISBN 978-5-9265-0588-4

© Кара-Мурза С.Г., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Введение

Разрушение советского жизнеустройства и ликвидация советского государства сбросили Россию в самый глубокий и затяжной кризис из известных в истории Нового времени. Несмотря на необычную, не ожидаемую специалистами устойчивость главных систем жизнеобеспечения, созданных в советский период, страна движется к хозяйственной, социальной и политической катастрофе. Ресурсы производственной системы конечны, и без капиталовложений она рано или поздно начнет давать сбои, которые приведут к валу отказов и аварий. Из-за физического и морального износа техники и снижения квалификации кадров упадет ниже допустимого уровня оборонный потенциал. С утратившей жизненную силу страной по-иному станут разговаривать нынешние хозяева мира, охваченные страхом перед нехваткой природных ресурсов для «золотого миллиарда».

Мы подошли к той точке, когда у соблазненных людей падает пелена с глаз, рушатся иллюзии, и каждый хотя бы самому себе вынужден честно сказать, что занесло нас в трясины, из которой никакая чудесная сила не вытащит. Только трезвый анализ, реалистичная оценка положения и выработка программы, которая сможет сплотить большинство для огромных совместных усилий, дадут нам шанс выбраться на твердое место и начать восстановление нашего дома. В другом доме нас не ждут и ни в какой «мировой цивилизации» не приютят.

Очень важной главой нашего самоанализа должно стать описание того проекта, согласно которому мы предприняли этот Великий поход в нынешнюю трясиину. Это нужно вовсе не для того, чтобы указать на кого-то пальцем и крикнуть: «Это он, он нас звал и даже гнал! Вот он, враг народа!»

Конечно, таких криков не миновать, и уже есть риск, что и камнями кое-кого могут закидать. Но можно сказать с уверенностью, что чем дольше мы будем затягивать этот неприятный разговор, тем труднее будет избежать этой опасности. Уже сейчас многим из «тех, кто звал» было бы разумно самим пойти на этот разговор и помочь, ради общего блага, разобраться в том, как зародилось, выросло и превратилось в политическую силу то, что можно назвать **антисоветским проектом** — проектом разрушения советского строя. Невозможно строить планы выхода из кризиса, если мы не знаем философии, стратегии и тактики того политического движения, которое, получив власть, к этому кризису привело.

Пока что большинство активных участников разработки антисоветского проекта, похоже, до участия в таком разговоре не созрело. Нередко они даже пытаются убедить, будто такого проекта вообще не существовало — все, мол, катилось само собой, и в конце концов бросило нас на скалы, как корабль без руля и без ветрил. Это наивные попытки — память у нас повреждена перестройкой, но все же не до такой степени. Да и тексты остались, по которым можно довольно точно реконструировать историю.

Возник сто лет назад в нашей культуре большой советский проект, все больше мы знаем о его философских и даже религиозных истоках, природных и социальных условиях его зарождения и реализации, источниках силы

и слабости, причинах его поражения. Но уже в этой истории видно, что с самого начала, как тень, сложилось культурное, а затем и политическое течение, которое отрицало самые основания советской утопии, а потом и советской практики. Хватило ведь у этого течения ресурсов собраться для Гражданской войны — войны «Февраля с Октябрем». Потом ушли эти силы в тень, нашли удобные ниши в самом советском обществе, поднялись вверх, а потом и к власти пришли. Надо же их понять, никуда они не делись — и думают, и действуют в рамках той же самой доктрины.

В этой книжке даны первые наброски темы, лишь контуры той «тени», которая выделась при изучении истории самого советского проекта. Ясно, что такое описание ущербно, и очень желательно было бы получить отклики изнутри антисоветского мироощущения — но уже с опытом нынешней катастрофы. Если такого отклика не последует — что ж, продолжим раскопки сами. Значит, к несчастью, разрыв необратим, господа хотят пройти своей дорогой до конца.

Глава 1

СОЗРЕВАНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ

Советский проект по своим масштабам был крупной программой, продолжавшей траекторию движения России как *цивилизации*. О частностях в этом пункте можно спорить, но они не слишком принципиальны. Существенная часть этой программы успела реализоваться в советском строе, хотя его короткая историческая жизнь в основном представляла собой экстремальные и аномальные периоды горячих войн и форсированных усилий, а вся остальная часть — тяжелый период неравной «холодной» войны. На мой взгляд, достойно удивления, что даже несмотря на эти чрезвычайные условия советский строй успел воплотить в жизнь очень многие позитивные и даже идеальные стороны программы.

Соответственно структуре и масштабу советского проекта в сфере сознания складывалась противостоящая ему *антисоветская программа*. Складывалась она долго. Можно считать, что в целостном и явном виде ее ядро сложилось в 60-е годы в среде «шестидесятников», хотя элементы ее оттачивались давно — с времен Чаадаева. Но для нас важен именно целостный, обладающий системными качествами проект «шестидесятников», ибо его развитие уже не прерывалось и в конце концов он обрел материальную силу и был реализован в виде «антисоветской революции» 80—90-х годов XX века. Ее предвари-

тельной, «холодной» фазой была *перестройка* Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего бригада Ельцина смогла демонтировать и его базис. Конечно, ни надстройка, ни базис полностью не разрушены, уже десять лет идет вязкая «позиционная война», но здесь для нас важно не это.

Разговор об антисоветском мышлении сложен — очень многие из нас в той или иной степени были проникнуты таким мышлением, даже сами того не замечая. Копаться в своем сознании и видеть, что ты сам культивировал зародыши катастрофы — вещь болезненная. Но ее надо проделать — и вовсе не с целью «выяснения отношений» и поиска виноватых. Цель гораздо более фундаментальна.

На мой взгляд, именно на самом раннем этапе мысленного отрицания «темных сторон» советского строя в антисоветский проект был заложен ряд ложных принципиальных идей. В тот момент эти идеи формулировались в мягкой форме и не вызывали ни тревоги, ни отторжения. В них не было видно неминуемого разрыва с главным стволom «советского пути». На самом же деле именно тогда этот разрыв и произошел, и эти мягкие идеи (например, о желательности небольшой, уютной *безработицы*) задали новую, все более отклоняющуюся траекторию общественной мысли. В 60-е и даже 70-е годы казалось, что отклонение несущественно. Да, мой друг мыслит несколько иначе, но он же вот, рядом — мы достаем друг друга руками. Кто бы мог подумать тогда, что в октябре 1993 г. он пойдет на зов Гайдара?

Разобраться в генезисе антисоветского проекта надо потому, что он явно завел страну в *экзистенциальную ловушку*. Сама травма убийства советского строя, на которую обычно и обращено все внимание, не так уж вели-

ка — не сравнить с Гражданской войной после 1917 г. Но дело не в этой травме, а в том, что за ней — путь под уклон, в небытие. Этот путь может быть иной раз крутым, иной раз пологим, с анестезией нефтедолларов или с дубинками ОМОНа, но он неуклонно ведет к угасанию, а потом и к смерти. На этом пути не за что зацепиться, и циклы воспроизводства на нем сужаются с неумолимой закономерностью.

В этом — контраст с той катастрофой, что пережила Россия в 1917 г. Вдумчивые люди, еще стоящие на антисоветских позициях, говорят: и царская Россия в 1917 г., и СССР в 1991 г. рухнули потому, что это были больные общества. Да, это так. Но дальше-то дело пошло по-иному. Больное сословное и изъеденное капитализмом общество начала XX века было загнано революцией в проект большого *строительства*. И те структуры, которые строились, пусть с авариями и жертвами, обеспечили выживание и развитие страны в самых тяжелых условиях. Напротив, антисоветский проект закладывался на основе таких идей, что их плоды *отравили* общество и убили в нем всякий потенциал развития и даже саму волю к жизни.

И напрасно бодрится меньшинство, жирующее на захваченной собственности. Путь-то под уклон. Они пока что питаются трупом убитой страны, и им кажется, что пищи вдоволь. Но трупы не воспроизводятся и не растут, даже банкиры это знают. Потому-то они покупают дома за границей и отправляют туда же рожать своих жен и дочерей — чтобы дети и внуки получили иностранное гражданство по праву места рождения.

Один философ сказал с горечью: «Я сеял зубы дракона, а собрал урожай блох». Наши антисоветские романтики, носившие на руках Евтушенко с Окуджавой, сеяли поэтических блох, а выросли и заполонили страну огромные тифозные вши. Надо понять, как это получилось.

Мы будем говорить об антисоветском проекте как большой интеллектуальной и духовной конструкции, даже особом мировоззрении, спроектированном на советский строй (хотя, в принципе, очень важно было бы понять и другие стороны этого мировоззрения, направленные на разные стороны бытия, прямо не связанные с советским проектом).

Что же понимать под «антисоветским проектом»? Ведь сейчас антисоветские идеологи упорно твердят о том, что никакого проекта не было, что «все рухнуло само», что «хотели как лучше» и т.д. Это мелочные оправдания — под проектом понимается не сетевой график действий Горбачева, а вещь более принципиальная.

История дала нам хорошо изученный и прямо отвечающий на наш вопрос случай — Великую Французскую революцию. Она разрушила Старый Порядок (эти слова даже писали с большой буквы, чтобы подчеркнуть цивилизационный масштаб этой революции, которая действительно изменила все жизнеустройство). Общепризнано, что эта революция следовала грандиозному проекту, который вызревал в течение полувека и сам вытекал из философского и культурного течения, которое было названо Просвещением. Иными словами, говорить о *проекте* Великой Французской революции — не значит следовать теории заговора (хотя в техническом ее исполнении была велика роль заговорщиков и вообще теневых политических сил, например, масонов).

Как же вызревал тот проект и в чем выразился? В том, что группа видных деятелей культуры и науки Франции в течение длительного времени целенаправленно и систематически описывали все главные устои Старого Порядка и убеждали общество в том, что эти устои негодны и должны быть сломаны. Известна роль *энциклопед-*

дистов. На их примере хорошо видно, как вынашивался проект. Небольшая группа видных ученых и философов, соединившись вокруг Дидро и Д'Аламбера, в течение 20 лет (до 1772 г.) выпускала «Энциклопедию», соединив в ней современные знания. Но главный замысел был в том, что каждый научный вопрос излагался так, чтобы доказать негодность Старого Порядка. В 1758 г. Генеральный Совет Франции принял даже специальное постановление об энциклопедистах: «С большой горечью мы вынуждены сказать это; нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения и порчи нравов». Энциклопедия выходила легально, но был организован и «самиздат», в том числе за рубежом.

Что же у нас? По типу — то же самое. Видные деятели интеллигенции целенаправленно и методически убеждали граждан в негодности всех устоев советского порядка. Я с 1960 г. работал в Академии наук и прекрасно помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра — оттачивались аргументы против *всех существенных черт* советского строя. Так и вызревало то, что я назвал «проектом». Над ним работали в самых разных «нишах» общественного сознания — и ученые, и поэты, и священники.

Вот, например, пишется история одного маленького отряда, «методологического сообщества» (или «игропрактиков» — тех логиков и вообще обществоведов, которые занимались разработкой деловых игр). Историк пишет о них: «Появление игр второго поколения связано с деятельностью Московского методологического кружка, работавшего в 1952 г. под руководством канд. филос. наук

Г.П.Щедровицкого. Среди основателей кружка — А.А.Зиновьев, М.К.Мамардашвили и Б.А.Грушин... Все обсуждения записывались на магнитофон и затем распечатывались на пишущих машинках. (За 40 лет в методологических кружках скопились сотни томов машинописных материалов семинаров и игр)... Методологическое движение не представляло собой какой-то реальной оппозиции политическому режиму. Скорее, оно проводило подспудную кропотливую работу, готовя перемены. Не случайно его представители оказались в первых рядах, когда эти перемены начались» (В.Н.Макаревич. Игропрактики, методологи: «незримое сообщество» выходит из подполья. — СОЦИС, 1992, № 7).

В построение антисоветского проекта была вовлечена значительная, если не большая часть интеллигенции, которая в постоянных дебатах совершенствовала тезисы и аргументы, искала выразительные метафоры. Со временем, к концу 70-х годов в это предприятие было втянуто практически все общество — хотя бы в качестве зрителей и слушателей. Книги и фильмы с антисоветским подтекстом, теле- и радиопередачи, песни бардов, черный юмор и анекдоты — все имело идеологическую антисоветскую нагрузку.

Избежать этого влияния было нельзя, антисоветские идеи и формулы превращались в привычные штампы, становились *стереотипами массового сознания*. В этом смысле СССР стал уникальным государством, объектом удивления и насмешек. В 80-е годы в одной из поездок на Запад я услышал такой анекдот: выходит советский человек на улицу и спотыкается о камень; поморщившись от боли, он ворчит: «У, проклятая система!»

Настолько привычными стали попреки «системе», что доходило до нелепостей — а мы этих нелепостей не заме-

чали. Всякое лыко в строку. Помню, в 70-е годы воспринимался как смелый и тонкий вызов «советской системе» куплет из банальной песни Высоцкого о том, как он звонит из Москвы в Париж Марине Влади. В порыве чувств он восклицает: «Почему мне в кредит, по талону предлагают любимых людей?» И в мозгу у слушателя щелкало: какая бесчеловечная, холодная, бюрократическая система! В кредит! По талону! Любимых людей! Вы подумайте только — любимых! Слушали, и как-то не приходило в голову: а как же тебе, черт побери, надо предоставлять телефонную связь с Парижем, чтобы ты по полчаса с Мариной трепался? Ведь это для твоего же удобства делается, чтобы не тащиться на почтамт, а дома из кресла разговаривать. Хочешь — купи талон на фиксированное время, а хочешь — говори в кредит, сколько душе угодно. Что же тут плохого? Или любимых людей надо соединять с Парижем бесплатно? И только ли с Парижем? Не один Высоцкий в разлуке бывал и по телефону звонил, но ни у кого таких претензий не было, а тут он спел, и все закивали. Ах, по талону...

«Молекулярное» воздействие мелких антисоветских утверждений — слухов, шуток, анекдотов — было исключительно интенсивным. Мы эти воздействия просто перестали замечать и воспринимали как шум, без всякого критического анализа. Каждый мог бы вспомнить множество эпизодов из личной жизни. Приведу и я один такой эпизод, о котором задумался только сейчас, когда пишу эту книгу.

Дело было весной 1985 г., когда ничто еще не предвещало крутого поворота 1988 г. Я был заместителем директора одного из институтов АН СССР. Сидели мы в дирекции, и мой коллега, тоже замдиректора, долгое время до этого работавший в ЦК КПСС, рассказал такую историю, которая якобы произошла на днях. В детском саду на кухне утонула в кастрюле молока крыса. Повариха ее

вытащила и выбросила, а молоко пожалела, разлила по стаканам и дала детям. А крыса-то до этого отравилась крысиным ядом. И вот, 22 ребенка умерли, выпив этого молока. Мы все, услышав такое печальное известие, помолчали, пробормотав что то вроде «вот так все у нас...». Мол, «у-у, проклятая система».

Примечательно, что никто не усомнился в этом сообщении, хотя директор был биологом по образованию, а я — биохимик-экспериментатор с большим опытом. Мы не усомнились, хотя нам-то должно было быть очевидно, что вся эта история — выдумка. Сейчас я ее вспоминаю, и меня бросает в жар. Как стыдно! Столько учился, сам работал с похожими вещами — что же вдруг так заблокировало твои знания и твой опыт? Почему тебя вдруг превратила в идиота эта примитивная «утка»?

Посудите сами. Крыса, животное весом около 200 г., съела смертельную дозу крысиного яда. Яд этот, конечно, вреден для всех млекопитающих, но все же особенно он действует на грызунов, на их специфическое слабое место — кровоточивость слизистой оболочки желудка. Как яд используется антикоагулянт — вещество, затрудняющее сворачивание крови. Для людей он гораздо менее ядовит, чем для крыс. Иными словами, человек весом 200 г., проглотив весь яд, который был в крысе, скорее всего не умер бы, а лишь переболел. Но даже такой маленький человек никак не мог получить всего того яда, что проглотила крыса. Он выпил бы свою долю молока — 1/22 (если все молоко до капли выпили «умершие дети»). Значит, он мог получить максимум 4% того яда, что содержался в кастрюле молока. Это исходя из предположения, что **весь** яд перешел в молоко. Но яд не перешел в молоко, это абсолютно невозможно. Яд находился в желудке и в тканях крысы. В молоко могла перейти лишь очень небольшая часть это-

го яда. Скажем, 1% (на даже если 10% — это дела не меняет). Таким образом, ребенок весом 200 г получил бы около 1/2200 смертельной для крысы дозы яда. Но детей весом 200 г не бывает даже в проклятых советских детских садах. Дети наши в то время весили по 10—15 кг. Совокупная масса тела 22 детей составляла по меньшей мере 220 кг — в тысячу раз больше, чем у нашего гипотетического ребенка размером с крысу. Следовательно, количество принятого с молоком яда составляло порядка одной миллионной части смертельной дозы.

Предположим даже невероятное — что крыса съела десять смертельных доз! Значит, ребенок в среднем получил не одну миллионную часть, а одну стотысячную часть смертельной дозы, одну десятитысячную, наконец — все равно слишком мало. Не только о поголовной смерти воспитанников детского сада не могло идти речи, но и вообще о каком-то недомогании. Говорят, что дело могло быть не в яде, а в тех болезнетворных микробах, которые попали с грязной крысы в молоко. Но это была бы совсем другая история. Ну, заболел кто-то из детей, кого-то пронесло — это совсем не то. В любом случае, мало-мальски образованный в данной области человек сразу должен был бы **усомниться**. Мы же выслушали — и **не усомнились**, в этом корень проблемы. Эта история была явно «лабораторным» продуктом. Раз в нее сразу поверили, значит, к этому уже была предрасположенность.

Недавно я рассказал об этом на одном узком семинаре. Поразительно, что слово в слово история о крысе и гибели детей в тот год рассказывалась и в других местах. Ее слышал один из участников семинара, тогда моряк-подводник. То же молоко, те же 22 ребенка. В Интернете я попросил компетентных людей оценить обоснованность моих приблизительных расчетов. В общем, согласились на

том, что смерть детей от яда, который был в крысе, невероятна. Заболевание от инфекции — возможно, но тогда бы не было быстрой и поголовной смерти. По общему мнению, эта история была сфабрикована, и предрасположенность к восприятию таких историй в обществе тоже была. Один собеседник написал: «Да, была такая история, еще там один ребенок молока не пил и потому выжил, а повариха повесилась. Вплоть до того, что я встречал очевидца, видевшего «детские гробики в овраге на Хованском кладбище». Ну, понятно, что и гробики не могут валяться, и оврага там нет, но — *своими глазами*».

Многие помнят, что вообще черный «фольклор» о детсадах был тогда популярен. Все слышали сказку о том, как нянечки сажают малышей голенькими на горшки — и открывают форточки, чтобы их простудить ради облегчения своей работы. Этому тоже охотно верили. Когда мы в Интернете обсуждали и эту версию черной легенды, один участник семинара, живущий в США, прислал оттуда такую реплику: «Забавно, что во-первых, в садики здесь ходят не меньше, чем в Союзе, а во-вторых, болеют дети гораздо чаще. А почему? А потому, что больничных у родителей практически нет и больной ребенок, напичканный тайленолом, отправляется в садик заражать остальных детей. И не нужно злой тети. Система работает сама». Но тогда, в 80-е годы, людей приучили к мысли, что советская система — самая страшная.

Комментарий из 2001 г.: «крыса в молоке» — эпизод психологической войны

При обсуждении в Интернете истории с крысой, от которой якобы отравился целый детский сад, всплыла книжка некоего М.Веллера, который поведал эту историю в виде «документальных зарисовок» врача «Скорой

помощи». «Врач» даже указал конкретный населенный пункт, где эта история произошла. Вот она, в чуть сокращенном виде:

Михаил Веллер. «Байки скорой помощи». Отравление

День выдался на редкость: то сосулька с крыши, то рука в станке, то подснежник, то ножевое... И тут диспетчерша над карточкой затрудняется: звонят из Мельничных Ручьев, из яслей — что-то детям плохо... Что плохо? Похоже на отравление... Скорей. Едем, едем! А что — вообще? Да дышат плохо. Синеют... И у скольких это? Да почти все... Сколько!!! Всего — тридцать семь... Массовое тяжелое отравление в яслях! Гоним все свободные машины... А на тяжелые случаи у детей мы едем быстро, чай не допиваем и в карты не доигрываем — рысью и под сиреной: это тебе не старушка-хроник представляется и не алкаш в дорожное вмазался...

Ясельники... Рвотное, промывание, сердце поддерживать, кислород искусственно. Трясем воспитательниц: как, когда, что пили? — Накормили манной кашей, уложили спать, тут и началось. Санэпидстанцию сюда! — воду на анализ, молоко на анализ: что за эпидемия кошмарная, что за бацилла, что за яд такой? Детей пачками везем в больницы, кто-то уже помер, лаборатория корпит в поту: в рвоте и поносе — ДДТ и мышьяк!.. Милиция роется в помойке, откапывает остатки каши, везет на экспертизу: есть мышьяк и ДДТ в каше! Родители уже рыдают по больницам, местное население гудит и собирается сжечь эти ясли, заперев предварительно персонал.

Звонок на «скорую»: повешение. Жив? Какое там, остыла. Кто? А заведующая этими яслями повесилась... Выяснилось, что они сварили крысу... На раздаче повараха зачерпывает со дна — батюшки! из черпака хвост ви-

сит... Пришла заведующая. Обматерила повариху. Велела выкинуть крысу в помойное ведро и быстро убрать на помойку... И покормили кашкой... Выварилась химия из крысиного организма и наплатала всю кастрюлю до той самой концентрации... Ну что. Заведующую на кладбище, поварихе восемь лет. А из детей шестерых так и не откачали».

Товарищи не поленились и поехали на место происшествия, в поселок Мельничный Ручей неподалеку от Ленинграда. Детского сада там нет. Женщины, которым они пересказали эту историю, утверждают, что ничего подобного в их поселке никогда не было — «местное население не гудело и не собиралось сжечь эти ясли, заперев предварительно персонал».

Кстати, заметьте, как походя этот Веллер мазнул и «Скорую помощь» — если старушка умирает или человек («алкаш») попал под машину, то они, мол, не торопятся — чай допивают и в карты доигрывают... Строго говоря, культурная диверсия М.Веллера — элементарная акция психологической войны против СССР. А мы все были долго уверены, что врагов народа не существует.

Антисоветский проект «шестидесятников» не собран в каком-то одном большом труде, хотя и есть отдельные сборники с его более или менее связным изложением — например, книга-манифест «Иного не дано» (1988). Его сущность изложена в огромном количестве сообщений по частным вопросам, в «молекулярном» потоке идей, символов и метафор, которые омывали умы людей. Крупные фигуры, известные диссиденты были лишь своего рода опорами, устоями всего этого движения, задавали его траекторию и мифологию. Близкие им духовно и культурно партийные деятели и члены научно-гуманитарной верхушки сотрудничали эффективно, но не явно.

Так же и самиздат лишь задавал некую видимую линию фронта. Главная интеллектуальная работа делалась элитарной частью «шестидесятников» — партийно-художественной интеллигенцией среднего ранга, тесно связанной с номенклатурой (точнее, частью номенклатуры).

В 1991 г. вышел сборник статей А.Адамовича «Мы — шестидесятники» (М.: Советский писатель). Он содержит довольно подробное перечисление тех фигур, которые выражали суть этого движения и составляли его «мозговой центр» и организационный костяк. Примечательно и то, что эти «шестидесятники руководящего звена» входили одновременно в номенклатуру и советскую, и западную. В Москве или Минске они запросто беседуют с Андроповым или Машеровым, а в США — с Робертом Кеннеди, который якобы в ванной, под шум пущенной из крана воды излагает Евтушенке секреты ЦРУ (это Евтушенко рассказал Адамовичу).

Из этого следует, что «шестидесятники» имели широкий доступ к информационным и административным ресурсам. Не только в СССР они занимали ключевые посты в сфере духовного воздействия на общество. Давно началась их подпитка и внешними средствами. Советология в США представляла собой огромную, прекрасно оснащенную машину, которая досконально изучила все уязвимые точки советской системы, все слабости, предрассудки и стереотипы советского мышления. Она работала не только на ЦРУ, но и на наших «шестидесятников».

Что же касается идейного содержания сборника Адамовича, то у меня он оставил тягостное впечатление. Ненависть разлита по каплям, нигде ее основания ясно и в связной форме не излагаются. На первый взгляд, и идейто никаких нет, мешанина из Ленина, Сахарова, Швейцера, Евтушенко. Понятно, что суть — *отрицание*, но ред-

ко-редко проскользнет какая-то черточка *желаемого* образа, хоть какая-то частица конструктивного проекта. Проскальзывает — и тут же прячется. Вот, А.Адамович, депутат Верховного Совета СССР, выступает в 1989 г. перед студентами и преподавателями МГУ и говорит: «Любому правительству, какое у нас сейчас будет, придется пойти на очень жесткие меры в экономике, которые приведут к безработице, росту цен, инфляции, вызовут недовольство широких масс» (с. 346). Важная мысль — так растолкуй ее! Почему от полной занятости надо переходить к безработице, почему надо обрушивать производство и вызывать рост цен и инфляцию? Ясно, что такие идеи вынашиваются годами, но ведь никогда этот проект в целом людям не излагался.

Тексты «шестидесятников» мне пришлось читать уже в 90-е годы, когда они стали выражаться гораздо яснее и полнее. Но все равно, эта ползучесть и уклончивость остались. И какое-то удивительное *принижение* всех проблем бытия. Как будто им самим их собственная позиция по главным вопросам казалась предосудительной. Уход от «вечных» вопросов как культурное кредо целого течения. В этом, видимо, был большой смысл.

Прочитав множество таких текстов, я поймал себя на странной мысли — эти «шестидесятники» сеяли зерна ненависти и удобряли их авторитетом ученых, поэтов, публицистов. А выращивали их, дополняли их своим трудом и разумом безымянные трудящиеся интеллигенты, которые вовсе не испытывали ни ненависти к основам советского строя, ни желания устроить в стране безработицу. И созревали плоды, которые потреблял народ — мякоть их была наполнена здоровым желанием улучшить нашу жизнь и укрепить советскую страну, а семечки содержали яд ненависти и разрушения.

Я, с 1960 г. работая в академической лаборатории, получал идеи «шестидесятников» от старших коллег и товарищей именно в форме таких плодов. К слову сказать, по своему интеллектуальному уровню они были выше того, что потом выбросила в печать сама антисоветская элита, карякины и адамовичи. Такой возник «союз меча и орала».

Таким образом, чтобы понять последний сорокалетний период нашей жизни, нам надо реконструировать тот большой антисоветский проект (проект «жизнеразрушения»), который влиял на общественное сознание в целом, в том числе на сознание партийно-государственной элиты. Поскольку в СССР не было «гражданского общества», установки этой элиты в громадной степени предрешали судьбу страны.

Зачем нам сегодня восстанавливать в уме антисоветский проект? Во-первых, он имеет прямое отношение к выяснению сути советского строя. По направлению ударов мы легче обнаружим его несущие конструкции, ибо удары эти оказались точными и эффективными. Вся доктрина «шестидесятников» в их войне против СССР может служить нам научным инструментом, тем зеркалом, в котором пусть с ненавистью, но отражены главные черты советского строя. Это — не просто полезное дополнение того образа, что мы способны нарисовать с любовью. Это — выявление подлинного образа, который был покрыт лубочной росписью и лаком официальной идеологии. О себе могу сказать, что большую часть знания и понимания советского строя мне дало чтение именно *антисоветских* текстов и выступлений 90-х годов. Раньше я жил и о многих вещах просто не задумывался, они казались мне естественными. Но когда знаменитые мужи утверждают, что это вещи противоестественные и мерзкие, просто нельзя о них не задуматься.

А для тех, кому придется разбирать руины нашего сокрушенного дома, структуру антисоветского мышления надо знать обязательно, поскольку оно никуда не делось. Напротив, оно все еще нагнетается всей мощью идеологической машины, и оказывается, что многие его блоки в действительности имели главным объектом атаки вовсе не политико-идеологическую шапку СССР, а именно цивилизационные основы жизнеустройства наших народов. Не против КГБ они были направлены, а против детства и пионерлагеря! Главное противостояние продолжается, только теперь почти не осталось того страшного коммунизма, в который было удобно целиться, чтобы стрелять в Россию.

Образ антисоветского проекта неизбежно будет казаться противоречивым, поскольку в нем на общей основе антисоветизма были соединены очень разные культурные силы. Боннэр с Солженицыным, Шафаревич с Новодворской! После успеха в первой военной кампании — уничтожения СССР — они друг от друга отошли и даже переругиваются, духовно удерживая в сфере своего притяжения разные части общества. Но их антисоветизм — основа фундаментальная, и в этом своем векторе они продолжают составлять единый фронт.

Понятно также, что изложение проекта будет схематичным, убогим и упрощенным, как всякое препарирование для анализа сложной системы. К тому же есть еще много «белых пятен» в этой истории, а есть вещи совсем непонятные. Мне, например, непонятна сама страсть публично, на людях охаивать дело своих любимых отцов и даже свое собственное — а это мы видели у очень разных людей, вставших на антисоветскую тропу. У Гайдара и Антонова-Овсеенко, Ч.Айтматова и Б.Окуджавы. Бывает, люди пересматривают свои взгляды, но есть же приличия.

Прежде чем перейти к обсуждению интеллектуально-философских оснований антисоветского проекта, введем в наш разговор контроль *меры*.

Глубина проникновения и широта охвата антисоветского мышления в общественном сознании

Поскольку антисоветизм является официальной идеологией победившего в конце 80-х годов блока нескольких социальных групп, которые сегодня составляют «господствующее меньшинство», измерить приверженность общества к антисоветским ценностям по внешним признакам непросто. Внешние проявления общественной позиции через СМИ кардинально искажают реальность, поскольку вся эта система, за исключением контролируемых вкраплений «оппозиционной прессы», находится на службе у господствующего меньшинства. Поэтому приходится опираться на собственные интуитивные оценки и на результаты социологических исследований, публикуемые в специальной литературе.

По моим интуитивным оценкам, все общество и особенно интеллигенция были и остаются затронутыми влиянием антисоветской пропаганды. И тем не менее, очень небольшое число граждан России и других республик СССР (даже прибалтийских) сознательно отвергают главные устои советского строя. Чаще всего они просто не понимают, о чем идет речь, а в душе привержены именно культурно-философским устоям советского проекта в их главной сути.

В 1995 г. ВЦИОМ опубликовал большой обзор результатов социологических опросов «Мониторинг перемен: основные тенденции» («Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М., 1995, № 2).

Надо подчеркнуть, что руководство, да и коллектив ВЦИОМ в общем стоят на радикально антисоветских позициях и многие данные сообщают со злобными комментариями, скрипя зубами. Но знание их хозяевам необходимо, и данные сообщаются. Вот некоторые выдержки из обзора, прямо говорящие о глубинном отношении людей к советскому строю и антисоветским альтернативам:

— «И старая, и новая идеологическая мода побуждает добрую половину респондентов склоняться к признанию несовместимости отечественного образа общественной жизни с «западной демократией». Сравнение двух замеров, разделенных полутора годами, — да еще какими! — показывает, что перед нами не просто показатель настроения, а установка, что-то вроде канона общественного сознания россиян. Это не усредненная, а поистине универсальная установка, разделяемая — в неодинаковых, впрочем, пропорциях относительным и абсолютным большинством практически во всех наблюдаемых категориях респондентов»¹.

Поскольку весь антисоветский проект строился на идее замены советского государственного строя демократией западного типа, вывод очень красноречив. В 1994 г. 33% посчитали, что «многопартийные выборы» принесли больше вреда, и 29% — что больше пользы. О «праве на забастовку» 36% сказали «больше вреда», и 23% — «больше пользы».

— «Как лучший период в истории XX в. общественное мнение выделяет времена правления Брежнева и Хрущева, перестройка же оказывается *наихудшим* временем по соотношению негативных и позитивных оценок... «Правильной» *кажется перестройка имеющим высшее об-*

¹ Замеры делались в июне 1993 г. и в октябре 1994 г.

разование (23%), москвичам (22%), избирателям «Выбора России» (29%)».

Удивительно, что даже в группах, где антисоветская идеология казалась абсолютно господствующей, слом советского строя положительно оценивает лишь около четверти респондентов.

— «За пять лет реформ (1990—1994 гг.) число приверженцев частной собственности сократилось, а доля ее противников — возросла. Можно утверждать: население укрепило в своем представлении о том, что основой частной собственности должен быть малый бизнес. Крупное производство, по мнению большинства населения, должно оставаться вне частной собственности... В массовом сознании богатство нынешних «новых русских» не является легитимным, поскольку, по мнению населения, получено в результате либо «прихватизации» бывшей госсобственности, либо финансовых махинаций и спекуляций... К участию иностранного капитала в российской экономике большинство россиян по-прежнему относится отрицательно, причем заметна тенденция усиления негативного отношения. Особое неприятие вызывает возможность распространения собственности иностранных граждан на крупные фабрики и заводы. Против собственности иностранцев на крупные участки российской земли по-прежнему высказываются более 80% россиян, на мелкие — более 60%».

Исключительно информативна «карта страхов» — субъективные представления об угрозах для благополучия личности и семьи. Столкнувшись с новыми, непривычными в позднее советское время угрозами и рисками, люди начинают по-иному оценивать государственное и экономическое устройство СССР. В указанном обзоре 1995 г. сказано: «Итоги пятилетия достаточно очевидны.

Страх насилия на почве национальной вражды вырос на порядок; страх перед нападением преступников и боязнь безработицы, бедности увеличились втрое; страх перед возвратом к практике массовых репрессий — вдвое; страх перед произволом властей, беззаконием и перед публичными унижениями, оскорблениями — в полтора раза. Почти вдвое снизился страх перед стихийными бедствиями, а также ужас от мысли о возможных болезнях, мучениях смерти... Таким образом, за последние пять лет все социальные страхи резко усилились за счет личностных. Если же считать личностные страхи неизменными, то приходится признать еще более резким рост социальных страхов и значительное — в полтора-два раза — увеличение числа постоянно испытываемых страхов».

Надо отметить, что советский тип трудовых отношений стал даже более привлекательным в ходе реформы. В 1989 г. из всех вариантов 45% выбрали такой, типично советский: «Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне». В 1994 г. этот вариант выбрали уже 54%. Типично «антисоветский» вариант («Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск») выбрали 9% в 1989 г. и 6% в 1994 г. В среднем 84% опрошенных считали в 1989 г., что обязанностью правительства является обеспечение всех людей работой, а в ноябре 1991 г. более 90% выразили это убеждение — убеждение, которое в антисоветской пропаганде было одним из главных объектов атаки.

Вот как менялось, по мере приобретения «рыночного» опыта, отношение к советскому типу предоставления социальных благ. В ноябре 1991 г. 41% считали, что школьное образование должно быть «в основном бесплатное», в октябре 1993 г. такое мнение выразили 58%, в январе 1995 г. 70% и в январе 1996 г. 74%. За «в основ-

ном бесплатное» медицинское обслуживание в те же сроки высказались 22, 46, 57 и 60% («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 3).

Показательны оценки советского и нынешнего строя по интегральному, бытийному критерию — возможности *счастья*. В мае 1996 г. было опрошено 2405 человек. Им был задан вопрос: «Когда было больше счастья: до перестройки в конце 70-х годов или в наши дни». Ответили, что «до перестройки», 68% людей с низкими доходами, 55% со средними и 44% с высокими. Но даже среди богатых меньше тех, кто видит в нынешней жизни возможность для счастья — их всего 32% («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 4). И это показатель, который при нынешнем антисоветском строе не будет расти — для большинства жизнь будет все более ухудшаться.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран СССР и Восточной Европы, является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. работает в рамках совместного исследовательского проекта «Новый Российский Барометр» большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р.Роуза и Кр.Харпфера в 1996 г. сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Оценки нынешней политической системы еще хуже.

А вот что сказала активный антисоветский идеолог академик Т.И.Заславская на Международной конференции «Россия в поисках будущего» в октябре 1995 г.: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время как по мнению

2/3, «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» (СОЦИС, 1996, № 3).

Определенно антисоветскую позицию занимает в России очень небольшое меньшинство. В начале 1996 г. ВЦИОМ по заказу французского университета и на деньги какого-то иностранного фонда провел опрос жителей трех областей (включая областной центр), в котором выяснялось отношение к советскому прошлому. Хотя по результатам выборов в Государственную думу (декабрь 1995 г.) эти области сильно различались, отношение к советскому строю было на удивление сходным. Определенно антисоветским был выбор такого варианта ответа: «Это были тяжелые и бесполезные годы». Такой вариант выбрали 6% в Ленинградской области, 5% в Красноярском крае и 5% в Воронежской области («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 2). Таков размер социальной базы убежденного антисоветизма.

Для нашей темы существенно также исследование американского социолога Т.Кларка «Отношение к реформам и электоральные установки». Дело в том, что образ советского строя в массовом сознании ассоциируется с КПРФ (неважно даже, в какой степени обоснованы эти ассоциации). Люди даже не вникают в туманные программные заявления этой партии, она воспринимается как носитель именно советских принципов. Но за КПРФ голосует около трети избирателей, более половины их вообще не ходят на выборы. Каково же их мнение? Это и исследовал Т.Кларк. Вот его вывод:

«Психологические установки и эмоциональные оценки политически неангажированных групп весьма близки к настроениям оппозиции. Они полагают, что их жизнь

хуже родительской, убеждены, что не могут улучшить свою жизнь, оценивают свою ситуацию как нетерпимую, связывают свои надежды на успех с тем, насколько справедливо устроено общество. Таким образом, и по отношению к рыночным реформам, и по эмоционально-психологическому состоянию политически неангажированные группы значительно ближе к сторонникам КПРФ и ЛДПР, чем «Выбора России».

Учитывая диаметрально противоположные позиции поддерживающих «Выбор России» и сторонников оппозиционных партий или неангажированных групп практически по всем вопросам, трудно предположить, что «Выбор России» сможет найти способ адресоваться к ним. Безусловно, это неутешительная новость для реформаторов. Поскольку данные ВЦИОМ показывают, что в сумме сторонники оппозиционных партий и неангажированные группы составляют более 66% всего взрослого населения РФ» («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1994, № 6).

Подчеркну, что среди самих сторонников «Выбора России» почти 80% вовсе не были в тот момент *фундаментально* антисоветскими. В действительности те, кто исповедует принципиально антисоветские установки, составляют численно совершенно незначительное меньшинство, и позиции их поистине *диаметрально противоположны* воззрениям подавляющего большинства. Кстати, маленький, но красноречивый психологический нюанс. Только 3% опрошенных позитивно воспринимают обращение «*господа*». Даже среди самих господ предпринимателей таких насчитывается всего 12%. Страшно людям оторваться от советского понятия *товарищ*.

Вот признание (в 1994 г.) видного антрополога, министра в правительстве Ельцина В.Тишкова: «Фактически мы живем по старым законам, старого советского времени.

Проблема номер один — низкое гражданское самосознание людей. Нет ответственного гражданина... У нас даже человек, севший в такси, становится союзником водителя, и если тот кого-то собьет или что-то нарушит, он выскочит из машины вместе с водителем и начнет его защищать, всего лишь на некоторое время оказавшись с ним в одной компании в салоне такси. При таком уровне гражданского сознания, конечно, трудно управлять этим обществом».

Таким образом, можно считать, что в главных вопросах общественное сознание в России (и тем более на Украине, в Белоруссии и в азиатских республиках СССР) не являлось и не является антисоветским. Даже к 1991 г., на пике перестроечной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством. Но этого и не требовалось антисоветским силам — им достаточно было того, что большинство народа уклонилось от активной защиты советского строя и даже от активной рефлексии — от того, чтобы обдумать последствия того поворота, что назревал.

Во время глухой борьбы антисоветского меньшинства с тем меньшинством, которое предвидело ту катастрофу, к которой приведет слом советского строя, большинство интеллигенции стояло в стороне, пассивно наблюдая. Это предопределило поражение СССР, который стоял на идее общего дела. Катастрофа и произошла потому, что при такой позиции большинства произошла не смена одного строя жизни другим, сознательно выбранным, а возникла Смута, которой овладели воры.

Опасность для государства массового уклонения граждан от того, чтобы четко определить свою позицию в момент общественных противостояний, хорошо понималась уже на этапе становления афинской демократии. Аристотель пишет: «Видя, что в государстве часто про-

исходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав».

Плутарх тоже отмечает этот момент в законах Солона: «Из остальных его законов особенно своеобразным и странным является тот закон, который повелевает, чтобы был лишен гражданской чести человек, не примкнувший во время смуты ни к той, ни к другой партии. Но он хочет, как кажется, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достоинство и отговариваясь тем, что не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасности и помогал им, а не выжидал в безопасности того, что предпишут победители» (Аристотель. Афинская политика. М.: Соцэкгиз, 1937)¹.

Во время революции начала XX века мы выбрали из Смуты потому, что достаточно большая часть народа чувствовала ответственность за выбор. М.М.Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 г.: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче — быть с теми или другими. «А как же, — сказал он, — быть ни с теми, ни с другими, как?» — «С самим собою». — «Так это вне общности!» — ответил таким тоном, что о существовании вне общности он не хочет ничего и слышать».

¹ Лишение гражданской чести — тяжкое наказание, равносильное лишению гражданских прав.

Таким образом, в начале 90-х годов вовсе не произошло, как утверждают демократы типа Немцова, «свержения советского строя народом», сознательного перехода масс на антисоветскую позицию. Нет, произошла номенклатурно-криминальная «революция сверху» с дезориентацией народа.

Главное, что отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорил о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания. А ведь именно в этом суть и предпосылки для выбора той или иной траектории пути нашего развития. Другое дело, что в массовом сознании представления о реальности расщеплены, в умах людей возникла мешанина из несоизмеримых, часто взаимоисключающих воззрений и притязаний. Например, опрос учащихся 11-го класса школ и ПТУ Нижегородской области в мае 1992 г. показал, что каждый второй хотел бы стать предпринимателем, каждый четвертый — завести собственное дело. Но рано или поздно жестокая действительность приведет сознание в рамки здравого смысла. Это — условие биологического выживания человека в обществе, а полного вымирания народа ожидать все-таки не приходится.

В целом, можно сказать, что подавляющее большинство наших соотечественников сохраняют фундаментальные основания советского взгляда на жизнь и на человека, но эти ценности и установки прикрыты в поверхностных слоях сознания антисоветскими претензиями и фобиями. Этот внутренний конфликт порождает тяжелый культурный кризис и объясняет многие нынешние аномалии в поведении и даже трактовке действительности.

Однако то меньшинство, которое сознательно отвергает советский строй, активно. Если учесть, что в общественных процессах важна не численность («масса») со-

циальной группы, а «*масса, умноженная на коэффициент активности*», станет понятно, что в России сегодня возникло равновесие сил. Реформаторы не могут доломать советский строй и вынуждены после первого штурма и натиска выгрызать его малыми кусочками или давать его остаткам «умереть самому», просто от истощения — как, например, науке или образованию, а люди, могущие и желающие жить в обществе, подобном советскому, не могут ни сохранить структуры советского строя, ни начать их восстанавливать. Но это равновесие **неустойчиво**, рано или поздно оно будет сломано.

Рассмотрим кратко идейный багаж разных «сознательно антисоветских» течений.

«Новые русские» — радикальная антисоветская субкультура

Когда в конце перестройки кризис в России достиг зрелости, определилось и получило имя активное действующее лицо этого кризиса — «*новые русские*». На время они стали в России тем, что называют *господствующее меньшинство*. А.Тойнби дает такое определение этому понятию: «Под господствующим меньшинством я имею в виду правящее меньшинство, держащееся не столько симпатиями своих подданных, сколько силой. Подобное изменение случается в моменты, когда творческое меньшинство теряет возможности дальнейшего творческого действия. Это может случиться по собственной вине или в результате какой-либо западни, какими изобилует творческий путь. Оно может быть искушено собственными же успехами, либо потеряв контроль над собой, либо преждевременно подняв над водой весла».

Имя «новые русские» стало мелькать в демократической прессе с конца 1990 г. и сразу получило четкое тол-

кование: речь шла о появлении небольшой группы населения, объединенной активным отрицанием ценностей советского строя. «Новые русские» рассматривались как движущая сила рыночной реформы, обладающая энергией и страстностью, достаточными даже для того, чтобы объявить «старым русским» непримиримую гражданскую войну (некоторые антисоветские идеологи понимали это в буквальном смысле слова).

Можно было говорить о появлении новой этнической группы, с иной психологией, повадками, идеалами и предрассудками. То есть, о явлении *этногенеза*, формирования нового народа. Эти процессы, как и быстрое изменение психологического склада основной массы народа, всегда наблюдаются в периоды острых кризисов и революционных изменений. Появлению субэтнотетических предшествует возникновение новых *субкультур* — течений, объединенных отрицанием культурных ценностей и норм, разделяемых основной массой населения. И у нас этот процесс шел.

«Независимая газета» с одобрением писала о новом движении в кино, «представшем перед кинообщественностью под лозунгом «новые русские». В этом был элемент провокации: в ряды движения выбирали отнюдь не по принципу славянской принадлежности. Что касается «новых», речь шла еще об одной попытке освобождения от груза проблемности и мессианских замашек, которыми грешили все «старые» русские».

Как пишет газета, фильмы «новых русских» отрицают «эстетику русского Космоса, который страшнее Хаоса», ибо «это эстетика выкидыша или плода, зачатого и выношенного большой женщиной от лилипута». Как видим, уже на уровне субкультуры «новые русские» декларировали очень высокую степень агрессивности даже по отношению к эстетике русской культуры.

Обособление культурных отщепенцев шло рука об руку с социальным процессом — выделением энергичной группы, уповавшей на рыночную реформу (прежде всего, приватизацию). Проводимые с 1989 г. ВЦИОМ широкие опросы показали нарастающий отрыв этой группы от основной массы населения по их отношению к большому комплексу общественных явлений и позиций. Иногда этот отрыв просто потрясает. На вопрос «что вы считаете главным событием 1988 года?» большинство советских людей назвали: вывод войск из Афганистана, полет корабля «Буран», землетрясение в Армении, события в Нагорном Карабахе или 1000-летие крещения Руси. А «сторонники реформ» главным событием назвали «снятие лимитов на подписку»! Когда такая чушь становится главным в жизни — это и есть отрыв от корней.

Но значит ли это, что речь идет не просто об идеологическом и культурном течении, а поистине о рождении «малого народа», многонациональной общности, осознавшей себя именно в противопоставлении «старым русским»? Многое для ответа на этот вопрос можно почерпнуть из конкретных исследований. Одна из таких работ, под названием «Мировоззрение населения России после перестройки: религиозность, политические, культурные и моральные установки», проведена в 1990—1992 гг. под руководством С.Б.Филатова.

Обширный список вопросов в течение трех лет задавался выборке из 2250 человек (1500 в РФ и 750 в Казахстане), представляющей ряд национальностей в десятке городов. И вывод огромной важности состоит в том, что та «историческая общность людей», которую мы называли советским народом, реально существует. Возник именно *советский народ* с общим ядром мировоззренческих установок и идеалов. С общим державным сознани-

ем и представлениями о справедливости. Во время перестройки нарушилась идеология — поверхностный слой культуры, — произошла перестановка чтимых образов, но все равно это образы, связанные с укреплением державы, а не ее распадом.

Вот как выглядит общая картина предпочтений исторических лидеров в мае 1992 г. (в %): Петр I — 37; Столыпин — 20; маршал Жуков — 13; Александр Невский — 12; Ленин — 9. Заметим, что Столыпина — фигуру, мифологизированную в перестройке, назвали 41% людей с ученой степенью, что и выдвинуло его на второе место. А триада «Ленин — Сталин — Жуков», будучи образом державного СССР, по «суммарной» степени уважения приближалась к Петру.

А вот мнения о «наилучшей эпохе в истории России»: правление Петра I — 34%; правление Брежнева — 14%; перестройка (1985—1991) — 3%; реформа (конец 1991—1992) — 3%. То есть, для основной массы были ценны державность и стабильность. Вариации невелики: российские немцы делали больший акцент на державности, а казахи, татары и башкиры — на стабильности. Из полтора десятка «эпох» у всех народов перестройка занимает одно из последних мест. Лишь респонденты-евреи назвали перестройку «наилучшей эпохой». Видимо, зажатая державностью и советской стабильностью свобода предпринимательства была для них действительно важной ценностью.

Еще один вывод об установках «массы» — быстрое крушение западной утопии. Была предложена такая установка: «В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом». С ней согласились в 1990 г. 45% опрошенных, в 1991 — 38% и в 1992 — 14% (в Москве побольше: 45, 44 и 18).

Перейдем от «массы» к тем, кто радикально отрицает державность и стабильность (и уж тем более наше советское прошлое) — к той среде, которая и порождает «новых русских». Здесь мы выберем лишь одно, но очень важное качество — *религиозное отщепенство*. Отказ как от любой традиционной религиозности («веры в бога»), так и от советского атеизма. Вот некоторые выводы из работы, подтвержденные массой таблиц: «Показателен повышенный интерес к нетрадиционным формам религиозности новой группы нашего общества — коммерсантов и бизнесменов. Среди них наиболее высока доля людей с ярко выраженным неопределенным, эклектичным паранаучным и парарелигиозным мировоззрением. Именно в этой, социально очень активной, группе самое большое число верящих не в Бога, а в сверхъестественные силы — 20%».

И далее: «Как и в исследовании 1991 г, наиболее рыночной группой населения проявили себя «верящие в сверхъестественные силы». Эти «верящие в сверхъестественные силы», оккультисты — основная мировоззренческая социальная база борцов с коммунистическим государством — и сейчас чаще других выступают за распад СНГ и Российской Федерации».

Резкий отрыв «нового слоя» от массы произошел в представлениях о справедливости и морали. «Новые русские» — это люди активного молодого возраста с высоким образовательным уровнем. В этой категории были наиболее распространены эгоистические и антипатриотические установки. Авторы исследования пишут: «Опросы 1990—1991 г. показывали, что наиболее вовлеченная в массовую политическую борьбу и наиболее радикально-демократическая группа — верящие не в Бога, а в сверхъестественные силы, 24% из них поддерживали

«Демократическую Россию», что намного превосходило и верующих, и атеистов». И еще: «Вера в НЛО, снежного человека, телепатию сильно связана с ценностями первого периода радикально-демократического движения — антикоммунизмом, желанием похоронить СССР, приоритетом прав человека и рынка».

Внутренняя противоречивость установок этой группы видна и в том, что «права человека» для нее — лишь политический инструмент. На деле ее отличает нетерпимость, причем даже в национальных отношениях: «В исследовании 1991 г. мы отмечали, что «верящие не в Бога, а в сверхъестественные силы», несмотря на весь свой радикальный демократизм, были в отношении к большинству различных народов наименее толерантной группой. И эта их особенность за прошедший год лишь усилилась».

И, наконец, важный штрих, но связанный с целым. Вот вывод авторов: «Как и по многим другим проблемам, в области сексуальной морали самые либеральные — «окультисты» — верящие в сверхъестественные силы. По всей видимости, они — носители достаточно последовательной культуры «вседозволенности»: чаще других отрицают свою ответственность перед государством и обществом — «каждый за себя», обладают низкой трудовой этикой, высокой национальной нетерпимостью и не признают никаких границ в области секса».

Это — первый, очень приблизительный духовный портрет «новых русских». Но этот портрет не устоялся, новый тип еще не сложился, он — в поиске. И уже есть симптомы того, что нового «малого народа» не сложится, его уже разлагает разочарование и тоска. Об этом говорят те культурные особенности, которые проявились в начале 90-х годов.

Что же написано на знамени «новых русских»? Чтобы разобраться, надо знать, кто их певец, в чем их художественное самовыражение, каковы их представления о прекрасном и безобразном — знать их *эстетику*. Каждая культура и даже идеологическое течение имеет свое лицо. Когда мы слышим «Степь да степь кругом...», «Выхожу один я на дорогу...» или «Вставай, страна огромная...», для нас ясен эстетический образ «старых русских». Песни 30-х годов несут оптимизм индустриализации. Мелодичные, спокойные песни 60—70-х (нет им числа) — отдых ничего не подозревающего народа после невероятных перегрузок XX века. Какие песни собирали «новых русских», что пели их поэты?

Помню, в самом начале перестройки я внимательно прослушал все песни группы «Наутилус Помпилиус» — самого талантливого, на мой взгляд, выразителя мироощущения будущих «новых русских». Прослушал, и говорю своим детям: это же песни, зовущие на гражданскую войну со своими родителями, песни человека, поджигающего свой дом! На меня замахали руками — с ума сошел! А ведь та догадка оправдалась. Но в тех песнях был еще поэтический заряд борьбы, хотя было видно, что борьбы больной — без идеала будущего. Только разрыв с прошлым!

Но вот, под звуки песен «Помпилиуса» вскормленная КПСС политическая элита хладнокровно оглушила страну и начала шарить в доме. Но где же песни? Мы наблюдаем уникальное в истории явление — «революцию», не родившую ни одной нормальной песни. Культурная аномалия, предрекающая печальный конец. В 1993 г. была издана большая антология «Русская поэзия серебряного века. 1890—1917. Антология» (М.: Наука). Там собраны произведения лучших поэтов конца XIX и начала XX века.

Первое, что поражает — доля стихотворений, художественно выразивших пафос грядущей революции. «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Мы кузнецы» — это малая часть лишь широко известных, привычных и ставших песнями произведений. Но таких — множество, они пропитывают всю поэзию серебряного века. Составители, отбиравшие, по их словам, стихи исключительно исходя из их художественной ценности, включали революционную лирику со скрежетом зубным. На деле ее вес в тогдашней культуре был гораздо больше того, что представлено в антологиях. Подумайте, революционные песни становились любимыми романсами. *Не слышно шума городского ...* А что же дала революция рыночников, всех этих «новых русских», березовских и новодворских?

Ну, нет песен, так появилась литература — тоже важный материал для диагноза. Вот писатель Яркевич. «Огонек» назвал его писателем-93 (а кое-кто даже «двусмысленно» назвал «последним русским писателем»). По словам самого Яркевича, он написал трилогию, аналогичную трилогии Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность». У «нового русского» Яркевича эти части называются: «Как я обосрался», «Как меня не изнасиловали» и «Как я занимался онанизмом». Все эти гадости имеют у Яркевича не только сюжетный, но и метафорический смысл. Познаем «Независимую газету», где О.Давыдов дает такой диагноз в статье «Яркевич как симптом». Как пишет О.Давыдов, во второй части трилогии «выясняется, что маньяком, насилующим мальчиков, оказывается... русская культура». Что же до «юности», то «онанизм в этом тексте — метафора свободного духовного пространства. Он как бы снимает основной (по мнению Яркевича) грех русской культуры: социально-политическую ангажированность, замешанную на агрессии». То есть, опять

же главное — тема разрыва с духовным пространством русской культуры, освобождения от нее хотя бы через онанизм.

О.Давыдов делает вывод: «Мы имеем дело со становящейся философией культуры тех «новых русских», льстецом и рупором которых является такая замечательная газета, как «Коммерсантъ» (а литературно-художественным воплощением — разобранные выше тексты Яркевича)».

Кто-то скажет: да, это поколение «новых русских» сгорело в пламени реформы, они опустошены и, по-своему, несчастны. Но они хоть создали состояния для своих детей — и уж из этих-то возникнет здоровая и свободная от оков русской культуры цивилизованная элита. Но никаких оснований для этих надежд нет — подорвав возможности воспроизводства интеллигенции из «старых русских», режим Ельцина надолго оставил Россию без культурного слоя, уже создал провал нескольких поколений. Ибо дети «новых» — пожалуй, самая культурно обездоленная часть, и никакими деньгами это не покроешь.

Что же с культурой для детей? Черепашки-ниндзя! Б.Минаев в «Независимой газете» с одобрением раскрывает смысл этой культурной программы: «Ржавые гвозди не просто так вбиваются в свежую необструганную доску, а скрепляют одну доску с другой, образуют конструкцию, угол, на который уже можно опираться при строительстве любого сознания. Ведь для того, чтобы легко нанизывать один сюжет за другим — надо довести этот абсурд до полной дикости, до кича, до абсолютного нуля». Сам выбор «гвоздей», которыми скрепляется детское сознание, сделанный телевидением А.Н.Яковлева, означает принципиальный и сознательный разрыв со всей траекторией русской культуры. В ней были очень строгие кри-

терии допуска художника к детской душе — пробегите мысленно нашу детскую литературу, радио, кино. Дикий абсурд детского кича сегодня — не ошибка, не признак низкой квалификации. Это — шприц с ядом, вводимым в будущее России.

Что же нравится Б.Минаеву? «Дети перестают воспринимать уродство, неполноценность, страхолюдность — как нечто чужое, чуждое, страшное. Они начинают любить это страшное. Они начинают понимать его. Мой шестилетний сын спросил: пап, а канализация ведь — это где какашки плавают? И глаза его весело блестели... Оказывается, и там можно жить!»

В этом все и дело. И в дерьме можно жить — ничего страшного, значит, с Россией не происходит. Мы только должны отказаться от веками сложившимся в нашей культуре чувства безобразного. И нагнетается всеми способами «эстетика безобразного». Жирный, нарочито грязный и потный певец, колыхаясь всей тушей, что-то поет о девочке — из него делают звезду телеэкрана. Из политиков на экран чаще всего вытаскивают тех, кому выступать следовало бы только по радио. Гойя, кому пришлось наблюдать своих перестройщиков-либералов, призывавших в Испанию демократа Наполеона, написал на одном из рисунков: «Есть люди, у которых самая непристойная часть тела — это лицо, и было бы не худо, если бы обладатели таких смешных и злополучных физиономий прятали их в штаны». Антисоветские идеологи ставят обратную задачу — приучить к безобразному как норме. Создать новую культурную нишу для российской элиты. Минаев пишет о ней: «Это ниша грязи, канализации, какашек (то есть близости к ним), ниша доброго и благородного уродства, страхолюдной мутации. А если говорить коротче — это ниша небрежливости».

Это явление также раскрыл Достоевский в пророческом образе: Федор Карамазов «порвал нить» с культурными нормами, продемонстрировал свою небрежность и породил Смердякова. «Новым русским» нужны миллионы смердяковых, а не Жуковы и Гагарины. Быть может, «старые русские» так и угаснут. Что ж, тогда вывернется наизнанку формула «красота спасет мир» — смердяковы его погубят. Ибо антропологи (Конрад Лоренц) давно предупредили: брезгливость, инстинктивное неприятие безобразного было важнейшим условием эволюции человека и поддержания здоровья всего биологического вида.

Вывод печален, и мы должны принять его без всякого злорадства. Как культурное течение, демократы паразитически быстро деградировали. Сегодня мы видим не просто упадок, но зрелище распада, что-то тлетворное. Ничего хорошего в этом нет — даже в качестве противника лучше иметь что-то здоровое, с потенциалом развития.

И пусть молодые интеллектуалы, с радостью кинувшиеся в антисоветскую стаю, не строят иллюзий. По глубинной культурной и философской своей сути «новый русский» — не сверхчеловек. Он — *античеловек*.

Антисоветизм «белых патриотов»

Говоря о становлении антисоветского проекта, я упоминал в основном тех «шестидесятников», которые стали интеллектуальным субстратом перестройки Горбачева. Это так называемые «демократы-западники». Однако не менее важную роль сыграли и их антиподы-антизападники, так называемые «*белые патриоты*».

Критический анализ их антисоветских концепций был затруднен потому, что они в какой-то мере стали союзниками КПРФ в идейной борьбе с антисоветским тече-

нием, представленным Горбачевым и Ельциным. Но уже к концу 1999 г. этот плохо склеенный союз фактически распался.

Поводом для разговора стала удачная операция по втягиванию писателя В.Г.Распутина в ряды антисоветской культурной элиты. Он принял премию от Солженицына и участвовал в сильно политизированном ритуале ее вручения. Условия были поставлены жестко: принять доллары, о которых было широко сообщено, что они — из оплаты за «Архипелаг ГУЛАГ». А это, как известно, одна из главных идеологических бомб, сброшенных на СССР коалицией его врагов в холодной войне. Символический смысл ритуала выдачи и принятия премии был прозрачен и всем ясен. Учитывая ценность «улова», операцию антисоветчиков можно считать чрезвычайно эффективной.

В связи с этим событием антисоветскую концепцию изложил В.Бондаренко в статье («Завтра», 2000, № 25). По его словам, «нынче происходит определенный разрыв между белыми и красными патриотами». Впрочем, диалога между ними за все время и не было. Я много раз в самой уважительной форме и в разных вариантах задавал нашим «белым патриотам» вопрос, чего же они все-таки хотят для России и чего добиваются своими регулярными антисоветскими заявлениями, но ответа не было. За десять лет я убедился, что я обращаюсь не к искренним, ищущим правды и взаимопонимания людям, а к хладнокровным идеологическим работникам, которые много лет вели борьбу на уничтожение против СССР, а теперь продолжают ее в новых условиях, но в рядах той же армии.

Мне иногда говорят друзья: зачем ставить точки над «i»? Почему бы не продолжить имитацию «соединения красной и белой идеи»? Нельзя продолжить хотя бы потому,

что сами «белые» от этой имитации отказываются. Да и кого она может обмануть? Все уже сыты ею по горло. Из-за этого фальшивого единения мы по самым главным вопросам не могли высказываться ясно и четко. Десять лет мы толчем воду в ступе.

Начать с того, что неизвестно кем подсунутая формула «соединения белого с красным» сразу сбила с толку людей уже самими терминами. Кто у нас «белый» и что под этим понимается? И.Р.Шафаревич — белый? В.Г.Распутин — белый? Принимает ли В.Г.Распутин это звание? Какую генетическую связь видит он между собой и символами белого движения Корниловым да Колчаком?

Белое движение — вполне четко очерченное политическое, социальное и культурное явление нашей истории. Оно возникло как попытка военного реванша Февральской революции над советской властью. Эта попытка делалась при помощи и под полным контролем Запада, так что выдвигенец эсеров и масонов русофоб Колчак сам называл себя кондотьером. Белые потерпели такой же полный крах, как Керенский и прочие либеральные западники на мирном этапе — между Февралем и Октябрем.

Белое движение — это «кадетствующие верхи и меньшевистствующее рядовое офицерство», эпигонство западного либерального капитализма. Пусть наконец В.Бондаренко и др. «новые белые» скажут прямо, признают ли они свое духовное родство с теми, реальными белыми? Нельзя же нацеплять чужую форму, совершенно не говоря о своем содержании. Это военное преступление.

На мой взгляд, весь этот спектакль с переодеваниями — убогая политическая игра. Солженицын, Шафаревич и Бондаренко никакого отношения к белым не имеют. Они — типичное порождение советского строя и при-

надлежат к той части интеллигенции, которая по разным причинам заняла антисоветскую позицию. Потом коготок увяз, да и позиция эта приобрела высокий социальный статус — она уже подпитывалась номенклатурой с обеих сторон океана.

Никакого позитивного проекта у них нет, никаких сведений о нем получить невозможно, да и представить его себе нельзя. Думаю, наиболее дальновидные из них (например, И.Р.Шафаревич) прекрасно знают, что такого проекта у них и не может быть. О чем рассуждает с важным видом В.Бондаренко? Красная идея, Белая идея... Ну и попробовал бы он свою «Белую идею» выразить. Пшик... А красная идея всем была ясна — устроить жизнь, основанную на взаимопомощи и братстве, а не на конкуренции и топтании ближнего. Когда это в достаточной мере удастся, и Россия становится единой и неделимой, и никакой Гитлер или Хаттаб нам не страшен.

Что же касается конкретных форм советского проекта и его «больших программ», то в эти формы Россия была загнана совокупностью непреодолимых обстоятельств. Сегодня эти обстоятельства не только не исчезли, но похоже, даже обострились. Поэтому когда Солженицын с Шафаревичем помогли советский проект пресечь (без них это ни Западу, ни номенклатурным ворам не удалось бы), произошла национальная катастрофа. Буквально во всех сферах жизни. Вот и вся их «белая идея».

Меня давно поражает неискренность «белых идеологов». Они притворяются, что не понимают простых, всем известных вещей, хотя им много раз по-дружески их объясняли. Вот, В.Бондаренко излагает общий для всех них тезис: «Я считаю ту великую Победу не красной победой, а Отечественной Победой... Победила там, на полях сражений, не красная Россия, а русская Россия». За-

метим это настойчивое противопоставление: «не красная, а русская». Это, мол, несовместимые признаки.

Если это говорится искренне, то перед нами тяжелый случай группового отказа мыслительного аппарата — и у немалой части интеллигенции. Вглядимся в логику этого умозаключения. Да, если Отечество — абстрактная абсолютная идея, то оно бесполое, не имеет жесткой формы, оно русское, и все этим сказано. Дух... Такое Отечество не питается и не воюет. Зачем? Оно и под Гитлером было бы тем же метафизическим Отечеством — русским даже без людей. Если же речь идет о войне, когда стреляют твердыми пулями, то Отечество воплощено в конкретно-исторические формы, и противопоставлять дух этим формам просто глупо.

«Белые» непрерывно проклинали советскую индустриализацию — а Отечественную Победу любят. Но ведь ясно, что без индустриализации и коллективизации этой победы быть бы не могло. Победа достигается не только *на полях сражений*, как хитро пытается проскользнуть В.Бондаренко («победила там, на полях сражений, не красная Россия, а русская Россия»). Победа куется в КБ и на заводах. А советская индустриализация, как огромное социальное, духовное и организационное явление, резко отлична и от промышленной революции Запада, и от индустриализации «Бромлея и Гужона» в царской России.

В 1943 г. промышленный потенциал СССР был в 4 раза меньше чем тот, что работал на Германию — а танков и самолетов Красная Армия уже получала больше немецкой. А в 1916 г. правительство того же (да не того же) Отечества не могло закупить металла для военных нужд — весь его сбыт контролировался тогдашними абрамовичами и черными. Своим же, русским фабрикантам казна

переплачивала за 6-дюймовый снаряд от 23 до 28 руб. (это средние расходы крестьянина России на пропитание за целый год). Начальник Главного артиллерийского управления А.А.Маниковский писал о своем бессилии против этого «явного грабежа казны» и о том, что русские промышленники безмерно обогатились «в самую черную годину России». Председатель Государственной думы М.В.Родзянко получил подряд на производство березовых лож для винтовок, а военное министерство «накинуло» ему по рублю на штуку сверх самой высшей цены — потому что «Родзянко нужно задобрить». Вот это и есть «не красная, а русская Россия» В.Бондаренко.

Скажем прямо, вся патриотическая риторика нынешних «белых» паразитирует на остатках плодов советской индустриализации — и при этом они постоянно плюют в глаза этому умирающему. Если на то пошло, то эти «белые» предали и Белую идею тех, кто убивал и умирал в России в 1919 году. Ведь великий смысл крови, пролитой белыми, состоит в том, что она была как кислота для проверки чистоты помыслов народа. Белые как бы говорили: «Смотрите, мы льем вашу и свою кровь. Вот какая цена советского строя. Так ли вы его хотите? Не забывайте про эту цену».

Если быть строгими в определениях, то под словом «белые» сегодня надо понимать просто «антисоветские». Никакого другого смысла тут нет. Это — фундаментальное качество, ибо разлом произошел именно здесь, именно уничтожение советской цивилизации и пресечение советского проекта было целью холодной войны. И если сегодня, через десять лет после уничтожения СССР, Шафаревич продолжает писать антисоветские труды, а авторитетных писателей и певцов соблазняют проклясть советский проект (хотя бы уклончиво), то именно пото-

му, что этот проект не добит и главное для Запада — не дать ему возродиться и снова поднять Россию.

Последние десять лет показали, что антисоветизм Плеханова, Колчака, Новодворской или Шафаревича — качество именно фундаментальное, они оказываются вместе по одну сторону баррикады в конфликте цивилизационного масштаба. А споры и неприязнь между ними — вещь вторичная, подчиненная. Это как война Гусинского с Березовским. Скажут, Шафаревич и Солженицын — патриоты, а Новодворская — русофобка. Так ведь «патриот» — это такое же самоназвание, как и «белый». Или у Солженицына справка с печатью есть, что он патриот?

Да, Шафаревич написал книгу «Русофобия», спасибо ему за это, но к делу это не относится. Азефу даже министр разрешалось убивать, лишь бы контролировал движение эсеров. Шафаревич и не смог бы выполнить своего боевого задания в антисоветской войне, если бы не завоевал доверия национально мыслящей интеллигенции — того контингента, который он взялся «вести». Сахаров «вел» другой контингент, и «Русофобии» ему писать было не надо. От каждого по способностям, а в главном они соратники, Шафаревич этого и не скрывает.

Книжка и речи — не главное. Разве не по плодам узнаем их? Каковы же плоды? Мы можем мысленно пройти по всем главным сторонам бытия, что определяют жизнь и здоровье страны и народа, и увидим, какие страшные последствия имела для них та победа над советским строем, которую ковали наши «белые патриоты». Были среди них немногие, что ужаснулись делу своих рук и сказали: «Мы целились в коммунизм, а попали в Россию». Ни Солженицын, ни Шафаревич к таким не относятся. Они до сих пор гордятся своей победой, но считают ее промежуточной и потому продолжают стрелять — кто статья-ми, кто долларами.

Солженицын жалеет русский народ: «Сейчас ничего первее нет, как сбережение народа. Мы вымираем, мы уходим с земли...» От кого мы это слышим? Возьмите динамику смертей и рождений, и вы увидите, что вымирание русских началось сразу после победы над СССР той армии, в которой воевал Солженицын. Что значит «сбережение народа» по Солженицыну и Шафаревичу? Оно ведь сводится к установлению какого-то социального жизнеустройства, при котором народ может жить и размножаться. Как можно «сберечь народ», если у него отняли все средства к жизни и нанесли тяжелейший удар по системе ценностей! Но ведь все это — следствие слова советского общественного строя, этот факт надежно установлен и сомнению никем не подвергается.

Тот образованный человек, который после десяти лет агонии моей страны и массовых страданий моих сограждан остается активным антисоветским деятелем, является для меня экзистенциальным врагом России, ее «частичным убийцей». Частичным не потому, что убийство неполное, а потому, что он — частица силы, которая Россию убивает.

Да, после бойцов, — таких, как Солженицын и Шафаревич, — пришли мародеры, чубайсы и кохи. Бывает, что бойцам претят мародеры, которые обшаривают карманы убитых бойцами жителей. Иной раз, говорят, такие бойцы даже расстреливают мародеров. У нас не тот случай, у нас их только поругивают. Есть и среди жертв романтики, которые ненавидят мародеров гораздо больше, чем своих убийц.

Я больше скажу. Ельцины и кучмы — предводители уже в основном мародеров. Они даже не решались ломать те важные структуры советского строя, которыми еще живы люди — социальную сферу предприятий, дешевое топливо и транспорт, школу и т.д. Они не были

бескорыстными ненавистниками советского строя, ими двигал шкурный интерес. Если бы к власти пришли убежденные «белые патриоты» вроде Солженицына, то, думаю, нам бы пришлось намного хуже. Геноцид был бы не метафорой, как сегодня, а быстрым действием.

Кстати, и сегодня, среди явного бедствия, «белые» оценивают состояние страны уклончиво. Порой и просто обманывают людей. В.Бондаренко пишет такие, например, слова: «Сегодня уникальное положение. Если нас не обманут надежды и если Россия в совсем иных формах своего существования начнет воссоздавать из руин свою промышленность, науку, культуру, естественно, русские патриоты будут всемерно поддерживать такие шаги».

Если нас не обманут надежды! Откуда надежды? В каких «совсем иных формах» может возродиться наука и промышленность России? Кто и как превратил их в руины? Как эти надежды вяжутся со словами того же В.Г.Распутина: «Мы, кому не быть победителями...»? Ведь тут, в его собственных словах, очевидна эта пропасть: при советском строе мы, русские, были победителями. При советском строе мы имели и науку, и промышленность. Именно Солженицын, Шафаревич и подобные им «антисоветские патриоты» все сделали, чтобы это уничтожить и превратить русских в вымирающий, выбитый из колеи народ. За это и получил Солженицын те доллары, из которых дал малую толику дозревшему В.Г.Распутину. И ничего антисоветская элита не собирается восстанавливать. Никакого «лебедино-белого» корабля у них не будет, они — не строители кораблей.

Давайте все же представим себе, за что ненавидят советский строй люди типа Солженицына и Шафаревича. Ведь, наверное, не за мелочи, не за ошибки и эксцессы, а за что-то главное — за фундаментальные принципы

жизнеустройства. Эти принципы — не в идеологической коже марксизма и даже не в политическом устройстве. Эти принципы — в представлении о человеке, его правах и обязанностях. Отсюда выводятся и тип хозяйства, и политические нормы, и большие программы типа индустриализации, столь ненавистные «белым».

В.Бондаренко, кивая на советский строй, поминает марксизм, интриги в кабинетах ЦК. Эти примитивные вещи, на уровне мышления Евтушенко, стыдно читать. Да, первая попытка устроить жизнь на началах справедливости не удалась — элите такая жизнь ненавистна, и она вошла в союз с Тэтчер и Солженицыным. Бывшие «кухаркины дети» с дипломами, утратившие память, тоже соблазнились. Что ж, жизнь не кончается, снова народ на своей шкуре обучится диалектике. Мы же говорим об идее, об этом их желании «оплевать Красного бога» (выражение Н.Клюева).

Я, с начала 60-х годов наблюдая созревание антисоветизма, вижу в нем не просто политическую и социальную философию, а *мироощущение*. Оно, например, в малой степени связано с классовой принадлежностью. Сейчас встречаются разбогатевшие люди, глубоко страдающие от крушения советского строя. Есть такие, кто тратит свое состояние на попытку организовать в местном масштабе принципиально советские хозяйственные структуры типа небольшого Госплана и Госснаба, соединяют предприятия, сообща уклоняются от удавки банков.

Что отличает таких людей? Что отличало ту немалую часть русской буржуазии, что искренне приняла советский строй? Я бы сказал одно: *доброта*. Обычная, почти биологическая любовь к человеку своего племени, сострадание, боль при виде старухи, которая копается в мусоре. А что отличает людей, убежденно ненавидящих советский строй? Эгоцентризм и самомнение. Это *злые* люди. По мне,

исходный корень антисоветизма Солженицына в том, что это **злой человек**. Остальное вырастает из этого.

Вероятно, многим эти мои рассуждения покажутся политически неверными. Может быть, я не прав в политике, но я чувствую, что лучше эти мысли не таить, что надо нам быть яснее и суше. Отпущенную мне в жизни квоту фальши я, похоже, исчерпал.

Дело не в ностальгии. За десять лет мы многое поняли, собрали и изучили большой объем данных. Из них следует, что восстановление России возможно только на той же траектории, что и советский проект, пусть и в новых формах. Едва ли не главное условие, чтобы не допустить возрождения России, не утратить контроль над русскими, состоит в том, чтобы поддерживать в обществе и особенно в интеллигенции достаточно высокий накал антисоветизма. Отрицание советского проекта, пусть прошлое и тупое, с ложью и подлогами, необходимо, чтобы люди не попытались понять его суть. Гайдар и Чубайс как антисоветские авторитеты уже «сгорели», и «белые патриоты» выходят в этой идеологической работе на первый план. Потому и мобилизованы все наличные ресурсы и так возросла их активность.

Вторая причина, по которой нельзя отмолчаться, не такая рациональная. Я убежден, что нынешний антисоветизм не только заводит нас в тупик. В отношении советского строя (и еще более в отношении советского проекта) совершается огромная, исторического масштаба несправедливость. Я это знаю как профессиональный работник. Молча принимать такие вещи — даром нам не пройдет, каким-то боком это по всем нам ударит. Оклеветанная жертва убийства как-то нас достанет.

Тяжело быть свидетелем клеветы даже в том случае, если клеветцут на неприятного тебе человека. Сегодня

наши «антисоветские патриоты» клеветают на несколько поколений моего народа, которые взялись за тяжелый труд ради будущего, приняв на себя материальные лишения сверх теоретически возможных. Их помыслы были благородны, и двигала ими любовь — к нам, нынешним. Многие им не удалось, они недооценили слабости человека. Но и то, что удалось, огромно. И своими идейными принципами, и своими порядками они надолго обуздали злобу, хищничество и невежество людей. Кто же сегодня их мстительно оплевывает или платит за оплевание? Именно те, чья жадность и злоба наконец-то вырвались на свободу. Жаль, что к ним иногда примыкают и те, кто был вскормлен именно советским хлебом, кто не получил бы своих «уроков французского» ни в какой другой школе, кроме советской.

В.Бондаренко, да и большинство антисоветских идеологов, сводит «красную идею» к делам Троцкого или Горбачева. Это подлог очень низкого пошиба. Советский проект по крупнякам, порой тайком, строили именно сотни миллионов наших отцов, преодолевая тайное, а потом и явное сопротивление всей касты троцких, горбачевых, солженицыных и гусинских.

За отцов не требуется заступаться. Но надо сказать новоявленным «белым»: не думайте, что мы слепые. Мы видим, что все в вашей дутой антисоветской кампании шито белыми нитками. Да и руки, которые за нитки держат, тоже видны.

Отступление-практикум:

«О чем думали рабочие?»

Переломным моментом в перестройке стало то, что рабочие — массовая и влиятельная социальная группа, перешли от отрицания поворота к капитализму, явно выраженного в опросах 1989 г., к принятию в 1991 г. основ-

ных антисоветских тезисов, включая принятие безработицы. Мои рассуждения о позиции именно рабочих вызвали в печати полемику — не полагаются у нас упреки рабочему классу. Тогда я предложил провести учебный практикум и разобрать такую тему:

«Рабочие (шире — трудящиеся) поддержали реформу, надеясь, что их жизнь улучшится. Этого не произошло. Каков был ход их рассуждений и в чем они ошиблись?»

В ответ пришло множество писем, и они заслуживают того, чтобы их издать отдельной книжкой, так интересно и глубоко люди пытаются разобраться в собственных мыслях и чувствах. Здесь я приведу только маленький, но важный момент. Итак, у нас в формулировке темы есть три утверждения и один вопрос. Видимо, большинство согласится, что все они правомерны, но стоит по ним пройти.

Рабочие поддержали реформу. Так ли это? Считаю, что это так, хотя поддержка была пассивной. Но этого было вполне достаточно реформаторам. Даже на уровне обычной болтовни не была отвергнута приватизация. Антисоветские забастовки шахтеров осуждения не вызвали и т.д. Была эффективная ложь СМИ, но ей верили охотно, следовательно, имелась предрасположенность.

Думали ли при этом люди о благосостоянии? Считаю, что да. Большинство отвергало старый строй в житейских понятиях благосостояния, а «духовные потребности» типа многопартийности и демократии были идеологическим украшением, мало кого из рабочих они действительно волновали. Соглашаясь на изменение строя, люди считали, что в смысле материального благосостояния их жизнь станет лучше. Этот тезис вытекает из презумпции разумности. Во всяком случае, никто не говорил: «Я и мои

дети будем голодать, но я этого хочу». При этом мало кто рассуждал так: рабочие как класс обеднеют, но *я лично* всплыву наверх, и поэтому я поддерживаю реформу, а на товарищей мне плевать. Таких рассуждений, на мой взгляд, в 1990—1991 гг. практически не было.

Ухудшилось ли благосостояние большинства рабочих? Да, это надежный факт, выраженный в уровне потребления продуктов питания, получении жилья, пользовании транспортом, связью, в покупке товаров длительного пользования и т.д. Миллионы безработных также «произошли» из трудящихся, и непонимание частью безработных тяжести их положения — временное.

Поскольку смена строя произошла без насилия, приходится признать, что выбор сделан рабочими на основании некоторых *умозаключений*. Поскольку результат противоречит ожиданиям, следует принять, что в ходе этих умозаключений были допущены ошибки. Выявить их необходимо вовсе не для того, чтобы призвать «вернуться в прошлое», а для того, чтобы научиться избегать подобных ошибок в будущем.

Об умозаключениях интеллигенции мы здесь уж не говорим — об этом есть большая литература (укажу и мою книгу «Интеллигенция на пепелище России», М.: Былина, 1997). Кроме того, хотя большинство интеллигенции понесло в ходе антисоветской реформы тяжелый ущерб, надежды на улучшение материального положения в среде интеллигентов все же имели больше оснований, чем у рабочих. Доля лиц с высшим образованием среди предпринимателей превышает 80%. Большинство предпринимателей (по данным Фонда «Общественное мнение», 71%) являются интеллигентами во втором поколении (т.е. их отец имел высшее образование) и только 21% вышли из рабочих семей. Да и в духовной сфере

интеллигенция получила блага, не слишком важные для рабочих (например, свободу выезда). Так что здесь говорим именно о рабочих.

Проведем классификацию нашего объекта, это всегда упрощает дело. Очевидно, что в нашей стране есть два источника повышения благосостояния для социальных групп, а не отдельных личностей. Первый — *увеличение производства*. При этом рабочим может доставаться больше благ, чем раньше, даже если их доля в доходах снижается — если увеличение производства превышает увеличение разрыва в доходах. Второй путь — *изменение в распределении доходов*. При этом также может расти благосостояние социальной группы даже при сокращении производства — если увеличение ее доли в доходах в абсолютном измерении превышает спад производства. Таким образом, когда рабочие посчитали, что реформа повысит их благосостояние, они предварительно должны были сделать прогноз изменения двух факторов: масштабов производства и распределения доходов (такие варианты, как захват колоний и перекачка оттуда даровых денег, мы рассматривать не будем, поскольку никто их в начале реформы и не предполагал).

Энтузиасты реформы из рабочих могли посчитать, что оба фактора изменятся в благоприятную для них сторону: увеличится производство и к тому же возрастет их доля в доходах. Скептики считали, что новые хозяева («буржуи»), возможно, будут брать себе больше, нежели советская номенклатура, так что *доля рабочих в доходах* сократится, но уж производство возрастет настолько, что увеличение *массы* доходов с лихвой перекроет изъятие. Другая группа скептиков полагала, что производство упадет, но этот спад будет с лихвой перекрыт увеличением социальной справедливости — частные собственники от-

дадут рабочим большую долю доходов, нежели отдавало советское государство. Считать, что и производство упадет, и доля рабочих при распределении доходов уменьшится, но при этом благосостояние их увеличится, невозможно, ибо это было бы очевидно неразумно.

Что касается производства, то оно в результате реформы сократилось вдвое. Это провал таких колоссальных масштабов, что можно говорить о глубоком поражении сознания тех рабочих, которые его не предвидели. Спад на один процент — уже кризис, спада на 50—60% в мирных условиях вообще не бывало нигде в истории, а ведь этот спад еще не остановлен (на деле ему и конца не видно, ибо уже десять лет как не делается капиталовложений в производство — но это уже не так очевидно, хотя рабочие-то должны были бы это заметить). Как могли этого не предвидеть люди, когда речь шла об их собственных рабочих местах?

В действительности спад производства начался немедленно после первых ударов по советской системе хозяйства («закон о предприятии» и «закон о кооперативах»), так что в 1991 г. уже было очень трудно не предвидеть тяжелого кризиса при движении в том же направлении. К тому же был известен опыт Польши, где либерализация цен была проведена осенью 1989 г., а затем прошла и приватизация. Последствий этих шагов мог не видеть только тот, кто не хотел их видеть — кто уже был очарован идеей реформы.

Итак, те, кто ожидал роста производства, совершили тяжелую и уже очевидную ошибку. Их умозаключение настолько противоречило очевидным или легко обнаруживаемым фактам, что речь может идти только о результате эффективной манипуляции сознанием этих людей. Я утверждаю, что было совершено крупнейшее полити-

ческое мошенничество, и рано или поздно это должно стать предметом юридического разбирательства. Мы эти группы *«поверивших в рост производства»* пока что отставляем в сторону.

Самая для нас интересная группа — те, кто разумно предвидел спад производства (хотя, конечно, не мог предвидеть масштабов катастрофы), но по каким-то причинам считал, что распределение доходов сильно изменится в пользу рабочих. Здесь легко восстановить в памяти главные доводы, с помощью которых они убедили самих себя, что при советском строе рабочих «обирают» гораздо сильнее, чем при «капитализме».

Молодые люди могут не помнить, поэтому напоминаю: пропаганда будущих реформаторов долго внедряла в умы три аргумента, которые и послужили для внушения. Первый сводился к тому, что советские рабочие были объектом эксплуатации, а советское государство — эксплуататором. Второй аргумент использовал совсем уж «марксистскую» трактовку и состоял в том, что в СССР имелся класс эксплуататоров — номенклатура. И это класс, который изымал непропорционально большую, по сравнению с буржуазией, долю дохода. Третий аргумент — «уровниловка». Она якобы состояла в том, что около каждого рабочего (замечательного труженика) имелся напарник (лодырь и неумеха), который этого «справного» рабочего объедал. Вот эти три субъекта оттягивали у рабочего его трудовые рубли. Реформа, которая обещала устранить из нашего общества всех этих субъектов, таким образом, должна была повысить благосостояние рабочих.

О напарниках-«неумехах» рабочие в целом, как социальная группа, сумели забыть, их социальный образ как то растворился в пространстве, что само по себе заслу-

живает осмысления (ведь эти «неумехи» — часть той же социальной группы, так что сумма доходов рабочих не изменилась бы). Но мы пока на этом факте останавливаться не будем.

Когда рабочим внушали идею эксплуатации их государством, уже здесь был разрыв в логике. Ведь из того факта, что государство изымает у рабочих часть их прибавочного продукта, никак не следует вывод, что в этом отношении советское государство хуже того государства, которое обещали устроить реформаторы. Ведь никакое государство не может выполнять своих задач, не изымая у граждан части продукта их труда. Рабочие должны были в своих рассуждениях прийти к промежуточному выводу, что государство Ельцина или Кучмы обойдется *меньшими* изъятиями, нежели советское. Насколько я знаю, никто никогда такого утверждения не делал и даже никакой меры не предлагал. Этот пункт наши реформаторы сумели просто обойти, и никто их не спросил. Полезно вспомнить, как же разумные люди перескочили этот вопрос.

Теперь я даю мою трактовку этого явления. Я утверждаю, что люди «проскочили» важный этап в умозаключении в результате манипуляции, проведенной идеологами будущей реформы. Факт манипуляции виден из того, что была произведена подмена понятий — изъятие прибавочного продукта для общих нужд государства было подменено понятием *эксплуатации*. Об этом говорилось выше. Подмена понятий — один из верных признаков манипуляции. То, что государство изымало для общих нужд, оно в советское время тратило эффективно, то есть, с лихвой возвращало рабочим в натуре в виде благ. Как обстоит дело сейчас — всем видно (по смертности, по отоплению домов, по голодным солдатам). Но теперь, кроме государства, на шее рабочих сидят еще и «собственники».

Почему рабочие решили, что появление, кроме государства, еще и частных хозяев их заводов обернется прибавкой к зарплате — загадка века. Никакой логики в этом найти невозможно, как ни ищи. Есть, впрочем довод не от логики, а от странной веры, будто в советском государстве была особая жадная банда, которая тянула с рабочих гораздо больше, чем этого требовали общие нужды нации. Это номенклатура, которая присвоила себе слишком много льгот и привилегий, для которых и отнимали деньги у рабочих.

Да, номенклатура была и льготы были. Вопрос-то в том, почему рабочие решили, что номенклатура при Гайдаре и Чубайсе на свои льготы будет тянуть меньше денег. Откуда было бы взяться такой совестью номенклатуре? Откуда было видно, что Лужков с Гусинским будут скромнее какого-нибудь Промыслова в Моссовете? А может, при демократии вообще нет директоров и чиновников? Проследить за логикой этих рассуждений нашего рабочего трудно. Ведь даже из любого голливудского фильма видно, что и в Америке есть директора и чиновники. Кто и когда сказал, что они оттягивают себе меньше денег, чем советские? Не только не было разумных доводов в пользу такого предположения, но даже ни один самый наглый врун такого не осмелился сказать.

Наконец, об уравниловке. Таким злобным словечком был обозначен *уравнительный* принцип распределения части жизненных благ при советском строе. Уравнительный — значит, не по труду, а по едокам. Вообще-то ни в одном обществе нельзя обойтись без уравниловки — даже животные без этого не могут обойтись, так что речь идет о пропорции, о величине уравнительства. Допустим, тут был в СССР некоторый перебор. Но неужели он был таким нестерпимым, что об уравниловке до сих пор го-

ворят с ужасом даже коммунисты? Неужели и вправду наши «социальные иждивенцы» объедали справных работников? Это — ложь, специально внедренная в общественное сознание. На уравнительной основе давались минимальные условия для существования и развития человека — а дальше все зависело от него самого. Он получал жилье, скромную пищу (через низкие цены), медицину, образование, транспорт и книги. Если был готов напрячься, мог заработать на жизнь «повышенной комфортности», купить машину или хлестать коньяк вместо водки. Но уровень потребления людей с низкими доходами был действительно минимальным — на грани допустимого. Никакой уравниловки в потреблении не было, все держалось на пределе.

Теперь произошло резкое расслоение людей по доходам, от которого рабочие в целом проиграли. Даже захлебнувшийся «демократической» пропагандой кандидат наук не может не понять: если при катастрофическом спаде производства существенная прослойка гребет миллионы, это может происходить только за счет перераспределения доходов в сторону отхода от уравниловки. Этого просили рабочие — это они и получили, только ударило это не по номенклатуре, а по ним самим и их близким.

А если кто-то думал, что социальный сдвиг такого типа мог выбрать напарника-лодыря и шарахнуть по нему точечным ударом, да еще передать вырванный у него незаслуженный кусок хлеба его старательному товарищу, то это, простите, такая наивность, которая позволительна только дебилу. Такого рода артиллерия, как приватизация, бьет по площадям. Да это и вообще не артиллерия, а ядерное оружие. Так что те, кто вызывал огонь на своего напарника, на самом деле вызывал его на себя.

Не подумал как следует? Так хоть сегодня надо подумать и восстановить тот ход мысли, что привел к таким фатальным ошибкам. Именно в самых главных вещах произошел сбой мышления. Надо их выявить и обсудить — без самолюбия и обвинений, а ради извлечения урока.

После такой постановки темы «практикума» сразу пришел ответ, который стоит привести, а потом о нем поговорить. Вот он, почти без правки:

«Здравствуйте. Хочу присоединиться к практикуму. Я напишу просто от души, что думаю. Может, где-то и нарушу случайно условие какое, но это только от желания понятнее изложить.

По-моему, тут вообще дело в совсем другом... Простой человек далек от всяких заумных рассуждений. Он думает так: «Вот моя работа, тут я вкалываю, выкладываюсь полностью на всю катушку, но только здесь. А когда я ухожу с работы, я хочу расслабиться и не думать обо всем этом. Хочу, чтобы все было легко и без напряжений. Пусть будет все дороже, но пусть будет легко. На работе я ишачу, а после нее я хозяин жизни». В общем, мухи отдельно, котлеты отдельно.

Советское государство постоянно держало человека в напряжении. То очередь за водкой, то за колбасой, то в семь утра надо встать, чтобы получить талончик к зубному врачу, то телевизионного мастера целый день жди, то дефицит какой-то достать надо. И так постоянно. И при всем при этом каждый продавец чувствует себя богом, и к нему надо вежливо, а он к тебе как настроение будет. И ты ужом вертишься перед ним, понравиться хочешь, а то не даст.

Если есть одна мелочь, которая занимает полпроцента времени, то это ничего. А если их двести, то ни на что другое времени уже не остается. Особенно это все хо-

рошо чувствуется, когда у человека есть деньги. И он думает: «Какого черта? Я хочу иметь эту вещь и готов платить. Так почему я должен за ней еще и бегать, давиться в очередях, доставать где-то, заискивающе смотреть на кого-то? Я хочу заплатить и получить. Вот и все». И Ельцин эту проблему решил. По нему было видно, кстати, что он «свой мужик», не какой-то «упертый коммуняка», который то с водкой будет бороться, то еще какой бред выдумает. Народ чувствовал, что он решит эту проблему.

Вывод такой, что Советское государство просто заело своих граждан мелочами, и они готовы были отдать кому угодно, лишь бы их постоянно не напрягали. Так что Ельцин многим души успокоил в этом плане. И у многих коммунизм ассоциируется именно с этим постоянным, совершенно дурацким и ненужным напряжением. И снижение в восемь раз количества бесплатного жилья, или еще чего там, этого не перевешивает. В общем-то вы и сами это видите.

Сейчас многие на то время смотрят иначе. Что-то забылось, что-то стало спокойнее переноситься. Но в то время это просто наболело, поэтому и было так важно людям. А то, что была или не была манипуляция сознанием, это не важно. Это тот случай, когда «девочка сама хотела», и соблазнить ее мог бы и немой.

Может, я в чем-то и не прав, конечно. Буду рад, если вы мне укажете на ошибки. С уважением. Александр».

Итак, наша цель была — восстановить ход мысли рабочего как социального типа, найти в нем противоречия, ошибки или идеалы, которые толкнули к выбору и пассивной поддержке нынешнего типа жизни вместо советского.

Александр надел маску этого условного рабочего, с этой маской я и веду разговор. Назовем ее А., и пусть Александр за нее не обижается. Для нас здесь не важно,

как думает сам Александр, главное, чтобы он верно изложил ход мысли «маски». Думаю, он это сделал прекрасно. Итак, его «простой человек» легко променял бесплатную квартиру и врача, ради которых надо было «напрягаться», на возможность получить все это без «напряжения». Какой ценой? Ясно, какой — теперь все это достается немногим.

Конечно, вопрос не только в изложении, а и в объяснении, а его у А. нет. Вспомним, как он изложил проблему: человеку надоело, что при советском строе он должен рано встать, чтобы получить талончик к зубному врачу. Поэтому он поддержал Ельцина, который обещал эту проблему решить и этот строй поменять. Как поменять? Сделать врачей платными и очень дорогими. Тогда большинство вообще к врачу не пойдет и будет рвать себе зубы плоскогубцами, а за «людьми с деньгами» врачи сами будут бегать. Других способов изменить положение не было, и Ельцин ничего другого и не обещал.

Кстати сказать, и при советском строе были платные (и очень недорогие) зубные врачи, и никакой очереди к ним не было. Так что «человек» хотел бы попасть без очереди именно к бесплатному врачу, но А. это не только не объяснил, но даже умолчал об этом. А это очень важный пункт, тут есть большая неувязка. Точно так же были рынки, на которых без всякой очереди можно было купить зимой виноград и помидоры. И продавцы там зазывали покупателей и были очень милы. Выходит, «человек» думал, что без СССР метро так и будет стоить 5 копеек, но в нем станет мало народу. Зашел — и без всякого напряжения сел на удобное место.

Снова уточним вопрос. «Простой человек» у А. — работяга («на работе я ишачу»). Поддержав переворот Ельцина, он мог рассуждать только двумя способами или не

рассуждать вовсе. Эти два способа таковы: 1) При капитализме у всех будет много денег, число врачей резко возрастет, и к ним можно будет в любой момент прийти без талончика. 2) При капитализме у *меня* будет много денег, а остальные пусть рвут себе зубы плоскогубцами, мне на них плевать.

Учтем, что только идиот мог предположить, будто врач ему будет вообще не нужен, поскольку, мол, вырвать зуб плоскогубцами гораздо приятнее и легче, чем идти за талончиком. Так что мы этот вариант не рассматриваем. Точно так же можно сказать и о квартире («хрен с ней, с квартирой, еще напрягаться из-за нее в местном или райисполкоме — проще жить на улице и не иметь детей»). Будем говорить о людях, которые любят жить под крышей и, следовательно, полагали, что и при Ельцине они квартиры будут как-то получать (тут те же два пути рассуждений, что и о враче).

Каким из двух способов мыслил «простой человек»? А. на это не ответил, но оба эти способа, на мой взгляд, ущербны. Первый вообще глуп, ибо всем известно, что в СССР врачей на душу было больше, чем на самом богатом Западе. Так что увеличить их число ни Ельцин, ни Кучма, ни Назарбаев никак не могли бы — как и число построенных квартир или вагонов метро. Менее известно было то, что на Западе профессор университета ходит в поликлинику соцстраха, и на простой рентген там надо отстоять месяц в очереди (а в СССР очередей на рентген не было). Если подумать, то при всеобщей доступности такое благо, как врач, всегда будет дефицитным.

Кстати, одна из первых вещей, которая меня поразила на Западе (в Испании и в бедных кварталах в США), это огромное число беззубых людей. При том, что на каждом углу зубной врач без талончика! Когда я начал выспраши-

вать о причине этого странного явления, на меня посмотрели, как на дурачка. Масса людей там никогда не ходит к врачу, зубы у них просто «выбаливают» и выпадают — стоматология соцстрахом не покрывается. И при этом мои друзья на меня даже озлобились, стали тыкать себе в рот пальцем и орать: «Ты знаешь, сколько мне стоила вот эта пломба? Вы там, сволочи, зажрались в СССР! Ничего, скоро узнаете», — дело уже было в перестройку.

Но даже если этого не знать, можно было понять, что многократно увеличить количество благ никакой Ельцин бы не смог, так что все равно «человек» хотя бы тайком принимал идею отстранить от этих благ массу его соседей, чтобы ему эти блага достались «без напряжения».

Но ведь, с другой стороны, считать работяге, что при капитализме у него (в качестве общей нормы) будет много денег, не то что у других — тоже неразумно. Неразумна даже сама формула, которую дал А.: «Вот моя работа, тут я вкалываю!» Как это «моя»? При капитализме работа принадлежит капиталисту, *собственнику средств производства*. Он тебе работу «продает» на рынке — может продать, а может и не продать. Ведь чтобы сказать «моя работа», надо иметь *право на труд*, а именно от этого права рабочие и отказались. Ведь сама «работа» как благо обеспечивалась именно советским государством, а Ельцин ее не обещал и обещать не мог. Почему же работяга решил, что он всегда сможет «ишачить» да еще получать за это деньги? Откуда у него такая фантазия? А. Этого не объясняет, а ведь это тоже важный вопрос.

Я предполагаю, что никаких связанных рассуждений в голове нашего работяги не было. Были короткие обрывки мыслей, а главное — недовольство и мечты. Это я и называю отключением здравого смысла, и достигнуть этого можно было только манипуляцией сознанием. Пото-

му что, соглашаясь на явно опасное для него самого, его семьи и детей изменение, человек обязан рассуждать и подсчитывать возможный ущерб.

Ведь все те «напряжения», о которых пишет А., вполне можно было значительно облегчить, просто увеличив долю «коммерческих» услуг в нашей советской жизни, не ломая самого строя. «Пусть будет все дороже, но пусть будет легко!» Что ж, для любителей дороговизны это можно было устроить в два счета, пусть бы наслаждались в дюжине магазинов-музеев. Но ведь боролись не за это, люди соблазнились именно образом полной свободы («после работы я хозяин жизни»). А это невозможно. «Мухи и котлеты» как раз не могут быть разделены, как не удастся разделить котельную завода и отопление жилья. Так что речь шла именно о полном разрыве, о фатальном выборе: одним котлеты, другим мухи.

Формула «после работы я хозяин жизни», скажем прямо, означает полный отказ от гражданственности и ответственности. Можно даже больше сказать, уже в ней скрыт и следующий шаг: а зачем я вообще буду «ишачить»? Почему бы мне не быть «хозяином жизни» все 24 часа в сутки? Ведь именно этим «Ельцин многим души успокоил». Отсюда — миллионы челноков и массовый приток молодежи в преступность. А как «ишачат» сегодня те, кто не пристроился в банду? Мой друг купил «Жигули». Поехал — и тут же разрушился дифференциал. В картере заднего моста не было ни капли масла. Как объяснили, один рабочий, на ВАЗе, не налил масла, потому что его крадут. На 20 рублей украли — угробили агрегат стоимостью в 2 тысячи. Другой рабочий, в магазине, обязанный проверить наличие масел, плевал на свою работу, он уже ишачить не хочет, только деньги получать.

Да, советское государство было патерналистским (от слова *patern* — отец). Это значит, что и после работы человек не был «хозяином жизни», а выполнял обязанности «члена семьи», обязан был «напрягаться», тем более что и «отец» бывает не сахар, иногда гоняет зря.

Судя по письму А., главный «напряг» состоял в том, чтобы бегать по очередям — то за талончиком, то за водкой. Я заострю вопрос до крайности и скажу, что очереди («совершенно дурацкое и не нужное напряжение») — необходимое условие и даже признак солидарного общества. Многие блага всегда дефицитны, и если за ними нет очереди, то значит, каким-то образом доступ к этим благам большинству людей перекрыт. Возникает какого-то рода «закрытый распределитель».

По мелочам можно ворчать, не переставая, но по большому счету дело в СССР шло справедливо и разумно — сначала расшивались узкие места в доступе людей к самым главным благам. Уже не было очередей за хлебом и молоком, сократилась в среднем до 6 лет очередь на квартиру (отдушиной стали и жилищные кооперативы, вполне доступные тем, кто не мог ждать). 100% жилья имело электричество — в это надо вдуматься! 2,1 тыс. городов, 3,4 тыс. поселков и 177 тыс. деревень были к 1987 г. газифицированы. Какие «напряги» были этим сняты с сотен миллионов человек! вспомните, что значит купить и напилить дров на зиму, топить печку и готовить на керосинке. А. пишет, что в глазах рабочего «все это не перевешивает»... отмены талончика к врачу. Вот это и страшно. Это признак безвыходного кризиса. Ведь это, говоря попросту, есть помрачение ума. И не только ума, но и воображения. У жителей Камчатки, которые сидят по 15 часов в сутки без электричества и готовят пищу на костре, думаю, уже другое мнение о «напрягах». То

же самое — у жителей Грозного после бомбежки. Выходит, «простой человек» этого вообразить не может, пока не испытает на своей шкуре? Но тогда, значит, он утратил свойство, совершенно необходимое для выживания человека — способность предвидения исходя из опыта других. Если это состояние продлится, мы просто выйдем как народ. Впрочем, тут, я надеюсь, А. перехлестывает ради красного словца.

А. пишет, что мелочи-напряжения задавили советского человека — «ни на что другое времени уже не остается». Если он это искренне, то, значит, у него отключилась память. У нас именно была проблема досуга, возникшая из-за устранения борьбы за существование и тех «напряжений», что она создает. Я жил в коммуналках в рабочем квартале, видел быт рабочих разных типов. У них был именно досуг и свобода, какие рабочему на Западе и не снятся. Во-первых, хорошо и часто посидеть с друзьями — и время было, и водка, и настроение. Рыбалка и грибы — святое дело, завод даже обязан был дать автобус. Один мой сосед регулярно ходил в оперу, во Дворец съездов, совсем, видно, со скуки спятил. Другой по субботам бил красавицу-жену, а за это в воскресенье обязан был вести ее и сына в театр, при галстукке. Вот это я понимаю, напряг, но советская власть тут ни при чем. А летом, отдай не грехи, все они ехали в Крым или Сочи. Месяц отпуска плюс отгулы, над изобретением которых поработала русская смекалка (кстати, в США число дней отпуска пропорционально стажу работы на предприятии, но не превышает двух-трех недель). Нет, не в нехватке времени дело. «Нехватку времени» люди себе вообразили, ибо у них была потребность чувствовать себя обделенными.

Как известно, жизнь в семье и на свободном рынке — разные вещи, в каждой свои плюсы и минусы. До-

пустим, рабочие не захотели жить «как в семье», насильно не заставишь. Вопрос в другом: почему они решили, что «на рынке» не надо напрягаться после работы? Вот что хотелось бы услышать от А. Из его письма следует, что рабочий уверовал, будто без СССР он будет после гудка «хозяином жизни». Почему же он уверовал? Над этим мы и бьемся. Ведь никаких для этого не было оснований из того, что все мы знаем о Западе, даже из самых красочных фильмов.

Да, талончика к врачу там не надо, но ведь возникают другие заботы — надо же было сравнить, какие тяжелее. Вот Франция. Проходит закон, чуть-чуть ущемляющий интересы молодежи — на улицу Парижа выходит 1 млн. человек, жгут машины, получают дубинками по голове. Разве это не «напряг»? Но нельзя не идти. Не огрызаешься — загрызут либеральные хозяева. В Мадриде лопается большой банк. Тысячи вкладчиков — с сердечными приступами. Непрерывные собрания акционеров, судебные процессы. Какое там «хозяин жизни».

Я думаю, что если бы наш работяга представил себе, как он пойдет, «как в США», к врачу без талончика, тот ему выпишет больничный лист, а потом окажется, что по этому листу платить ему никто не собирается, то это бы стало бы для его ума настоящим «напряжением» (право на оплаченный больничный лист в США имеют 25% рабочих и служащих). Но он об этом почему-то не подумал. Он считал, что оплаченный больничный лист — это что-то вроде воздуха, это есть везде. И ведь мы говорим о Западе, где половина доходов рабочих вообще доплачивается им как пенсия из денег, вырванных у рабочих Бразилии, Малайзии и т.д. Об этих вообще помолчим, мы же хотели «как на Западе». Кстати, почему именно как на Западе? А. этого не объяснил, а ведь тут тоже большая неувязка.

Все это вещи очевидные. Так что рабочие, соблазняясь песнями ельциных, как-то должны были «обработать» их в своем мозгу. В крайнем случае, усилием воли «забыть» о них. Вот что было бы интересно узнать у А. Но он об этом молчит.

Он пишет, что люди «готовы были отдаться кому угодно, лишь бы их постоянно не напрягали». Это — признак тяжелого умственного расстройства людей, неспособность верно оценить утраты и выгоды. И речь тут не только о разумном расчете, а об отключении даже биологических инстинктов. Да, есть сегодня люди, потерявшие работу и квартиру — и довольные. У них отключен инстинкт *самосохранения*. Да, женщины почти перестали рожать, и не от нехватки денег (в Дагестане денег меньше, чем у москвичек, а рожают). Они не хотят «напрягаться», они теперь «хозяева жизни». Число автомобилей утроилось, а число новорожденных втрое меньше. Отключен инстинкт *продолжения рода*.

А. верно пишет: «девочка сама хотела», и соблазнить ее мог бы и немой». Нет, уважаемый А., «отдаться кому угодно» — это не немому. «Девочка» отдалась шпане, которая ее изуродовала, ограбила, лишила возможности и даже потребности иметь детей. У А. получается, что это надо принять и оправдать. Но ведь это болезнь, причем социальная, массовая. Нельзя же оправдывать болезнь. Потом те же люди спросят: что же вы нам не помогли, не привели в чувство? Разве не обязан любой трезвый человек попытаться вразумить «девочку», а потом помочь ей?

На мой взгляд, А., сам того не ожидая, сформулировал проблему первой, высшей важности. Мы о ней даже боялись прямо говорить. Суть ее в том, что за последние 20 лет советского строя в нем вырос и стал господствовать избалованный человек «массовой культуры». Его

жизненное кредо А. выразил так: «Я хочу расслабиться и не думать обо всем этом. Хочу, чтобы все было легко и без напряжений». В этом — основа нашей катастрофы, и эта основа вовсе не устранена, так что катастрофа воспроизводится.

И перед нами перспектива хуже войны: нашим «избалованным массам» будут давать жвачку и наркотики, пока они не вымрут в самом простом и обыденном смысле слова. С блаженной улыбкой. Но пока что это догадки, надежного диагноза мы не имеем. Давайте думать дальше, ибо без диагноза не можем мы ни лечения предложить, ни толком объясниться друг с другом.

Иногда мне пишут читатели, недовольные тем, что я агитирую за советский строй. Они ошибаются, не об этом речь. У нас беда похуже. Разве люди рассудили: давайте, мол, откажемся от советского строя и будем строить капитализм? Нет! Они ни о чем не рассудили и ничего строить не собираются. Они даже не отрицают, что страну захватили воры, которые ее сжирают, но довольны тем, что эти воры кидают и им крохи. Они непритязательны! А интеллигенция, которая во всем этом сыграла неблагоприятную роль, должна была бы сегодня оставить мелкую грызню и помочь восстановить в массовом сознании способность к умозаключению, расчету и предвидению.

Глава 2

РОДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИСОВЕТСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Отметим важные методологические особенности, свойственные, на мой взгляд, антисоветским рассуждениям.

Иррационализм и тоталитаризм мышления

Сам ход развития антисоветского проекта обнаружил явление, которое нам, образованным в духе Просвещения, трудно понять и принять. Умные и интеллигентные люди в значительной своей части оказались *иррациональными* и неспособными к рефлексии. Стоит какой-то сильной идее толкнуть их в спину — и они много лет идут все дальше и дальше по заданному им коридору, не желая взглянуть назад и задуматься, правилен ли их путь. Поэтому очень многие «шестидесятники» в своих воззрениях и активных действиях прошли путь от восторженных и даже оголтелых сторонников социализма до столь же оголтелых его врагов. И на этом пути невозможно найти «точку перегиба», момент какого-то озарения. Нет, их что-то толкнуло, они сделали маленький шагок, потом еще, потом пошли по кривому, возвращающему их на 180°, коридору — и все с ясными честными глазами, ни разу не усомнившись. У кого-то из них, конечно, есть корысть, они просто актеры в страшном политическом

спектакле. Это не страшно, потому что понятно. Но много людей абсолютно искренних. Об этой отнюдь не тривиальной особенности антисоветского сознания нельзя забывать, она создает огромные трудности в диалоге.

Как правило, в конкретном антисоветском выступлении есть одна *идея-фикс*. Сознание автора или оратора так сужено, что все его умозаключение становится иррациональным, но высказывается с такой страстью, что многих очаровывает. Совокупность таких умозаключений и создает всю целостную интеллектуальную антисоветскую конструкцию. Иногда эта идея-фикс связана с тоталитаризмом или репрессиями, в другом случае — с дефицитом или очередями, но всегда в рассуждениях страшный перебор, приводящий к утрате логики. И речь идет даже не о митинговых полубезумных выкриках, а о рассуждениях видных ученых в академических журналах.

Вот, например, статья врача и социолога 1988 года (В.М.Лупандин, Е.П.Какорина. В чем причина эпидемии среди детей. «Соц. исследования», 1988, № 6). В г. Салават у детей было распространено нарушение — непровольное сокращение мышц лица (тик). Согласно принятым в медицине концепциям, как пишут авторы, «все дети с тиками состояли на учете в ревматологическом кабинете, им регулярно проводилось лечение антибиотиками. Часть детей лечилась даже гормонами». Но авторы статьи, врачи-гигиенисты, считают, что причина тиков у детей в г. Салават — воздействие загрязнения воздуха нефтехимическим комбинатом, построенным в 1948 г.

Казалось бы, нормальное дело — возникают новые факторы влияния на здоровье человека, медицина вносит коррективы в свои представления о болезни. Так всегда было и будет. Но нет, из конкретного факта делаются далеко идущие политические выводы: «Причину сложив-

шейся в Салавате обстановки следует искать в прошлом, в 30-х годах. Это прямое следствие культа личности и тесно связанного с ним примитивного мышления и командно-административного управления экономикой, наукой, культурой».

Какие неожиданные причинно-следственные связи! Как легко теперь разобраться с любой проблемой — Сталин виноват! Это — 1988 г., когда еще соблюдались приличия. Чуть позже стали говорить, что во всем виноват князь Владимир, который принял христианство от Византии и тем навечно predeterminedил русским «примитивное мышление».

И каков накал антигосударственного чувства в связи с конкретной бедой, детским тиком: «Мы говорим теперь, что отдельные ведомства (Минхимпром, Агропром и др.) ведут «химическую войну» против народа. Но не в меньших, а, может быть, даже в больших масштабах ведется такая война самой медициной». И это говорят врачи! О ком? О тех ревматологах, которые каждого ребенка брали на учет и лечили так, как это предписано в руководствах. Убийцы в белых халатах! Какая узость мышления — обвинить коллег ни много ни мало, как в войне против народа. А заодно помянуть и Агропром, и Минхимпром и, строго говоря, все производственные отрасли. Ибо везде работают примерно одни и те же люди с примерно одним и тем же «типом мышления».

Но помимо наличия в антисоветских рассуждениях какой-то центральной идеи-фикс можно говорить о том, что этот поток антисоветского сознания в целом привел к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Поток мракобесия, который лился с телеэкрана, был настолько

густым, что даже активный во время перестройки демократ С.Капица взмолился: «Путь, вымощенный «общечеловеческими ценностями», идеологией открытого общества и прочими благими намерениями, поразительно быстро привел многих в ад... И снова вера вместо знания, мифы вместо расчетов, сумерки вместо света».

Другая особенность, которая характерна для рассуждений почти во всех блоках «проекта», — крайний *тоталитаризм* утверждений, устранение из них меры. Это — тоже признак иррационализма. Человек, который пытается разумно освоить реальность и ее улучшать, взвешивает все явления, располагает их по значимости. Антисоветизм как бы отбросил этот инструмент человеческого ума. «Иного не дано», «Так жить нельзя», «Конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой». Вдумались бы в смысл этих тоталитарных утверждений! Ведь они определили сам тип мыслительного аппарата антисоветской интеллигенции. Как это любой ценой? Как это иного не дано?

Большинство антисоветских утверждений, конечно же, имели своим предметом какое-то болезненное, отрицательное явление нашей жизни, которое так и оценивалось нормальными людьми. Поэтому возникало доверие — эти люди не лгут, данное явление есть в нашей жизни, мы это видим! Но ведь нормальные люди не знают важной философской формулы: «Нет такой лжи, в которой не было бы частички правды». И не замечают, как из этой частички просто путем искажения меры выводится совершенно ложное умозаключение.

Иногда этот тоталитаризм мышления доходит до гротеска. Чаще он воспринимается как метафора, проникает в подсознание и ведет там свою работу. Вот, А.Адамович едет в Японию и выступает там на тему «Хатынь, Хиро-

сима, Чернобыль». Все эти три явления он ставит в один ряд, как равноположенные. Чернобыль в его трактовке уже не катастрофа, не бедствие, не ошибка — это хладнокровное и запланированное уничтожение советским государством своего народа.

Сюда же он пристегивает и Катынь. Допустим, была проведена преступная репрессия, расстрел 20 тысяч пленных польских офицеров (дело вообще темное и убедительного завершения не получившее). Но как ее представляет А.Адамович японцам: «Хатынь — деревня под Минском, где кладбище-мемориал белорусских деревень, сожженных немецкими фашистами вместе с людьми. Люди сгорели заживо, как и в Хиросиме, — больше 100 тысяч... Хатынь и Катынь звучат похоже, да и по сути одно и то же: геноцид» («Мы — шестидесятники», с. 240).

И так все — любое отрицательное явление нашей жизни доводится в его отрицании до высшей градации *абсолютного зла*. Почему же Катынь (и даже Хиросима) — геноцид, то есть уничтожение народа, его генетического корня? Никак гибель пленных офицеров не могла поставить под угрозу само существование поляков как народа. В Хатыни был признак *попытки геноцида*, потому что такой утопический план был прямо заявлен нацистами. У людей, которых в течение многих лет бомбардировали такими утверждениями, разрушали способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

Вот уже долгие годы мы ведем в Интернете разговор о причинах крушения советского строя. И видно, как широко распространилась и глубоко проникла в сознание эта склонность — исключать меру из рассуждений. Один из собеседников, Б., написал, например, что СССР рухнул,

когда «еда кончилась». И как довод привел тот факт, что он как-то вез продукты в картонном ящике родственникам в Казань из Москвы.

Здесь — перескок всех градаций сразу до абсолютной — «еда в СССР кончилась». В результате утверждение становится иррациональным. Ведь вез-то он еду из Москвы, а не из Парижа! Значит, еда не кончилась, она по какой-то причине была так распределена в пространстве, что людям приходилось мучиться, перевозя какую-то ее часть в картонных ящиках (это — иная проблема, нежели «еда кончилась», и водораздел между этими двумя проблемами резкий).

Какой казалась эта часть от всего потребляемого продовольствия — зависит от восприятия, а в нем — от чувства меры. Я вспоминаю, что моей семье в Москву дядя привез в 1943 г. из Туркмении жареного бараньего мяса, набитого в коровий желудок, и мы его ковыряли два года, все родственники. Я долго был уверен, что мы прокормились в годы войны именно этим мясом. Потом как-то, не помню почему, стал в уме подсчитывать, сколько за эти годы мы получили продуктов по карточкам, и оказалось, что это мясо было лишь небольшой добавкой — замечательной, приятной, но небольшой.

Некогерентность мышления

Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим». Человек может ориентироваться в жизненном пространстве и разумно судить о действительности, то есть делать правильные умозаключения, когда отдельные элементы реальности, выраженные в понятиях, со-

ответствуют друг другу и соединяются в систему — они *когерентны*, соизмеримы.

Сейчас, когда подведены итоги многих исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин *искусственная шизофренизация* сознания. Шизофрения (от греческих слов *schizo* расщепляю + *phren* ум, рассудок) — это расщепление сознания. Один из ее характерных симптомов — утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями. Это разрушает связность мышления. Ясно, что если удастся «шизофренизовать» сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения. Их рассуждения становятся некогерентными¹.

Наличие этого изъяна в антисоветских рассуждениях уже с 60-х годов вызывало нарастающее недоумение. Когда на это робко указывали, собеседник обычно принимал многозначительный вид и говорил что-нибудь туманное. Мол, сам понимаешь, мы многого не можем еще сказать. Помню, в 1974 г. я был в колхозе, и один из аспирантов нашего института, талантливый А.Каплан, сидя на койке, толкал какую-то очень концептуальную антисоветскую речь, в которой эта пресловутая некогерентность была представлена в самом чистом виде. Я сказал: «Каплан, ты м...к! Почему у тебя антисоветчина доведена

¹ Некоторые читатели сердятся на меня за использование иностранного слова «некогерентность». Каюсь, иногда трудно удержаться от соблазна вернуть что-нибудь эдакое, из науки. И я под влиянием упреков постарался найти русский эквивалент (извиняюсь, равноценную замену). Но пока не удалось. Когерентность частей умозаключения, как понятие-метафора, создает сложный образ этого умозаключения как слаженно работающей системы, дающей на выходе качественно новое ценное знание. Это не просто связность или непротиворечивость частей, здесь намек на возникновение синергического эффекта.

до такого уровня идиотизма? Ведь каждое утверждение не согласуется с предыдущим». Каплан вспыхнул: «Вот это по-русски! Иди, доноси на меня». Странно, как талант, о котором я был столько наслышан в институте, сочетается с такой тупостью. Впрочем, вскоре после этого талант уплыл в США в водах «третьей волны», а там стал чем-то торговать, весьма успешно. Даже приезжал в институт хвастаться, такой простодушный парень.

Но с тех пор я стал приглядываться к антисоветским рассуждениям с этой меркой, и пришел к выводу, что некогерентность — их родовой признак. Тогда, например, вошло в моду понятие «наш деревянный рубль». Помню, как ярко прозвучало оно однажды на бензоколонке. Два молодых человека вылезли из машины и, продолжая разговор, проклинали наши «деревянные». При этом один из них сунул в окошечко три рубля и наполнил бак бензином (тогда он стоил 9,5 коп. за литр). Я подумал: что за кретин? Получает на рубль десять литров прекрасного бензина — и презрительно называет этот рубль «деревянным»!

А уж во время перестройки антисоветские рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие всерьез поверили, будто жителей крупных городов кто-то облучал неведомыми «психотронными» лучами. Причем бессвязность мышления одинаково проявлялась и у ораторов, и у их слушателей — если все настраивались на антисоветскую волну. Вот выступает писатель и депутат А.Адамович в 1989 г. в МГУ: «Запад благодарен Горбачеву еще и за то, что он «изнутри» остановил процесс разрушения демократии в странах третьего мира».

И ни один профессор, доцент, студент или хотя бы уборщица нашего лучшего университета не крикнет ему:

«Вы спятили, Адамович?» Вдумайтесь в его утверждение. Что Запад благодарен Горбачеву, это понятно. Но, оказывается, помимо всех его заслуг перед Западом он еще и защитил демократию в третьем мире! Были там у власти демократы Мобуту, Сомоса, Маркос с Сухарто, но в 80-е годы возник «процесс разрушения демократии в странах третьего мира» — то одного прогонят, то другого, заменят на выборную гражданскую власть. Но Горбачев «изнутри» этот процесс остановил. Вот, значит, кто из кресла Генерального секретаря КПСС сумел подгадить Сальвадору Альенде! А потом и Пиночет защитил демократию — и за это Запад благодарен Горбачеву.

На бредовых умозаключениях, с разрывами в логике, строились целые доктрины. Летом 1988 г. мне довелось быть в Таллине и беседовать с руководителями Народного фронта Эстонии. Один из них, международный журналист, еженедельно выезжавший на Запад за консультациями, так излагал планы «республиканского хозрасчета»: Эстония будет продавать сливки и масло на Запад по мировым ценам, валюта потечет к ней рекой, и на эти деньги эстонцы построят лучшие в мире курорты и станут богаче всех. Я спросил, а что будет, если и РСФСР станет продавать Эстонии нефть по мировым ценам и за валюту — хватит ли на это прибыли от сливок? Он искренне удивился и сказал: «Как вы можете такое говорить! Ведь СССР — социалистическая страна, как же можно требовать с нашей республики доллары за нефть!» Больше всего потрясло, что он это говорил искренне.

За время вызревания антисоветского проекта в нем сложилась какая-то особая, *расщепленная логика*, противоречащая здравому смыслу. Чем дальше, тем больше даже в разговорах с друзьями мне начинало казаться, что они играют со мной в какую-то дьявольскую игру — не

может же человек не видеть, что у него одна часть утверждения отвергает другую!

В начале 90-х годов журнал Российской Академии наук «Человек» учредил рубрику, где давал якобы непредвзятые истинные факты, отражающие ужасное влияние советского строя на жизнь страны. Конечно, читатель, увидев целые страницы, покрытые цифрами, начинает верить составителям — кто же будет в этих цифрах копаться! Но я случайно вчитался в раздел, посвященный катастрофе на Чернобыльской АЭС — и опять возникло это старое тягостное чувство. Дайте себе труд тоже вчитаться в такой количественный довод об ужасном воздействии АЭС, построенной коммунистами, и вообще атомной программы на здоровье граждан:

«В начале 1992 г. было зарегистрировано 1 366 742 человека, подвергшихся радиационному воздействию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Из них:

- 1) ликвидаторы — 119 400 человек,
- 2) эвакуированные — 6471 человек,
- 3) население — 1 209 929 человек,
- 4) дети ликвидаторов — 31 580 человек...

Смертность по группам первичного учета за 1990—1991 гг. (на 1000 человек) увеличилась по 1-й группе с 4,6 случаев до 4,8; по 2-й группе — с 1,99 до 2,1; снизилась по 3-й группе с 22,79 до 14,7; по 4-й группе с 19,4 до 6,9» («Человек», 1993, № 4).

Что может из этого понять человек? Посудите сами, произведя несложный расчет. Из указанного числа пострадавших в 1990 г. умерло 28 749 человек, а в 1991 г. 18 179 человек. О чем вообще говорит снижение смертности? О том, что радиационное заражение благотворно сказывается на здоровье? Или о том, что действительно пострадавшие вдруг все решили умереть в 1990 г.? Как иначе может за год так сильно упасть уровень смертно-

сти населения (а это 88,5% всех пострадавших). Значит, весь этот страшный кусок журнала и не рассчитан на то, чтобы читатель вникнул в смысл данных — они его просто должны заворожить. А вывод ему подсказывают составители.

А дальше — столь же страшные данные о заболеваемости жителей Алтайского края, которые подверглись облучению при испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения». Итак, в зоне испытания прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. И что это значит? Много это или мало?

Посудите сами: с 1980 по 1985 г., всего за 5 лет, прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями по России в целом составил 16 случаев на 100 тыс. человек, а с 1985 по 1990 г., — 17. То есть за те же десять лет 1980—1990 гг., которые взяли авторы журнала — прирост в 33 случая! Если следовать логике, то надо сделать вывод, что ядерные испытания очень полезны для здоровья.

В действительности цифры, приведенные авторами журнала, ни о чем не говорят — слишком много факторов влияют на заболеваемость... Но читатель воспринимает сообщение *в контексте*, а общий смысл всей публикации заключается в том, что ядерными испытаниями СССР губил свой народ. И эта подлая манипуляция сознанием ведется в журнале Российской Академии наук! Как не стыдно его главному редактору Борису Юдину, с которым я проработал много лет.

Уж если брать заболеваемость раком за критерий отношения государства к людям, то написали бы, что за пя-

тилетие реформ, с 1993 по 1998 г., прирост составил 26 случаев на 100 тысяч. Это каждый может найти в «Российском статистическом ежегоднике», который издается Госкомстатом РФ.

Академический журнал предоставил свои страницы для примитивной антисоветской пропаганды, деятели которой даже не потрудились подобрать сведения, подтверждающие их идеологические тезисы. Настолько они были уверены в магической силе слова и числа, которая отключает у читателя способность к самостоятельному мышлению.

Дальше в журнале опубликованы материалы обсуждения книги американских авторов, профессора Джорджтаунского университета М.Фешбаха и журналиста А. Френдли-младшего «Экоцид в СССР» (М., 1992, тираж 20 000 экз.). Опять *экоцид* — не больше и не меньше! Как сказано во введении, «книга стала шоком для тех, кто прочел ее». В целом, профессора для этого обсуждения были подобраны так, что вышел очередной антисоветский шабаш. Такого пошиба, что сегодня, думаю, многие из них с удовольствием вымарали бы свои фамилии. И все-таки был там один, врач-гигиенист питания Л.М.Прихожан, который не постеснялся сказать: «Я должен сказать, что, к сожалению, книга мне не понравилась. Вы, уважаемые коллеги, представляете науку, я же санитарный врач и всю жизнь занимаюсь практическими вопросами гигиены питания. Увы, большая часть того, что написано авторами о питании, — это чушь. Прежде всего — нитраты, которым уделено 90% текста. Как вы знаете, нитраты — естественный продукт жизнедеятельности азотобразующих микробов в почве. Они есть всегда и везде. Действительно, установлено, что в каких-то определенных ситуациях нитраты могут превращаться в нитриты, а те, в

свою очередь, в нитрозамины — потенциальные канцерогены. Причем, тоже только в определенных условиях... Почему же возник такой «нитратный» бум? В конце концов, с вареной колбасой и сосисками вы получаете нитриты в чистом виде, и ни у кого это не вызывает отрицательных эмоций».

Этот врач-гигиенист постеснялся назвать вещи своими именами. Перед ним были не «уважаемые коллеги, представляющие науку», а солдаты идеологического фронта, которые с середины 80-х годов использовали экологическую тематику как забойную тему в манипуляция сознанием при разрушении СССР. «Нитратный» психоз — замечательный тому пример.

На одном утверждении с рваной логикой остановлюсь подробнее, очень уж оно глубоко засело в мышлении нашей научно-технической интеллигенции. До сих пор остается непререкаемой догмой. Так получилось, что с 1990 г. меня неоднократно привлекали к экспертизе важных законопроектов. Явное расщепление логики в документах часто вызывало шок. Вот проект Закона о предпринимательстве (1990 г.). Подготовлен научно-промышленной группой депутатов, стоят подписи Владислава лева, Велихова, других интеллектуалов. И совершенно несовместимые друг с другом бредовые утверждения. Одно из них гласит: «В нашем обществе практически отсутствует инновационная активность!»

Ну подумали бы, может ли в принципе существовать такое общество. Инновационная активность — биологическое свойство человека. А если говорить об экономике, то как обвинение советскому строю сами же «перестройщики» всегда утверждали, что советская экономика в основном работала *на оборону*. Но в производстве оружия инновационный потенциал советской промыш-

ленности был, вне всяких сомнений, исключительно высок. Даже, можно сказать, *необъяснимо* высок. Выходит, советская экономика в основной своей части была высоко инновационной — исходя из их же посылок.

Но вопрос глубже. Советский строй как раз породил необычный, исключительно сильный всплеск инновационной активности, как говорят, придав ей *эсхатологический* характер. В литературной форме философский смысл этого явления выразил Андрей Платонов в своей повести «Ювенильное море». А Николай Бердяев писал в Париже: «Оригинально в советской коммунистической России то духовное явление, которое обнаруживается в отношении к техническому строительству. Тут действительно есть что-то небывалое, явление нового духовного типа. И это-то и производит жуткое впечатление своей эсхатологией, обратной эсхатологии христианской».

Таким образом, антисоветские идеологи как будто специально ищут, что бы сказать такое, что бы противоречило реальности самым кричащим образом, отрицало именно то, что является общеизвестной сущностной чертой советского строя. Сама пресловутая проблема «трудности внедрения» была порождена огромным избытком изобретательской активности и понятным недовольством массы изобретателей. Там, где этой массы изобретателей нет, людям вообще непонятно, о чем идет речь, что за проблемы такие.

Инновациям, которые рождались в советском обществе и несли отпечаток «русского стиля мышления», было присуще необычное сочетание фундаментальности с размахом. Советские ученые и инженеры проектировали большие межконтинентальные технические системы, дававшие огромный эффект. Взять хотя бы единую систему железных дорог. Делегация государственной адми-

нистрации железных дорог США, ознакомившись не так давно с этой системой, назвала ее «чудом XX века». Ведь она пропускала в советское время через километр пути в 6 раз больше грузов, чем в США, и в 25 раз больше, чем в Италии. Прикиньте разницу! То же можно сказать и о Единой энергетической системе. Потому-то такие усилия прилагает команда реформаторов-бойцов, чтобы эти системы уничтожить.

Мне посчастливилось познакомиться и беседовать с замечательным нашим ученым и изобретателем И.Петряновым-Соколовым, настоящим сыном советской цивилизации. Он рассказывал, как действовала наша инновационная система в 40—60-е годы — ведь ничего похожего не было на Западе, там приходилось брать большими деньгами. Сам он — автор изобретений, которыми пользуется весь мир (кстати, бесплатно). Взять хотя бы «фильтр Петрянова», основу современных респираторов.

Расскажу маленькую историю. В 1992 г. сотрудник нашего Аналитического центра стал в правительстве Гайдара министром науки и даже вице-премьером. Приехала к нам высокопоставленная делегация министерства науки ФРГ — зачем-то обсуждать их опыт уничтожения Академии наук ГДР. Утром эта делегация посещала какой-нибудь научный центр, а после обеда они приезжали к нам, и в узком кругу мы вели непринужденные и поучительные беседы. Как-то раз они вернулись из экскурсии в подавленном состоянии. Они посетили лабораторию Петрянова-Соколова, в которой работало всего пятеро глубоких стариков (ему самому тогда было 85 лет, а это были его старые сотрудники). Они показали немцам, какой ответ приготовили на угрозу «звездных войн».

Речь шла о защите наших ракет против действия космических лазерных пушек. Зная параметры лазерного из-

лучения, эти люди подобрали вещества, которые при ударе лазерного луча испарялись, образуя аэрозоль с такой величиной частиц, что электромагнитные волны вступали с ними в интерференцию, и луч рассеивался. Этого было достаточно, чтобы удельная интенсивность воздействия на металл становилась недостаточной для пробивания корпуса ракеты. Старики сделали из этого вещества «краску» и вручную красили образцы для испытаний. Обработка ракеты обошлась бы в 50 долларов. Повидав все это своими глазами, немцы очень сильно приуныли.

Да, нам казалось, что наша система НИОКР недостаточно инновационна, иначе она бы завалила нас миллионом наименований отечественных товаров точно такого же качества, как на Западе. Но это бредовое умозаключение могло быть воспринято именно только сознанием с разорванной логикой. Мы жили в техносфере, созданной почти исключительно усилиями собственной инновационной системы — при том, что ее ресурсное обеспечение было несравнимо меньшим (на два порядка!), чем у Запада. Кстати, потому пришедшая к власти антисоветская клика и науку первым делом стала уничтожать, даже до железных дорог.

А вообще, инновационная активность была присуща советским людям в очень высокой степени и проявлялась широко и самым необычным образом. Такого движения изобретателей, как у нас, не наблюдалось нигде в мире. Вот, пишет социолог-криминалист (Н.Г.Шурухнов. Личность пенитенциарного преступника. — СОЦИС, 1993, № 8): «В одном из ИТУ УИД МВД Киргизии был обнаружен компактный реактивный двигатель, с помощью которого предпринималась попытка покинуть пределы колонии и таким образом совершить побег. Исходя из сложности и оригинальности конструкции, оперативные работни-

ки предположили, что его мог изготовить осужденный М., который имел среднетехническое образование (закончил авиационный техникум), выписывал технические журналы, неоднократно изготовлял различные технические усовершенствования, вносил рационализаторские предложения и т.п...

Осужденный К., отбывавший наказание в одном из ИТУ УВД Винницкой области, пытался совершить побег с помощью дельтаплана. На участке деревообработки он достал рулон наждачной бумаги на тканевой основе, замочил его в пожарном водоеме (чтобы извлечь ткань), изготовил металлические и деревянные конструкции. На плоской крыше (с которой предполагалось начать полет) одного из цехов укрепил ролики и натяжной шнур...».

Я читал в Испании аспирантам лекции о русской и советской культуре и привел этот пример. Люди слушали с недоверием — ничего подобного, даже отдаленно, они не могли себе представить не только в отношении заключенных испанских тюрем, но и в приложении к нормальной университетской публике. А для советских зеков, «осужденного М. и осужденного К.», такой инновационный подход к делу был вполне нормальным — они в этой атмосфере были с детства воспитаны.

Надо сказать, что стандарты алогичного, бессвязного мышления задавали и задают люди, носящие самые высокие научные титулы. Вот академик, почетный президент Российского общества социологов Т.И.Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Читаешь, и охватывает тягостное чувство. Например, упоминается дефицит. Он якобы преодолен благодаря повышению цен. Вот какая дается трактовка: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потреби-

тельского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально».

На мой взгляд, это просто разновидность шизофрении, острого расщепления сознания. Людей сбросили в бедность, они не могут покупать продукты и, таким образом, *выброшены с рынка* — а социолог называет это «крупным социальным достижением»! И ведь обе части утверждения делает один и тот же человек в одном и том же абзаце.

Вдумаемся в такое умозаключение: «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.».

Итак, 93% работников не могут теперь нормально жить за счет честного труда, а вынуждены искать сомнительные (часто преступные) источники дохода — а социолог считает, что приватизация *не повлияла* на экономические интересы и поведение. Где же логика?

А вот советник Путина по экономическим вопросам А.Илларионов говорит в интервью (в апреле 1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то «вправо», то «влево». Но суть ее оставалась прежней — социалистической».

Неужели не видно, что это — абсурд, если только не сознательное издевательство над публикой? Политика Гайдара и Чубайса — это социализм! Кстати, Заславская говорит, что приватизация «не оказала существенного влияния», а Илларионов, наоборот, хвастается тем, что «благодаря пинку Гайдара Россия... всего через два с небольшим года реформ радикально изменилась». И оба правы, оба корифеи.

Люди, проклинающие советский строй, очень часто противоречат сами себе таким странным образом, что поначалу даже не веришь в их искренность. Но потом видишь, что они совершенно искренни, и от этого становится совсем тяжело на душе. Два года назад я поехал в Киев. В купе нас было трое. Мои молодые попутчики оказались оба русскими и оба недавними офицерами — летчик и ракетчик. И оба были предпринимателями, ездили в Москву по делам. Я было приуныл — сейчас достанут водку и придется минимум полбутылки с ними выпить, а годы уже не те. Но, оказалось, и время не то, и офицеры не те. Каждый из них достал по двухлитровой пластиковой бутылке с какими-то водами, они стали понемногу прихлебывать каждый из своей бутылки, после чего аккуратно завинчивать пробочку. Угроза моему здоровью миновала, есть и в буржуазной культуре хорошие стороны.

Стали они вспоминать свое армейское прошлое и вперемешку рассказывать о своем бизнесе. Летчик служил в Германии, с восторгом говорил, какие замечательные самолеты пришли на вооружение в конце 80-х. До этого они с трудом могли тягаться с «фантомами», так что боевые наставления предписывали им в крайнем случае идти на таран. А теперь хороший летчик мог надеяться на свою технику — все были счастливы, на новый уровень вышли. Видно было, что этот человек был просто влюблен в свой СУ.

С бизнесом у него было дело похуже — сейчас ему приходилось прятаться от кредиторов и он опасался за безопасность семьи. Он владел (на началах какой-то «бесплатной аренды») всей сетью холодильных установок на Южном берегу Крыма и всей торговлей мороженым. Свое производство прекрасного в прошлом мороженого на Украине почему-то свернули, и он покупал импортное — похуже, но без проблем. И вот энергетики вдруг отключили у него электричество, и партия мороженого пропала. Он остался на мели и не знает, как выкрутиться.

Попутчик, специалист-электронщик по системам управления ракет, был видным менеджером фирмы, возникшей в академическом Институте кибернетики, он принял живое участие в судьбе летчика и стал думать, на какие кнопки он может нажать, чтобы кредиторы «выключили счетчик».

Как-то они и меня втянули в разговор, и я спросил, как же получилось, что они, молодые образованные и опытные люди, взяв в свои руки рычаги управления хозяйством, привели его в такое плачевное состояние. Как они возмутились и разволновались. Что вы говорите! Это была система, которая абсолютно ничего не смогла создать и построить! Нам пришлось начинать на голом месте, вот мы и бьемся, как рыба об лед.

Я ушам не мог поверить — смеются они, что ли? Нет, именно взволнованы и уверены, что говорят очевидные и убедительные вещи. Советская система *ничего не смогла создать!* Но ведь ты только что говорил, что получил целую сеть современных холодильных установок, которые еще недавно бесперебойно снабжали мороженым миллион, если не больше, отдыхающих. Как вяжутся между собой эти два твоих же утверждения? К этим холодильникам было подведено электричество, которое

раньше никогда никто не отключал, даже мысли такой не могло никому прийти. И мороженое было прекрасное, не то что импортная подкрашенная дрянь. Разве все это не создано и не построено? Разве получить это называется «начать на голом месте»?

А минутой раньше ты вздохнул рассказывал о Су-27, на котором ты летал и поплеывал на «фантомы». Разве эти СУ не были «созданы и построены»? Твой собеседник сегодня зашибает большие деньги на том, что продает разработки Института кибернетики, делавшего лучшие в мире системы управления ракетами. Разве этот институт с неба свалился? Разве он не был «создан и построен» в советской системе? Кончатся скоро его ресурсы (как до этого пожаловался сам менеджер), и нечем тебе будет торговать. И это называется «начать на голом месте».

Когда я попытался именно в таком свете представить дело, мои попутчики расстроились, замолчали, но несколько со мной не согласились. Может, они и впрямь считали, что при советском строе все было обязано появляться из воздуха? И появлялось — а система и воспитанные ею люди были ни при чем. Надо только сказать, что эта установка, смертельная для советского строя, вовсе не является принципиально антисоветской. Она есть следствие *избалованности* очень большой части советской молодежи как предпосылки для поверхностного, но очень активного антисоветизма. Об этом писал Ортега-и-Гассет: «Избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование наподобие воздуха, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа».

При таком способе рассуждений нельзя не только ответить, но даже внятно поставить вопрос, который бук-

важно висит в воздухе: *чего мы все-таки хотим?* И дело не в лицах. За моими собеседниками — целые социальные слои. Вот, ученые выходят на площадь, картинно несут буфафорский гроб «российской науки». Чего они хотят? Ведь не может политический режим, который они сами приво-дили к власти, содержать большую науку. Не только не может, но даже не может этого желать, ибо весь смысл его существования — ликвидация советской цивилизации. Это настолько ясно выразили все идеологи «демократов», что не зная этого ученые не могут. Однако я ни разу не слы-хал, чтобы какое-то собрание ученых, пусть даже одной лаборатории, ясно сказало: наша поддержка антисоветско-го поворота была ошибкой. Нет, они предпочитают таскать свой гроб, устраивать голодовки и критиковать режим за «недооценку науки» — без единого шанса на успех.

Речь не только об антисоветских «демократах». Ост-рая некогерентность рассуждений отличает и многих русских патриотов. Она возникает уже оттого, что каж-дый копает свою золотую жилу, создавая хор несовмес-тимых утверждений. Одному хочется напечатать мемуа-ры замученного большевиками (в 1945 году!) генерала Краснова, другой увлекся патриотом Столыпиным, трет-ий — народным вождем Махно. И никто не может четко определить, *чего же он хочет*. Чуть ли не все наши патриоты воспроизводят, пусть в более мягкой форме, «син-дром Солженицына». То он всеми средствами, беззавет-но уничтожал советский строй — а теперь нос воротит от нового порядка. Мне даже порой становилось обид-но за Ельцина и Чубайса — ну чем ему не угодили? Ведь уничтожили СССР — разве не об этом мечтали Александр Исаевич и его соратники?

У многих в голове застряла иллюзия, будто можно было уничтожить советский строй безболезненно, даже с

экономическим и культурным подъемом России. Ни у кого не удастся получить ответа на вопрос: а как бы надо было уничтожить *строй жизни*, чтобы при этом возникло процветание? И чего бы ты хотел вместо советского строя — так, чтобы это отвечало твоим желаниям, но было мало-мальски возможно в данной нам реальности.

При этом в своих проклятьях советскому строю они создают уродливый образ с несоизмеримыми частями. Вот в газете «Завтра» (2000, № 10) большая статья известного писателя Д.Балашова «Зюганов, побеждай». Коктейль из антикоммунизма, патетического патриотизма и любви к КПРФ. Начинается статья с такого образа Отечественной войны: «И затравленный, ограбленный, раскулаченный народ пошел умирать «За Родину, за Сталина».

Что с исторической памятью у этого автора исторических романов? Сказать, что к 1941 г. русские были *затравленным народом!* Королев и Чкалов, Жуков и Василевский, Стаханов и Шолохов — порождение затравленного народа? Скорее всего, Д.Балашов вообще не понимает, в чем смысл такого исторического явления, как Стаханов — тут он остался на уровне «Британской энциклопедии», хоть и является русским патриотом.

Слышал я от одного военного, разведчика, а после войны известного ученого, что главное отличие советского и немецкого солдата на фронте было в следующем. Когда у немцев убивали офицера, это производило довольно длительное замешательство, что в скоротечном бою часто решало исход дела. Когда убивали офицера у наших, тут же поднимался сержант и кричал: «Я командир, слушай мою команду». Убивали сержанта — поднимался с тем же криком рядовой. Большинство солдат обладали ответственностью, волей и готовностью быть командиром. Это значит, что народ именно не был *затравленным*, он был духовно свободным.

Был ли он *ограбленным*? Кто его ограбил — Сталин? Куда делось награбленное? Каково было распределение доходов среди населения? *До* советской власти и *после* советской власти огромные средства изымались у подавляющего большинства населения, вывозились за рубеж и использовались на расточительное потребление меньшинства. Сейчас «новые русские», заполучив собственность и вогнав большинство населения в бедность, не только скупают виллы на Западе, но еще и импортируют для своих баб на 2 миллиарда долларов золотых украшений и драгоценных камней в год! Чем они их оплачивают? Куском хлеба, вырванным изо рта ребенка. Казалось бы, именно это состояние можно назвать ограблением народа. Ан нет, писатель применяет термин в совершенно обратном смысле.

Назвать же советский народ *раскулаченным* — вообще нелепость. И дело не только в реальных масштабах раскулачивания (1,5% советских семей — это много, но это все же не весь народ). Дело в том, что «раскулачивал»-то как раз народ. Коллективизация во многом потому и стала страшным делом, что ее вели крестьяне — это была внутридеревенская гражданская война (тип ее трагически описал А.Платонов в «Чевенгуре»).

Можно было обвинять советскую власть именно за то, что она *натравила* народ на кулаков и плохо следила за тем, чтобы народ не *перебарщивал*, не превышал разрешенную разнарядку. Было бы разумно сказать на месте Д.Балашова, что, мол, не только народ, но *даже и раскулаченные* пошли воевать. Но считать, что народом были именно кулаки, а 98,5% «нераскулаченных» были *не-народом* — верх нелепости. И тот факт, что этого не замечал ни сам Балашов, ни редакторы газет, что его печатали, говорит о поражении мышления.

Гипостазирование

В антисоветском мышлении проявилась в гипертрофированном виде общая склонность интеллигенции к *гипостазированию*. До такой степени, что это стало, на мой взгляд, родовым признаком антисоветских рассуждений.

Не хотелось бы, конечно, вводить иностранное слово, но трудно подобрать краткий русский эквивалент слову «гипостазирование». В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Когда пробегаешь в уме историю созревания антисоветского проекта, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже считать его реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными (слова-амёбы), такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью. Сказал, например, «казарменный социализм» — и вроде все понятно.

Это свойство идеалистического мышления играет большую роль в культуре человека массы и делает его очень податливым к манипуляции его сознанием. Маркс в «Капитале» приводит строку из «Фауста» Гёте:

Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.

Так оно и происходит: какое-то второстепенное свойство возвышается до уровня сущего, для него изобретается многозначительное слово, а потом выстраивается образ, который очаровывает податливую публику. Еще в прошлом веке Ле Бон («Макиавелли массового общества», как назвали его недавно) писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл».

Осознание образованными людьми этого дефекта их мышления затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давшего человеку главный метод науки, при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения логики (рациональности). Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям — худший враг логического мышления».

Кстати, наши антисоветские экономисты только этим и занимались во время перестройки — и занимаются сегодня. Вспомните тот бум, в результате которого чуть ли не главным в нашей жизни сделали образ *экономической эффективности* — выстроенной в уме абстрактной концепции, взятой к тому же из совершенно иной хозяйственной системы. Чистейшее гипостазирование.

В созревании антисоветского сознания важную роль сыграл совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем спорили, что это такое — мутантный социализм? мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Хотелось крикнуть этим впавшим в гипостазирование интеллектуалам: «Назовите хоть горшком, только в печку не ставьте!».

Вот что пишет профессор МГУ А.П.Бутенко в академическом журнале в октябре 1994 г. о советском строе: «Был создан не социализм, а общество-монстр, двуликий Янус, клявшийся в своей верности людям труда, которым он бросал подачки с барского стола, но верой и правдой служил бюрократии, номенклатуре. Именно это общество — казарменный псевдосоциализм как коммунистическая разновидность тоталитаризма — и было отвергнуто народом, рухнуло, перестало существовать» (СОЦИС, 1994, № 10). Все это — набор слов, не дающих никакого содержательного знания о предмете, но профессор, повторяя эти слова, с небольшими вариациями, почти десять лет, прослыл чуть ли не теоретиком советского строя.

Преодолеть гипостазирование можно, хотя для этого требуются специальные усилия. Но если они удаются, эффект бывает удивительным. Как-то я в Испании читал лекцию о советском строе, а там публика крайне *индоктринирована* — относительно СССР она мыслит вбитыми в голову штампами, и любая попытка поставить их под сомнение сразу вызывает недоверие к говорящему. Я предложил аудитории заключить на время лекции такой пакт: не употреблять никаких идеологических понятий, которые не имеют прямой связи с элементарными, однозначно трактуемыми сущностями. Например, слова «социализм» или

«тоталитаризм» слишком абстрактны, о них можно спорить до бесконечности. А слова «литр молока» понимаются всеми нами одинаково (можно даже уточнить — «литр молока жирностью 3,2%»). Так давайте, говорю, рассмотрим, что такое был советский строй именно в таких, однозначно понимаемых («абсолютных») терминах.

Посмотрим, как питались люди, какие жилища имели, как они отапливались, чем люди болели, сколько их гибло от рук убийцы, чего они боялись и т.д. Нарисуем бесхитростный портрет советского жизнеустройства — без всякого символизма и сюрреализма. Этот подход вдруг показался людям таким понятным и интересным, что я сам никак не мог ожидать. Слушатели сами предложили необычные для нас ракурсы. Например, родители чрезвычайно высоко оценили отсутствие в советском жизнеустройстве сильной наркомафии, растлевающей подростков. Одна женщина сказала, что это качество в ее глазах перевешивает нехватку комфорта и очереди, все это мелочь по сравнению с реальной опасностью потерять сына-подростка, которая превращает жизнь родителей в ад. Если бы я после того разговора привел рассуждения проф. Бутенко о псевдосоциализме, Янусе и пр., это вызвало бы недоумение — что за чушь несет этот схоласт?

Вся перестройка была проведена под знаком борьбы с *тоталитаризмом*. Что это за чудовище, ради убийства которого не жалко полстраны уморить? Это чисто идеологическое понятие, не имеющее жесткого, абсолютного значения. Тоталитаризм Брежнева! Такая же чушь, как и «демократия Ельцина». Но, употребляя эти понятия, идеологи могут парализовать здравый смысл даже у очень знающих людей.

29 августа 2001 г. я участвовал в «круглом столе», собранном в «Литературной газете» и посвященном интри-

гующей теме: куда девается природная рента (то есть доход от земли и ее недр) в нынешней РФ? Были видные специалисты и ведущие экономисты, включая академиков Д.С.Львова и В.В.Ивантера. Вел заседание А.С.Ципко. Спора не было — все знают, что рента, вопреки закону, отдается «крупному капиталу». В общем, все признали и тот факт, что эта рента изымается ими из хозяйства, оно хиреет и никак не позволит сносно жить большинству народа. Говорили, что надо нам учиться у Индонезии, где 15 семейств владеют 80% богатства, у Бразилии, где половина населения не имеет дохода — как-то уживаются, хотя и с пулеметами на крышах в приличных кварталах. Кто-то говорил о грядущей остановке добычи газа и нефти — не вкладывают олигархи денег в разведку и обустройство новых месторождений, о том, что за десять лет в стране не построено ни одного не то что завода, а цеха.

Все при этом также были согласны в том, что при советском строе рента обращалась в капиталовложения — как в хозяйство, так и в науку. Один экономист в качестве шутки сказал, что и сейчас можно было бы воссоздать Госплан для изъятия и использования природной ренты. Но, как добавил он, для этого необходим тоталитаризм. И почти все засмеялись — нет, они не хотят тоталитаризма, они хотят демократии. И продолжили — как лучше наладить взаимодействие правительства с олигархами, по мелочам. У меня мелькнула мысль, что за одним столом сидят люди и людоеды — и обсуждают кухонную утварь. Так велика была магия слова *тоталитаризм*, что даже почтенные академики не решились сказать: господа, что за чушь вы говорите! Все эти идеологические бирюльки имеют ничтожное значение по сравнению с тем, что страна в этой системе экономики явно не может выжить — вот о чем должны думать экономисты.

Сильное воздействие гипостазирования на мышление подрывает способность к рефлексии, к анализу своих решений и их последствий. В начале 1989 г. лишь 10% опрошенных считали, что в ближайшие годы экономическое положение в стране *ухудшится* (59% считали, что «улучшится», 28% — что «останется без изменений»). Нас здесь особенно интересуют установки интеллигенции: она в значительной своей части хотела именно капитализма, причем в его западной версии, ждала его от бригады «Горбачева-Ельцина» и считала, что с ним придет благоденствие.

Что же говорили эти люди в разгар реформы, после слома советской системы хозяйства? Вот каковы ответы в сентябре 1995 г. людей с высшим и незаконченным высшим образованием (по данным ВЦИОМ). На вопрос об экономическом положении России в настоящее время ответили: *плохое* — 52,5%; *очень плохое* — 26,8%. Это — признание полного краха экономических иллюзий. «Самые тяжелые времена еще впереди» — 54,2%. «Они уже позади» — 7,8%. Какой глубокий пессимизм — после надежд 1989 г., хотя реформаторы все сделали именно так, как и желала интеллигенция. И, что потрясает больше всего, на вопрос «Что сейчас больше нужно России: порядок или демократия?» — 64,7% интеллигентов ответили: *«порядок»!* Это — крах демократических иллюзий. Ведь в 1989 г. ориентация на «порядок» считалась свойством реакционного советского мышления, над этим издевались.

Большая часть интеллигенции стала политически апатичной: половина не собиралась участвовать в выборах в Думу. А ведь еще недавно ради свободных многопартийных выборов она была готова сжить со свету нашу тоталитарную «империю зла». В мае 1995 г. уже сравня-

лось число сторонников плановой и рыночной экономики среди интеллигенции (а у людей с неполным средним образованием их соотношение 4,5:1). Разрушена и западная иллюзия. В январе 1995 г. 59% опрошенных (в «общем» опросе) согласились с тем, что «западные государства хотят превратить Россию в колонию» и 55 — что «Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду». Но ведь уже и 48% молодых людей с высшим образованием высказали это недоверие Западу.

Но все это — лишь признание в крахе надежд. Из него вовсе не следует, что интеллигенция в массе своей пересмотрела главный антисоветский выбор.

Рассмотрим пару-другую примеров гипостазирования, которые еще сохранились в памяти. У антисоветской интеллигенции было очень сильно расплывчатое убеждение, что во всем «система виновата». Важнейшими причинами наших бед она считала «засилье бюрократов», «уравниловку», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» — причины, для массового сознания не так уж существенные. И ведь при том, что уравниловку в числе трех первых по важности причин назвали 48,4% интеллигентов, они же проявили удивительную ненависть к «привилегиям начальства» — 64% против 25 в «общем» опросе.

И вот, опираясь на эти стереотипы, Г.Х.Попов запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин *«административно-командная система»*. Если вдуматься, смысла в этом никакого, но словечко было подхвачено прессой, духовными авторитетами, даже получило аббревиатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет в советском строе. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР и предопределяющее жизнь именно советского человека. Блуждающий огонек...

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова — все имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими. Антисоветские идеологи, глубокомысленно вещавшие: АКС, АКС... — намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо — любой банк, любая корпорация, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем несравненно более жестким, чем был в СССР. Но так людей очаровали этой АКС, что антисоветские документы стали замечательными свидетельствами утраты здравого смысла.

Вот уже упомянутый проект Закона о предпринимательстве (1990 г.). Бредовое требование: «Государство должно воздействовать на хозяйственных субъектов только экономическими методами!» Мол, никакого администрирования. Во всем мире «хозяйственные субъекты» не просто находятся под административным контролем, но и весьма часто оказываются в тюрьме, а у нас, значит, бей их только рублем, да не прямо, а через какие-то мифические экономические механизмы.

Строго говоря, никакая производственная или вообще хозяйствующая организация и не может действовать, если допускает действие экономических критериев на уровне конкретной работы. Как сказал, например, один умный американский организатор НИОКР, для исследователей и инженеров алтарь — законы движения материи, а их боги — функциональные характеристики их изделий и материалов. Экономика — дело высшего

управления фирмы, в лабораторию ей вход запрещен. Это — элементарная вещь, но с этой АКС интеллигенции надолго удалось закрутить мозги. Даже историки, прекрасно знавшие, что системы управления и в государстве, и в хозяйстве складываются исторически, а не логически, не исходя из какой-то доктрины, стеснялись прямо сказать, что пресловутая АКС — плод самого примитивного гипостазирования.

В 1988 г. на «круглом столе» в АН СССР историк К.Ф.Шацилло осторожно объяснял на примере промышленности России начала XX века: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена, на заводах не знали; что такое прибыль — не знали, что такое себестоимость, амортизация и т.д. и т.п. — не знали. А что было? Был административно-командный метод: постройте четыре броненосца и скажите, сколько заплатить; желательно построить за три года, построили за шесть, ну что же поделаешь?..

А что Сталин стал использовать? Он обратился к тем архаичным, пережиточным, феодальным по существу, командно-административным методам, которые существовали в крупной казенной промышленности до революции («Россия, 1917 год: выбор исторического пути». «Круглый стол» историков Октября, 22—23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989).

А вспомним ключевое слово перестройки *дефицит*. В нормальном языке оно означает просто нехватку. Это именно «свойство, отношение чего-то», но из него создали какое-то реально существующее чудовище, чуть ли

не главный, чрезвычайно активный субъект нашей жизни. Он как будто подкарауливал каждого советского человека и днем, и ночью и мог напасть на него в самый неожиданный момент в любом месте. Дефицитная экономика! Людей уверили, что во времена Брежнева «мы задыхались от дефицита», а сегодня, мол, никакого дефицита нет, а есть изобилие. Дефицит стал чем-то вроде кобры, танцующей под дудочку факира. Много производили молока — это был дефицит; снизили производство молока вдвое — это изобилие. Ведь это переход к понятийному аппарату шизофреника. И маскируется этот переход путем создания образа из несуществующей ткани, путем извращения смысла слова. Нехватка — это изобилие!

Замечу, что даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела именно к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. Вот данные Госкомстата СССР, а потом Госкомстата РФ. Обеспеченность розничного товарооборота товарными запасами в розничной торговле (в днях товарооборота) составляла в СССР на 1 января соответствующего года: 1960 — 85 дней, 1970 — 88, 1980 — 77, 1985 — 92, 1986 — 84, 1988 — 69, 1990 — 47 дней. В РФ она составила в 1995 г. 33 дня, и в 1996 г. 39 дней. При этом в 1994 г. из всех товарных ресурсов товарооборота 48% поступило по импорту, а в 1995 г. — 54%.

В советское время нормативные запасы товаров и продуктов в торговле были достаточны для 80 дней нормальной розничной торговли. Если они сокращались ниже этого уровня, это было уже чрезвычайной ситуацией. В ходе реформы товарные запасы снизились до 30—40 дней. А, например, на 1 октября 1998 г. на складах Санкт-Петербурга имелось продуктов и товаров всего на

14 дней торговли. Положение регулируют только невыплатами зарплаты и пенсий. Вот тебе и изобилие.

Профессор из Петербурга, д.э.н. С.А.Дятлов, рассматривая состояние инвестиционной сферы России, пишет в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80—90% обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде — это не только долговая экономика, но и экономика хронического дефицита, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса» (С.А.Дятлов. Концепция инвестиционного развития России. — Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1997).

Хорошим лекарством против гипостазирования было бы чтение «Государственных докладов о состоянии здоровья населения РФ», где понятие «дефицит» употребляется в его строгом, жестком смысле — дефицит белка, дефицит витаминов, дефицит йода и т.д. Там прямо говорится, что реформа привела к массовому дефициту в организме жителей России жизненно важных компонентов — дефициту, немыслимому в советское время. Вот что означает, например, дефицит в его жестком, ограниченном значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения было потреблено 22,5 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1994 г. — 9,8 кг. Дефицит рыбы как продукта питания — при ее изобилии на прилавках как знака ложного изобилия. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в глубокое гипостазирование.

А вот чрезвычайный пример дефицита, созданного антисоветской реформой, без всякой экономической причины — просто из-за ухода государства от заботы о людях. Государственный доклад 2000 г. «О состоянии здо-

ровья населения Российской Федерации в 1999 г.» гласит: «Актуальной экологической проблемой является дефицит йода в биосфере, так как более 70% густонаселенных территорий нашей страны имеют разную степень недостаточности этого микроэлемента. Прекращение йодной профилактики привело к росту в России эндемического зоба и ассоциированных с ним болезней среди больших групп населения, в первую очередь — детей и подростков». *Прекращение йодной профилактики!* Просто перестали добавлять капельку йода в поваренную соль. Ничего на этом и не сэкономили, просто перестали добавлять. Разумеется, в некоторых областях, по собственной инициативе местные власти или медицинские организации ведут йодирование соли, поставляют ее в детские сады (о таких случаях говорится в Докладе) — но государственная программа прекращена. И огромное число обывателей и не подумает покупать йодированную соль (в четыре раза дороже обычной) — не все же знают о том, что такое эндемичный зоб, а большинство скоро забудет, что такое щитовидная железа.

Другим важным чудовищем, созданным в антисоветском сознании, была *номенклатура*. Слово, которое всего-навсего означает принятый в СССР порядок подбора и назначения кадров на должности высокого уровня в аппарате управления, вдруг обрело статус какого-то чуть ли не живого существа, которое охватило своими щупальцами всю страну и ворочает всеми делами. Задумаемся над очевидным фактом: советский человек стал испытывать почти ненависть к номенклатуре — за то, что она пользовалась «льготами и привилегиями». На этой почве и произошло сотворение Ельцина как временного кумира.

Еще нагляднее, гротескно это проявилось в мышлении западной интеллигенции (прежде всего левой — пра-

вые как-то более приземленны, их сказками про льготы не проймешь). Помню, как легко было принято на Западе предложенное Горбачевым объяснение причин политического кризиса в СССР в конце 80-х годов: номенклатура яростно борется за сохранение старого режима, чтобы не потерять свои огромные привилегии. У многих испанских коллег я спрашивал, какими привилегиями, на их взгляд, обладает номенклатура в СССР? Какие льготы получают ставшие бюрократами рабочий, инженер, учитель и т.д., чтобы эти льготы таким решительным образом повлияли на их сознание? Мне не только никто не дал связного ответа, но и сам этот вопрос ставил в тупик — над ним никто не задумывался. Образ номенклатуры уже жил своей собственной жизнью и не нуждался в конкретных описаниях. Пресса даже не потрудилась составить пусть мифическую, но мало-мальски связную аргументацию своей модели, этот даже небольшой труд, по убеждению читателя или телезрителя, был излишен.

Действительно, конкретно об этих льготах в их реальном выражении никто и не думал, образ этих льгот, не имея материального наполнения, был в то же время очень жизненным, это был плод гипостазирования. Ведь холодная логика гласит: любое общество должно создавать верхушке «улучшенные» материальные условия, хотя механизмы создания таких условий различны. Была ли верхушка СССР так уж прожорлива? Нет, в норме советское общество отпускало ей крохи материальных благ.

Как принцип, это было заложено уже в генезис номенклатурной системы (вспомним хотя бы идею партмаксимума). Вот мелочь из воспоминаний помощника Сталина в 20-е годы: «В 1922—1923 гг. я жил в одной квартире с Верой Инбер и ее отцом, дядей Троцкого. Троцкий, его

дети — Седов, дочери — часто к нему приходили, другие товарищи, целые собрания бывали» (А.П.Балашов. Старая площадь, 4. ПОЛИС, 1991, № 5). Подумайте: помощник Сталина, дядя Троцкого и т.п. живут в коммунальной квартире. И это была норма.

А вот 1943 г., семья Сталина. В квартиру его тестя и тещи, которых он очень любил и с которыми постоянно общался, подселяют семью заместителя наркома здравоохранения РСФСР, и они живут в коммунальной квартире. Когда в 1948 г. была арестована сестра жены Сталина, то, поскольку освободилась ее комната, в эту квартиру вселяют еще одну семью.

Во время «борьбы с привилегиями» много говорилось о «кремлевских обедах» в столовой на ул. Грановского, где могли обедать члены высшей номенклатуры (или брать обед домой или продукты сухим пайком). Такие «обеденные книжки» имели также старые большевики. Они-то имели льготы — платили за обед 10% стоимости. Но члены номенклатуры платили полностью — 2100—2400 руб. за месяц. Внук старого большевика и племянник жены Сталина В.Ф.Аллилуев вспоминает: «Когда я поинтересовался у Каманиных, почему они не берут обед в Кремлевке, Мария Михайловна мне ответила: «Вовочка, нам невыгодно его получать. Он слишком дорого стоит, а на нашу семью его не хватает» (их было пятеро)».

А вот штрихи образа жизни самого Сталина и его семьи — в письмах его жены Н.Аллилуевой Сталину в Сочи, где он был на отдыхе (опубликованы в 1992 г.): «2 сентября 1929 г... Как мои дела с Промакадемией, ты спрашиваешь. Сегодня был у меня экзамен по математике письменной, который прошел удачно, но в общем мне все же не везет, а именно: утром нужно было быть в ПА к 9

часам, я, конечно, вышла в $8\frac{1}{2}$ — и что же: испортился трамвай, стала ждать автобуса — нет его, тогда я решила, чтобы не опоздать, сесть на такси, села и что же, отъехав саженей 100, машина остановилась, у нее тоже что-то испортилось».

Какие здесь льготы и привилегии? Жена первого руководителя государства едет на экзамен на трамвае, взять такси — это уже нечто необычное. Вот из других писем: «Иосиф, пришли мне если можешь руб. 50, мне выдадут деньги только 15/IX в Пром[академии], а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь будет хорошо... В день прилета цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал»¹.

Конечно, аскетизм довоенного времени уходил в прошлое, но все же и в послевоенный период льготы советской номенклатуры были гипертрофированы в массовом сознании. Хрущев поохотился разок в Крыму, и это вошло в историю как преступление века. А типичная оргия секретаря обкома заключалась в том, что он мылся в бане, а потом выпивал бутылку коньяка. Когда Молотов умер в 1986 г., все его состояние равнялось 500 руб. — на похороны (да еще перед этим он отправил 100 руб. в фонд Чернобыля). Даже Брежнев, которому перестроечная пропаганда создала ореол вселенского вора, оставил в наследство, как выяснилось, лишь несколько подержанных иномарок — была такая слабость у руководителя советской империи, любил порулить на хорошей машине.

¹ Я бы очень порекомендовал прочитать книгу племянника Н.Ал-лиллуевой В.Ф.Аллиллуева «Хроника одной семьи» (М.: Молодая гвардия, 1995). Автор ее — умный, наблюдательный и достойный человек. Среди прочих важных для понимания советского строя вещей в его книге отражены многие детали быта высшей номенклатуры того периода.

С точки зрения разумного расчета, руководители высшего звена в СССР были самой «недооплаченной» категорией — это сообщила даже идеолог перестройки Т.И.Заславская. Почему же маленькие блага и слабости вызывали ярость, а к хамской роскоши нуворишей или невероятным доходам нынешних директоров-приватизаторов проявляется такая терпимость? Потому, что люди судили не реальной мерой, а теми образами, которые были построены в идеалистическом сознании. И очарование этих образов было очень сильно.

В 1985 г., на волне перестройки, и я на какое-то время попал в номенклатуру, причем довольно высокого уровня — номенклатуру Отдела науки ЦК КПСС¹. Я был назначен заместителем директора довольно крупного института, имевшего существенное идеологическое значение (Института истории естествознания и техники АН СССР). Став членом номенклатуры, я с обывательским любопытством стал ждать, когда же мне поднесут те льготы и привилегии, о которых мы были столько наслышаны. Никто не подносил. Когда я ближе познакомился с номенклатурной кухней, то оказалось, что никаких законных льгот нет. Есть слегка коррумпированные группы, которые понемногу и незаконно сосут какие-то блага из своих ведомств. Несравненно меньше, чем явные воры на хозяйственной работе, но все же сосут. И тебе, как новому

¹ Главное, что это означало в реальности, была высокая защищенность моего положения как работника в отношении административного руководства. Меня, заместителя директора института АН СССР, не мог снять с должности даже Президиум АН СССР без того, чтобы согласовать это с Отделом науки ЦК КПСС. Для таких случаев собиралось совещание, на котором обе стороны имели возможность полностью изложить свои аргументы. Не вдаваясь в детали, скажу, что это — условие колоссальной важности в моменты конфликта по принципиальным вопросам.

члену номенклатуры, туманно намекают, что ты в такую коррумпированную группу можешь вступить — со всеми вытекающими последствиями, прежде всего, с потерей независимости от того начальства, которое контролирует ручейки благ.

Иными словами, сама по себе принадлежность к номенклатуре этих благ не давала — ты должен был сделать личный выбор и перейти Рубикон. Но перед таким выбором стоит вообще любой человек на любом социальном уровне, в этом смысле советская номенклатурная система ничем не отличалась от любой прочей. И я с абсолютной уверенностью могу сказать, что примерно половина советских номенклатурных работников не приняла соблазна коррупции. Вот их-то жестоко били во время перестройки. Когда я вспоминаю эту злобу и ненависть к таким людям со стороны коррумпированной номенклатуры, до сих пор передергивает. Это мало выплескивалось в общество, но те простые люди, которые попадали в зону таких конфликтов и становились свидетелями таких избиений, бывали потрясены. Я думаю, вот кто был самым злобным, животным врагом советского строя — член номенклатуры, который не удержался и вошел в коррумпированную клику и которого грызли страх и совесть. И это стало для него просто невыносимо.

Вообще, ненависть к советской номенклатуре — обращение к ложному и очень примитивному стереотипу. Ведь в любом государстве есть номенклатура какого-то типа, и содержательного ее сравнения с советскими чиновниками никто никогда не делал. Неявно предполагалось, без всяких на то оснований, что советские чиновники, конечно же, хуже западных. Но и это, в принципе, было несущественно. В антисоветских рассуждениях разговор все время сбивался на *ложное* сравнение: где луч-

ше — в СССР 70-х годов или во Франции или Швеции? На деле так вопрос не стоит и никогда не стоял. Как ни крути, смысл имел только вопрос: где хуже — в СССР или в РФ конца 90-х годов? Эта проблема была четко поставлена в письме одного читателя: «Капитализм под руководством сволочей — это хуже и безжалостнее, чем социализм под руководством *тех же самых сволочей*».

Надо подчеркнуть и такую исключительно важную методологическую подтасовку. Антисоветский проект все время неявно исходил из того, что без СССР будет *лучше*. А в действительности следовало сравнивать не то, что «будет лучше», а именно то, что «будет хуже». Потому что «хуже» — понятие более жесткое. «Хорошему» нет предела, и все в нем зависит от вкуса, о котором не спорят. А вот у «плохого» есть критические уровни. Как говорят, после некоторого порога ухудшения — тишина...

В антисоветских рассуждениях о номенклатуре был огромный принципиальный изъян — из них как-то сумели исключить все-таки главный вопрос: плохо или хорошо работала номенклатурная система в подборе и расстановке кадров управления? Ведь по сравнению с этим критерием все остальные второстепенны, по ним надо улучшать систему так, чтобы не повредить главному. Конечно, каждый мог вспомнить печальные или курьезные конкретные случаи: там начальник дурак, там вор, а там аморальный тип. Но брать надо в целом, как обобщенную устойчивую характеристику системы.

Скажу для начала, что все устройство показателей, согласно которым подбирались кадры (из реально имеющегося в наличии контингента), и те фильтры, через которые они пропускались для отсеивания негодных, действовали стабильно и предсказуемо. Были известны все процедуры и ступени, все поддавалось проверке, так что сбои и отказы были довольно редки.

Ликвидация советской кадровой системы резко ухудшила положение. Теперь подбор и расстановка кадров производится теневыми силами при помощи теневых, совершенно непрозрачных и непроверяемых процедур. То возникает Березовский, то Починок, то Шахрай, то Кох. Кто, почему, как их выдвинул и вдруг дал огромные реальные полномочия в государстве? И так сверху донизу. В 1994 г. членом Комиссии по правам человека при Президенте России был назначен Владимир Податев, трижды судимый (кража, вооруженный грабёж, изнасилование) «вор в законе» по кличке «Пудель». Его не неграмотные крестьяне Елецкого уезда избирали, его кандидатуру подбирали и проверяли в Управлении кадров Администрации Президента. Я допускаю, что он — правоверный антикоммунист, поклонник Егора Гайдара. Но ведь по самому типу его квалификации ему явно надо было быть где-то в помощниках у Черномырдина, ну, в министерстве финансов — а его бросили на гуманитарную сферу.

Каков же профессиональный уровень советских и нынешних управленцев? Думаю, каждый согласится, что за десять лет произошла страшная, катастрофическая деградация. В стране сломан какой-то важнейший механизм, которого мы не понимали и не ценили. Вместо старых управленцев, поднятых номенклатурной системой, явились люди не чуть менее компетентные или умелые — посты в системе управления были заполнены людьми, каких, казалось, и нет в нашем обществе. В 1989 г., когда Горбачев сломал кадровую систему, мне по долгу службы пришлось изучать программы и планы в научно-технической области. Документы новых начальников вызвали шок. Произошло что-то небывалое и необъяснимое, разум отказывался верить глазам. Это было надругательство над знанием, опытом, логикой и здравым смыслом.

Так вот, с тех пор положение резко ухудшилось — к неграмотности и глупости добавилась коррупция.

В антисоветских разговорах любили потоптать фигуру Брежнева, хотя и он на фоне того, что мы повидали после 1985 г., выглядит достойно. Но как могли при этом обходить тех людей, кто тащил главный воз управления? Ведь самый чистый продукт номенклатурной системы — А.Н.Косыгин, вот о нем бы и говорили. Косыгин и его помощники были управленцами экстра-класса. Как во время перестройки и сейчас ни измываются идеологи над советской системой, ни слова черного не решаются сказать о Косыгине — а ведь он был руководителем хозяйства целый исторический период.

Неоцененным остался и управленческий подвиг партийной номенклатуры в конце 80-х годов. А она просто спасла страну от катастрофы. Когда перестройка парализовала государственный аппарат, на какое-то время огромную часть функций по оперативному управлению и координации взяли на себя работники райкомов, горкомов и обкомов. Они с утра до глубокой ночи сидели на телефонах и носились по организациям, потому что лишь в их руках еще оставались все связи. Они лично знали, причем знали досконально, весь руководящий состав всех предприятий и учреждений своих территорий — и знали партработников-смежников своего уровня. Через них шли потоки информации и команды, когда были разрушены государственные каналы. Мне пришлось наблюдать в 1987—1989 гг. работу отдела науки и учебных заведений Бауманского РК КПСС г. Москвы и отдела науки ЦК КПСС. Это была работа профессионалов высокого класса в чрезвычайной обстановке.

Вспомним еще один важный случай гипостазирования — веру в магические свойства *акционерного капи-*

тала, при котором «все становятся собственниками». Акции, акции... Во время приватизации людей соблазняли тем, что в США миллионы людей владеют акциями и, таким образом, получают доход с капитала. Ваучеры можно будет поменять на акции и жить на дивиденды.

В.Селюнин в статье с многообещающим названием «А будет все равно по-нашему» писал в «Известиях»: «Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действительности акции, к примеру, корпорации «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек».

В таких случаях всегда недоумеваешь: не соображает человек — или нагло врет? Вот сводка из газеты «Нью-Йорк таймс» от 17 апреля 1995 г.: 40% всех богатств в США принадлежат 1% населения. А насчет акций, так и у нас в России миллионы их имеют — акции и АО МММ, и «Гермеса». Только при чем здесь собственность и доход? Доля в доходе как богатой, так и бедной части населения США сохраняется с точностью до десятой доли процента с 1950 г. (сводка U.S. Bureau of Census приведена в журнале «США: экономика, политика, идеология» № 10, 1994). Нисколько приобретение акций «миллионом человек» этого распределения не изменило.

Можно только удивляться, как легко поверила интеллигенция в басню об «акциях». Читать разучилась? Вот энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки»(1988), тираж 250 тыс. экз., хватило бы всем заглянуть и получить справку. Там ясно сказано, что акции существенной роли в доходах наемных работников не играют. Читаем: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15%» (с. 223). А много ли рабочие и служащие получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов от ка-

питала в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2—4%» (с. 222). Два процента — весь доход на капитал, а в нем 15% — доход от акций, то есть, для среднего человека акции дают 0,003 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазнили людей на приватизацию, на то, чтобы угробить всю промышленность страны! Ход рассуждений с акциями буквально укладывается в определение гипостазирования, данное в словаре.

Идеализм антисоветского мышления приводит и к явлению, как бы симметричному гипостазированию, к «гипостазированию наоборот» — когда именно самый существенный, абсолютный и объективно неустранимый фактор не замечается или сводится к несущественной стороне действительности, от которой при построении любимой концепции можно отвлечься.

Очень наглядно это выразилось в истории с книгой А.П.Паршева «Почему Россия не Америка?». Книга эта стала широко известна, но главные ее мысли отвергаются, часто даже с неподдельной страстью, антисоветскими интеллектуалами. Причина в том, что Паршев развенчивает одну из ключевых идей антисоветизма, согласно которой стоит только сбросить «железный занавес» и открыться мировому рынку, как в Россию хлынут иностранные инвестиции, и мы заживем, как на Западе.

На деле Паршев только изложил на доступном языке и очень наглядно тот факт, который интенсивно изучается множеством экономистов с 90-х годов XIX века. Стоит только ввести в экономическую модель российского хозяйства географический фактор (климат и расстояния), как становится очевидной необходимость довольно высокой степени «закрытости» России от мирового рынка. Иначе не только иностранные инвестиции в Россию не «потекут», а и собственные ресурсы станут «утекать».

То, что любой народ во всех своих общественных институтах, включая экономику, должен приспособливаться к тем природным условиям, в которых ему судьбой предназначено жить, кажется очевидным — но он категорически отвергается антисоветской интеллигенцией, впавшей в гипостазирование. Она не слушает даже своего любимого русофоба маркиза де Кюстина. А он писал: «С первых шагов в стране русских замечается, что такое общество, какое они устроили для себя, может служить только их потребностям; нужно быть русским, чтобы жить в России, а между тем с виду все здесь делается так же, как и в других странах. разница только в основе явлений» («Записки о России». М.: Интерпринт, 1990).

Превращенный в простейшую задачку тезис Паршева подтверждается эмпирически: иностранные инвестиции в Россию не идут, а свои капиталы утекают. И политика или идеология тут ни при чем, это видно на примере и Китая с Вьетнамом, и Кубы. В том, что тезис Паршева имеет смысл, говорит тот факт, что обсуждение его книги было проведено в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. Это — самый элитарный экономический институт, кузница кадров для правительств времен Ельцина, хотя руководство Института, в отличие от «завлабов», всегда было разумным. Меня тоже пригласили на то обсуждение, и я там просидел около 4 часов. Впечатление было тяжелое.

Первый докладчик («консерватор») говорил по делу и возразил Паршеву лишь в одном пункте. Он сказал, что при благоприятных обстоятельствах технологический фактор в принципе может уравновесить географический, к чему мы уже подходили в позднем СССР. Сейчас реально эта возможность быстро утрачивается. Все остальные выступавшие были «сердцем» не согласны с Паршевым,

но ни один этого прямо не высказал и ни один не затрагивал самой «теоремы Паршева». Все толкли воду в ступе, обходя проблему и отвергая тезис Паршева «спинным мозгом». Вывод был очевиден: рациональных аргументов против тезиса Паршева у верхушки главной интеллектуальной бригады антисоветских реформаторов нет.

Конечно, средний антисоветский интеллигент более разумен, чем эти корифеи, и было бы очень интересно услышать его доводы против утверждения Паршева. Пусть бы сказал, из каких соображений инвестор-космополит, решивший строить «завод X», будет делать это в Вологде, а не на Тайване. Что компенсирует высокие по сравнению с Тайванем издержки производства в Вологде, определяемые стоимостью отопления, телогрейки, валенок и водки для рабочих, а также перевозки продукции до ближайшего порта на Балтике? Как это ни странно, наш воображаемый разумный антисоветчик этих факторов в упор не видит.

С 1992 г. наши реформаторы прямо на коленях ползают перед западными «инвесторами», за рукав хватают, в грехах коммунизма каются — но не идут деньги, кот наплакал. Куба ни в чем не кается, сохраняет страшный «тоталитарный» режим, сбивает залетающие к ней из Майами самолеты и плюет при этом на вопли Мадлен Олбрайт. Но как только она была вынуждена с 1995 г. разрешить иностранные инвестиции, туда стали вкладывать деньги — несмотря на угрозы и санкции США. К 1998 г. иностранные инвестиции на душу населения составили в РФ 50 долларов, а на Кубе 200 (С.Кононченко и В.Бородаев. Куба сегодня. — «Мировая экономика и международные отношения», 2000, № 2). При этом на Кубе все иностранные инвестиции пошли только в реальный сектор экономики, а у нас львиная доля — в

спекуляции ценными бумагами. Почему же это? Нравится канадским буржуям Фидель Кастро? Нет, им нравится, что издержки производства на Кубе ниже, чем в Сыктывкаре. Отопления не надо.

Добавлю интересный факт. Мне прислал целый труд (53 стр. машинописного текста) один из крупных деятелей строительства, ныне пенсионер. Он, например, руководил строительством Ульяновского авиационного промышленного комплекса. О масштабах комплекса говорит тот факт, что для него строили новый левобережный район Ульяновска на 400 тыс. человек. Суть труда в том, что автор как бы «переписал» книгу Паршева применительно к строительству. Он приводит дотошные сведения о стоимости всех элементов промышленного строительства в России, Западной Европе и Юго-Восточной Азии. У нас в целом любой объект выходит в 2—2,5 раза дороже, чем в Европе и в 5—6 раз дороже, чем в ЮВА. И для любого инвестора это очевидно из самого краткого бизнес-плана.

С 1992 г. этот человек вел переговоры с десятками фирм Запада по использованию сети заводов, построенных в 80-е годы в селах Западной Белоруссии для выполнения заказов авиационной промышленности (там на селе тогда возник избыток женской рабочей силы). Заводы новенькие, оборудование прекрасное, люди обучены — но все рухнуло в 1992 г. Так используйте этот готовый производственный потенциал на самых выгодных условиях!

Наши снизили зарплату до 40 долл. в месяц, чтобы привлечь фирмы. Это — зарплата рабочих в Юго-Восточной Азии. Но инвесторы, посчитав реальную стоимость нашей рабочей силы (включая отопление и т.д.), быстро вычисляли, что так или иначе придется выплачивать по

200 долл. в месяц — даже для мягкого климата Западной Белоруссии. Ни одного контракта они так и не заключили. В дело вошла только чешская фирма «Отован», у которой был подряд на пошив рабочей одежды для Запада. Но, начав с использования завода с 1000 работников, она после первого же цикла производства сократила проект до одного цеха с 70 рабочими. Завод был закрыт. Никто из этих инвесторов и наших директоров не читал книги Паршева, во всем этом нет никакой идеологии и никакой теории — человек рассказывает голые факты. Но наши рыночные энтузиасты все еще надеются на поток западных инвестиций — и многие люди им верят.

Паршев рассмотрел первостепенный по важности неизменяемый фактор, который исключается из рассмотрения во всей антисоветской доктрине. Но в такой же степени и почти чудесным образом антисоветское мышление ухитряется не видеть и не брать в расчет главных, массивных динамических факторов и тенденций. Но зато в ранг главных, решающих изменений возводят ничтожные по значению колебания, флуктуации.

После 1991 г. правители периодически разжигают огонь оптимизма. Дескать, процветание уже за углом. То Ельцин говорил, что надо потерпеть два месяца, то Черномырдин говорил о стабилизации, теперь Путин — об экономическом росте, который надо всего-навсего «закрепить». На деле уже 4 года мы видим колебательный процесс перестройки системы на ином уровне и в иной структуре, нежели старая, советская система. Это значит, что уровень, на котором стабилизируется новая система, столь низок, что выжить с таким хозяйством сможет только небольшая часть народа в анклавах современного производства. Но ведь укрепление этих анклавов вовсе не является общей тенденцией для всего «тела России».

А главного ухитряются не замечать (хотя никто его и не отрицает!). Пока что темпы выбытия производственных мощностей намного (несопоставимо) превышают темпы ввода. В 70-е годы обновление основных производственных фондов в промышленности России составляло 9—12% в год. В 1985 г. должен был быть начат новый цикл модернизации. Вместо этого режим Горбачева произвел сброс капиталовложений, так что обновление фондов упало в 1992 г. до 2%, а после 1996 г. держится на 1,2%. Резко снизились инвестиции в целом. На фоне такого длительного и всеобщего провала отдельные точечные капиталовложения можно считать именно флуктуациями. Пока рост инвестиций не пересечется с кривой выбытия мощностей, тенденцией его называть вообще нельзя.

Кстати, откуда вообще могут возникнуть массивные инвестиции, если доходы населения в целом составляли в 2000 г. половину доходов 1996—1998 гг., вклады менее трети, а банковские активы — чуть более половины? Ведь чудес не бывает. Когда в конце 20-х годов дискутировался вопрос о капиталовложениях для индустриализации СССР, все источники их оценивались очень трезво. Все знали тогда, что главный источник — изъятие средств из деревни. Сегодня говорят о каких-то фантастических перспективах роста, но никто не может указать на источник средств. Просто не включают этот вопрос в рассмотрение.

Возьмем данные «Центра развития» (рук. С.Александров, бывший заместитель председателя Центробанка РФ). Он публикует аналитические «ОБОЗРЕНИЯ». Читаем в номере от 16 октября 2000 г.:

«Благоприятная внешняя конъюнктура, казалось бы, дает России уникальный шанс — резко увеличить на-

циональные сбережения и профинансировать технологическое обновление производства. Но этот шанс остается исключительно гипотетическим — российский капитал предпочитает искать себе применение за границами страны, интенсивность потоков капитала из России не только не снижается, но и, напротив, возрастает.

По нашей оценке, за первое полугодие валовый отток капитала из России составил 10,9 млрд. долл., что почти на 70% больше, чем годом ранее, и эквивалентно 10,4% ВВП России... Во втором полугодии будет происходить увеличение валового оттока капитала из страны, который по итогам года может составить около 25 млрд. долл...

...По оценкам В. Каданникова, для завершения обновления модельного ряда и отказа от выпуска «классики» заводу нужно порядка 800 млн. долл. в ближайшие 2—2,5 года. Несомненно, что эта сумма безмерно велика для компании [прибыль ВАЗа за 1999 г. — 68 млн. долл.]. Однако отказ от обновления модельного ряда может обернуться для АвтоВАЗа настоящей катастрофой».

Вот выпуск от 13 ноября 2000 г.: «В этом году потребность в инвестициях в газовую промышленность (по экспертной оценке, около 3,5—4 млрд. долл.) может опередить их фактический объем более в 2,5—3 раза... Недавнее приобретение ЛУКойлом 1300 АЗС в США, его же более ранние покупки НПЗ в Румынии, Болгарии и на Украине, а также относительно успешная попытка Газпрома закрепиться на венгерском рынке говорят о том, что среди российских сырьевых экспортеров преобладает стратегия вложения во внешние активы».

Это — самые массивные, тяжелые процессы в российской экономике, они набирают темп и инерция их очень велика. Никакого противодействия им нет — и в

то же время людей уверяют, что впереди нас ждет благоденствие. И дело не в лживых экспертах и политиках, дело в том, что люди, воспринявшие интеллектуальный аппарат антисоветизма, уже неспособны верно оценить, взвесить силу разных процессов и явлений.

Они не могут преодолеть ту склонность к гипостазированию, которую внедряли в интеллигентское мышление начиная с 60-х годов. А за антисоветской частью интеллигенции этим заразились доверявшие ей менее образованные горожане.

Пессимизм

У многих людей, склонных ненавидеть советский строй, я замечал не экономические и не идеологические, а чисто психологические (а значит, гораздо более сильные) причины. Это люди, вообще мрачно смотрящие на мир, хотя нередко они представляют себя бонвиванами и весельчаками, нуждаются в такой маске. Один из собеседников в Интернете, который участвовал в обсуждении этой темы, Б., пишет о своей юности: «Мои родители неплохо получали, семья вообще была не очень бедная... Вообще, хоть я тогда особо не видел жизни, окружающая жизнь представлялась мне кадрами из мрачного фильма антиутопии: пьянство, тотальное воровство, злые люди в серой страшной одежде. Вспомните, в чем ходили наши женщины?»

Здесь — даже не мировоззрение, а *мироощущение*, и спорить с ним глупо. Надо бы только Б. признать перед самим собой, что все это — вещи иррациональные, объект психоанализа, а не социологии. Я могу изложить гораздо более типичное видение советской жизни, которое было у меня и подавляющего большинства моих сверстников. Отец не пришел с войны, зарплата матери стан-

дартная, побочных доходов нет. Люди в массе своей добрые и прекрасные. Одежда наша (перешитая из военной формы) была теплая и красивая, у меня, например, даже из офицерского сукна. Женщины ходили в замечательных платьях и были очень милы. Элегантных прокладок с крылышками у них не было, тут нам крыть нечем — но и это бы пришло, только без фанфарного шума по телевидению. Один высокопоставленный придурок из видных демократов заявил, например: «Женщина, которая не умеет водить машину, для меня уже не женщина». Ведь это — тоже мироощущение, и спорить с ним бесполезно. Он это видит так, а мы понятия «женщина» и «шофер» разделяли. Проблема в том, что, как показал опыт, существует техническая возможность резко изменить у множества людей восприятие их жизни — практически без изменения ее материальных основ. То, чему они раньше радовались, начинает им казаться мерзким. Но это — из другой оперы.

Если же Б. хочет конструктивно разбираться в нашей смуте, то следовало бы ему отметить очень важную черту советской жизни — сочетание неприязнительности («серая одежда») с большим компонентом роскоши, даже аристократизма. Когда в 9-м классе ввели мальчикам форму, я купил себе х/б, а не шерстяную — жалко было денег. Зато тогда же купил себе мотоцикл (сам деньги заработал, без всякого конфликта с советской системой). И объездил на мотоцикле Северо-Запад СССР. До этого захотелось мне ездить на автомобиле — пошел в Клуб юных автомобилистов, ездили до Крыма. Нравилась лошадь — пошел в кружок и ездил верхом. Сейчас говорят, что не надо всего этого бесплатно — получи прибыль и покупай. Это иллюзия. Те, кто так говорит, видно, не знают Запада. Много можно купить, но аристократи-

ческой роскоши нельзя, для нее нужна определенная окружающая среда. Она в СССР была — для всех, кто хотел и готов был сделать усилие. Нынешняя система ее уничтожила. Общество (речь идет, само собой, уже только о его состоятельной части) погружается в мещанство и пошлую культурную среду. Реликты советского строя угаснут независимо от финансов, ибо всем будет «некогда», как у среднего класса на Западе.

Вообще, в сознательном антисоветизме (а это нечто совсем иное, нежели наш обывательский, «бытовой» антисоветизм людей, доверчиво слушающих Хазанова и рассказывающих байки про отравленную крысу) есть, по моему, недоброжелательная ревность к тем, кому хорошо и весело было жить. И потому вот уже десять лет как победила их антисоветская революция, а ни песен хороших у них не появилось, ни поэтов. Только и мелькают безумный Евтушенко и Андрей Вознесенский, похожий на гнилой гриб.

Проявлением пессимизма антисоветского мироощущения был *страх* — по своему типу чуждый русской культуре, а напоминающий западный *экзистенциальный* страх, страх перед неопределимой опасностью.

Речь идет не о том нормальном и разумном страхе перед реальными опасностями, который необходим и организациям, и социальным группам, чтобы жить в меняющемся, полном неопределенностей мире. Нет, как раз эта осмотрительность и способность предвидеть хотя бы личный ущерб была у интеллигенции отключена в ходе перестройки. Ведь уже в 1988—89 гг. было ясно, что тот антисоветский курс, который интеллигенция с восторгом поддержала, прежде всего уничтожит сам смысл ее собственного существования. Об этом предупреждали довольно внятно — никому из сильных мира сего в разру-

шенной России не будет нужна ни наука, ни культура. Нет, этого разумного страха не было, и сегодня деятели культуры и гордая Академия наук мычат, как некормленная скотина: «Дай поесть!»

Речь идет о страхе внушенном, бредовом, основания которого сам трясущийся интеллигент не может объяснить. В него запустили идею-вирус, идею-матрицу, а он уже сам вырастил какого-то монстра, который лишил его способности соображать. Вот большинство интеллигенции в 1996 г. проголосовало за Ельцина (особенно красноречива позиция научных городков). Социологи, изучавшие мотивы этого выбора, пришли к выводу: в нем доминировал страх — *перед Зюгановым!* Никаких позитивных причин поддержать Ельцина у интеллигенции уже не было. Полностью растоптан и отброшен миф демократии. Нет никаких надежд просочиться в «наш общий европейский дом». Всем уже ясно, что режим Ельцина осуществляет демонтаж промышленности и вообще всех структур современной цивилизации, так что шансов занять высокий социальный статус (шкурные мотивы) интеллигенция при нем не имеет.

Если рассуждать на холодную голову, то овладевшая умами образованных людей вера («Придет Зюганов и начнет всех вешать») не может быть подтверждена абсолютно никакими разумными доводами, и этих доводов в разговорах получить бывает невозможно. Более того, когда удастся как-то собеседника успокоить и настроить на рассудительность, на уважение к законам логики, он соглашается, что никакой видимой связи между сталинскими репрессиями и Зюгановым не только нет, а более того, именно среди коммунистов сильнее всего иммунитет к репрессиям. Тем не менее предвыборная стратегия Ельцина, основанная на страхе, оказалась успешной.

Если бы этот страх лишь грыз и мучил душу интеллигента, его можно было бы только пожалеть. Но психоз стал политической силой, потому что ради избавления от своего комплекса интеллигенция посчитала себя вправе не жалеть никого. Поддержать такие изменения в стране, которые причиняют несовместимые с жизнью страдания огромному числу сограждан. Видя воочию эти страдания, антисоветская интеллигенция, тем не менее, поддерживает причиняющий эти страдания режим, оправдывая это единственно своим избавлением от самой же созданного страшного привидения.

Одним из важных мотивов в антисоветских стенаниях элитарной интеллигенции был, как ни странно, чисто **шкурный** — «при советской власти нам недоплачивали!». Странно было именно то, что эти жалобы очень сочувственно воспринимались массовым сознанием — такова была любовь к народным артистам и поэтам.

В среде научной интеллигенции эта тема тоже муссировалась, но с гораздо меньшим успехом. В лаборатории иногда кто-нибудь заводил такие речи: «Помнишь, стажер у нас был из Штатов, тупой такой? Вот, получает 30 тыс. долларов в год. А ты бы сколько там получал?» Это были странные речи. Казалось бы, какая связь? То Штаты, а то тут. Разные страны, разные деньги, разный хлеб, все разное. Нелепо вырывать какой-то один элемент и его сравнивать. Ответишь в таком духе, собеседник сразу меняет тему разговора, не спорит. Но, видимо, кружки единомышленников на этот счет складывались уже с 60-х годов, и между собой часть ученых эту тему мусолила. Удивительно несистемное мышление. Скажи прямо: нравится мне в США, а тут не нравится!

Но все же, по моим оценкам, среди ученых большого распространения шкурный мотив не имел. В среде ху-

дожественной интеллигенции — другое дело. И когда во время перестройки наши таланты заговорили об этом сокровенном, ушам своим трудно было поверить. Какими обделенными они предстали! И самое поразительное, что они скрупулезно высчитывали, сколько им советская власть недоплатила — но чудесным образом забывали о том, что она им дала и каков был уровень потребления у них по сравнению с работниками других профессий.

Помню, выступала по телевидению Мария Миронова. Мне она всегда казалась посредственной артисткой, которая где-нибудь в Голливуде вообще бы перебивалась с хлеба на квас. Но почему-то перестроечная закулиса сделала из нее и Андрея Миронова каких-то символических гениев, и экран для ее рассуждений предоставлялся очень часто. Она и подняла эту болезную тему — как советская власть держала великих артистов в черном теле и безжалостно вырывала у них кусок хлеба, заработанный большим нервным напряжением и вдохновением.

М.Миронова говорила о себе, но выходило, будто она выражает мнение всего своего цеха (в чем я искренне сомневаюсь). Но весь ее рассказ был удивительно противоречив (вот уж некогерентность в чистом виде). Перед тем как начать свою песню о «черном теле» и низких доходах, она со вкусом и даже со страстью рассказывала о том, что собрала одну из лучших в мире коллекций фарфора — такое у нее было увлечение. Казалось бы, она должна была бы смекнуть, что бесплатно антикварные фарфоровые вазы нигде в мире не даются, даже таким актрисам, как она. Значит, были у нее при советской власти денежки.

В 80-е годы моя семья снимала дачу в очень хорошем месте недалеко от Москвы, и мы ходили на речку мимо дачи М.Мироновой. Полгектара прекрасной земли, дом

с газом, телефоном, канализацией и т.д., к дому асфальтированное шоссе. Да и в Москве квартира, судя по телепередаче, незаурядная. Об этих мелочах, полученных от государства, артистка вообще забыла упомянуть. Они ею были получены как бы из воздуха, как часть природы, по какому-то высшему праву. Спасибо, мол, за то, что вы есть. А на самом деле это была именно плата, и очень немаленькая.

Но с Мироновой много требовать и не приходится. А вот в июле 1999 г. в передаче «Тихий дом» (с С.Шолоховым) откровенничает моя любимая певица, замечательный наш голос — Елена Образцова (лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда). Она ударились в философию и стала рассуждать о роли счастья и страдания в творчестве: «Один момент в жизни сделал меня счастливой — это ненависть». Ведущий состроил удивленное лицо: мол, как так? И певица поведала ужасную историю. Она договорилась с Аббадо участвовать в записи «Реквиема» Моцарта. Приехала в Милан и узнает, что эту партию дали другой певице. Почему? Аббадо ей объясняет, что якобы какой-то чиновник из Министерства культуры СССР забыл прислать какую-то телеграмму, необходимую для заключения контракта. Образцова, по ее словам, «была потрясена, возмущена, почувствовала себя абсолютной рабыней» и захотела остаться за границей — она «возненавидела СССР».

А как же счастье? Оно пришло попозже, вечером, когда она в концерте пела с Аббадо в сцене судилища, где посылала проклятья жрецам — «я проклинала Советскую власть». Проклинала не забывчивого чиновника, не своего друга Аббадо, который поленился позвонить ей, чтобы ликвидировать недоразумение (если только дело и вправду было в телеграмме, а не в обычных артистиче-

ских интригах). Нет, она проклинала ни много ни мало советскую власть и ненавидела страну. А ведь она прошла типично советский путь в искусство — в провинциальном городе училась петь классические арии во Дворце пионеров.

Можно бы понять — натура художественная, впечатлительная, был у нее в Милане момент аффекта. Но говорить это через много лет как о важном и дорогом для нее моменте жизни («счастье»), по Центральному телевидению всему народу — это какая-то невероятная бесчувственность. Неспособность положить на одни весы свою обиду и свое проклятье. Так же, как говорить о той обиде, какую нанес ей Советский Союз — у нее из квартиры забрали предоставленный ей на время хороший рояль. Поминать это человеку, который на свои доходы мог бы десятки таких роялей купить.

В целом, жалобы на то, что советский строй их разорил, стали обычными в среде антисоветской элиты. Кстати, на этом свихнулась, в общем, вовсе не та небольшая часть советского общества, чьи деды или отцы действительно что-то потеряли вследствие установления советского строя. У тех как раз мысли о возможном богатстве имели элегический характер (как у моего товарища по парте, дедушка которого имел свечной заводик). Они не становились частью политического проекта. Расщепление сознания произошло скорее у тех, кто мечтал о богатстве как избавлении от комплекса неполноценности и кого советский строй как раз поднял из низов — но поднял не настолько, чтобы утолить этот комплекс. Да ведь есть люди, у которых этот комплекс неутолим.

Эту странность замечали даже иностранные «натуралисты», нахлынувшие в Москву с приходом Горбачева. Американская журналистка М.Фенелли, которая на-

блюдала перестройку в СССР, отмечает в своих записках: «Интересно, впрочем, что места, где я встречалась со следами германской помощи «голодной перестройке», были квартиры вполне благополучных деятелей либерального истеблишмента, нуждающихся, на мой взгляд, скорее в рекомендациях Поля Брэгга (известный американский диетолог, борец с ожирением)... Все они очень любят жаловаться на разорившее их прошлое, однако трудно понять, каким образом Троцкий или Ленин помешали Гавриилу Попову, черноморскому греку из небогатой семьи, при последних коммунистических правителях подняться к видным постам в научной элите» («Век XX и мир», 1991, № 6). Вообще, приход к власти людей мелочных и озлобленных — большая трагедия для страны.

Но все же тот факт, что очень многие из элитарной художественной интеллигенции, особенно из сферы кино, театра и музыки, активно выступили как проводники антисоветской идеологии, еще не нашел хорошего объяснения. Есть много частных причин, которые пока что не складываются в целостную систему. Шкурные мотивы — одна из таких причин. Есть и другие столь же невинные причины — лицедеи, говорят, и не должны иметь убеждений, иначе они не смогут перевоплощаться. А так как этот профессиональный цех изначально возник для услужения платежеспособной публики, то концентрация денег именно в руках антисоветской части общества заставляет артистов приспособиться к ее запросам.

Я думаю, этот фактор можно принять во внимание как общий фон, но он вряд ли может быть решающим для артистической верхушки — людей типа М.Ульянова и Э.Рязанова, М.Захарова или Н.Михалкова. Они уже вообще чувствуют себя на вершине, с которой сбросить невозможно, да и с деньгами у них, думаю, вопрос решен.

Мне кажется, важная причина таится как раз в том, что вызывает удивление многих — эти артисты порождены советским строем. Людей удивляет, как же они могут его так ненавидеть, если они — его порождение, если они получили свой статус и множество благ именно от этого строя.

Если присмотреться к творческой судьбе особенно страстных ненавистников советского строя, то можно заметить, что у всех у них, ставших известными и любимыми художниками в советское время, с падением СССР вдруг как будто кто-то вынул из души творческий аппаратик. То, что они теперь производят на свободе и при «своей» власти, оставляет гнетущее ощущение полного творческого бессилия. Это само по себе — необычное и важное явление в культуре.

Э.Рязанов, снимавший в советское время гармоничные и остроумные фильмы, с тонкими ассоциациями и многослойной мыслью, вдруг, перейдя открыто в антисоветский лагерь, стал раз за разом выдавать тупую, натужную и бестактную муру. Как может произойти такой моментальный распад? В Новый год (2001) по разным каналам телевидения одновременно передавали разные фильмы Рязанова — он же придворный режиссер. Можно было сравнить «Иронию судьбы» и «Загнанные клячи». Какой контраст! О Н.Михалкове и А.Кончаловском и говорить нечего, такое мурло из них вылезло, какого никто не ожидал.

На мой взгляд, дело в следующем. В ходе культурного строительства в СССР была создана целая индустрия, производящая «продукты культуры», и такая же индустриальная система подбора и подготовки кадров. Обширная категория людей обладает хорошими способностями для художественного творчества по жесткому заказу, «в

рамках системы». Эта система должна задать им главные, «высокие» идеи и общий пафос (идеологическую базу), а также установить эффективный контроль (*цензуру*). В этих условиях Э.Рязанов снимет фильм «Берегись автомобиля», а А.Кончаловский фильм «Первый учитель» — шедевры мирового кино.

Как только эта система рухнет и эти люди остаются без заданных идей и без цензуры, а вынуждены вынимать высокие идеи (сверхзадачу) из своей собственной души, сами устанавливая для себя этические и эстетические рамки и нормы, то оказывается, что на выполнение таких задач их душа не способна. И при всем их мастерстве на уровне малых задач, они не могут создать этически приемлемое и художественно целостное произведение — не могут они быть художниками без художественного совета и без цензуры.

Почему же эти люди возненавидели советский строй, при котором они как раз и могли состояться как художники? Потому, что их сожрал *комплекс неполноценности*. После первых своих успехов и премий они, по недостатку ума, приписали всю заслугу себе лично. Может быть, даже в душе посмеялись над цензурой, которую они обвели вокруг пальца — не заметили, что шли на помочах этой цензуры. Но с возрастом все умнеют, и они стали в душе понимать, что сами по большому счету бесплодны, а творчески продуктивны только в составе большой бригады.

Для доброго и веселого человека в таком открытии, которое почти каждый из нас в какой-то момент делает, нет никакой трагедии. А люди типа М.Ульянова или Э.Рязанова, наоборот, возненавидели ту почву, которая их питала. Эта ненависть лишь усугубилась оттого, что они остались в дураках (в творческом плане) — новый строй, одной ногой стоящий на воровстве, в принципе не мо-

жет служить для художника источником большой идеи. Что-то позитивное, какой-то ницшеанский пафос «сверхчеловека» еще можно найти на Западе, у идеологов «золотого миллиарда», но туда наших экс-советских мэтров не берут уже по возрасту. Загнанные клячи!

Вот они в злобе и грызут уже мертвую руку, которая их кормила — грызут и мажут своей слюной образ советской страны, «где они жили, как пила на суку».

Кстати сказать, они и как глашатаи антисоветизма быстро теряют ценность. Один из собеседников в Интернете отметил эту парадоксальную вещь — антисоветский пафос Ахмадулиной и Плисецкой оказывает действие только на *советских* людей. Новое поколение, не прошедшее советскую школу и не воспринявшее советскую культуру, к ним будет глухо, потому что оно не будет читать стихов Ахмадулиной и любить «Умирающего лебедя» Плисецкой. Кто это такие, что за чувихи? Пила на суку!

Принижение проблем

Следующая, но тесно связанная с первыми методологическая особенность антисоветского проекта заключается в смешении ранга проблем, о которых идет речь. Здесь как раз наблюдается, скорее, принижение проблемы, представление ее как простого и очевидного улучшения некоторой стороны жизни. Как говорится, проблему *выбора пути* подменяли проблемой *технического решения*. Говорили не «куда двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью».

В идеологическом плане этот прием оказался исключительно эффективен — ведь советские люди так и не успели понять, что под разговоры об «улучшениях» и «перестройке» выполнялся проект изменения общественного строя и разрушения страны. Меняли отношения

собственности, а значит, всю систему распределения общественного богатства, а говорили о том, что приватизация — всего лишь средство повысить эффективность производства. Вводят частную собственность на землю, меняя весь образ жизни и культуру народа, а говорят о благах получения кредита под залог. Как ни прискорбно, но тех, кто ход событий оценил верно, было очень и очень мало.

На личной судьбе «шестидесятников» этот изъян методологии никак не сказался — практически все они хорошо устроены при новом режиме, и лишь единицы признают, что они фатально и трагически ошиблись (их выставляют чудаками). Но эта нечувствительность к фундаментальным вопросам, нежелание различать категории выбора и решения унаследованы массовым сознанием, в том числе у нынешней молодежи. Это резко затрудняет возможность выработки разумного проекта выхода из кризиса.

Ведь каждый человек обязан разобраться в своих собственных идеалах и интересах, и фундаментальные проблемы бытия он обязан и может освоить, не имея специального знания. Из своих идеалов и интересов можно вывести весьма четкую позицию — ведь в большинстве случаев речь идет не о технических решениях, а о *выборе*. А тут как раз нужны не знания ученого, а интегральное мышление «кухарки». Главная диверсия «шестидесятниками» была совершена не в сфере знания, а в методологии понимания людьми самых простых и фундаментальных для их жизни вещей. Поразительно, например, как легко сейчас уведат людей от причин вымерзания Приморья и от размышлений об абсолютно очевидной общей тенденции. Никто даже не замечает, что Приморье вымерзает при парализованном производст-

ве, на которое в норме уходит две трети энергоресурсов. О каком же экономическом росте вообще может идти речь? Уж тут-то люди могли бы сделать ряд категорических утверждений просто на уровне здравого смысла — но этого нет. Ищут виноватого — Наздратенко, Чубайса, Черепкова...

За последние десять лет мы наблюдали большую культурную аномалию: готовится фундаментальное изменение всего социального порядка, которое обязательно затронет благополучие каждого человека, но люди не видят этого и не подсчитывают в уме баланс возможных личных выгод и потерь от этого изменения. Вот опрос ВЦИОМ, выясняющий отношение людей к ваучерной приватизации 1992—1993 гг. Да, отношение скептическое, подавляющее большинство в нее не верило с самого начала и тем более после проведения. Но при опросе 64% опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей». Это — поразительное, необъяснимое отсутствие дара предвидения. Как может приватизация всей государственной собственности и прежде всего практически всех рабочих мест *ничего не изменить* в положении людей! Как может *ничего не изменить* в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации!

И это состояние устойчиво, его специально поддерживают с помощью СМИ. Сейчас через Думу провели, для привыкания, Земельный Кодекс в его смягченном виде — изъяв из него вопрос о купле-продаже *сельскохозяйственных* угодий. Речь в нем идет о земле в городах. Но, казалось бы, это должно было заставить задуматься горожанина — как отзовется на нем лично превращение в товар городской земли? Одно дело — земля есть обще-

народная собственность, переданная в распоряжение государству, а ты лично — ее частичный собственник. Другое дело — она будет продаваться тем, у кого больше денег. Разница в твоём положении огромная. Нет, никто об этом не думает, даже не может сформулировать проблему. Никто не представляет себе, как это повлияет, например, на цену жилплощади, на облик города, на судьбу зеленых насаждений, которые окружают его дом. Люди даже не понимают, почему это на Западе дома строят впритык, без всякого зазора между ними — а у нас между корпусами иной раз целый лес вырастает.

Когда принимали Кодекс, я разговорился с соседом по автостоянке около дома — наши «ракушки» стоят рядом. Ему нравится Хакамада, а за ней и Земельный Кодекс. Ну что ж, говорю я ему, скоро продадут землю под твоей «ракушкой». Он поразился: как это возможно! Почему же невозможно, если в нашем районе, как говорят, земля будет стоить 4 тыс. долларов за кв. метр? Вместо всех этих ракушек как раз под жилой дом землю продадут — разве не за этим Кодекс проталкивали? Он перепугался и стал рассуждать. Есть, мол, генеральный план, тут дома быть не должно, это место для стоянок.

Ну, говорю, у нас теперь не плановое хозяйство, нам советский план не указ. Но пусть хотя бы и для стоянок. Ведь земля теперь — товар. Почему же ты захапал себе 20 кв. м. под «ракушку»? Теперь муниципалитет должен эти метры «выбросить на рынок» — кто больше предложит, тот их и получит. А ты, пенсионер, сколько можешь предложить? Сто рублей? Вон у нас в подъезде Федька все время чертыхается — свой «джип» оставляет на улице, и всю ночь его сигнализация орет. Он сразу 5 тысяч долларов выложит за эту землю — тогда иди к Хакамаде,

жалуйся. Приуныл мой приятель: «Не осмелятся они так сразу». Да, сразу, может, и не осмелятся, годик подождут, но дело-то не в этом. Дело в том, что этот умный старый человек, радуясь новому Кодексу о земле, не мог связать простейшие вещи — свое прежнее право на эту землю и утрату этого права, когда земля станет товаром.

В нашей дискуссии в Интернете один собеседник выводит крах советского строя из низкой эффективности плановой экономики по сравнению с рыночной. Ясно, что «экономическая эффективность» — показатель формальный и относительный, появился он исторически очень недавно. Значит, нельзя его класть в основу оценки всего жизнеустройства, тут надо искать показатели более фундаментальные.

И сам же этот собеседник вдруг вскользь упомянул интегральный «натуральный» показатель — как хозяйство защищает людей от главных источников страданий (угроз). Упомянул, но встроить его в шкалу приоритетов не может — мешает инерция, заданная «шестидесятниками». Разве по этому показателю СССР был «неэффективен»? Достаточно посмотреть на «карту страхов» советского человека — именно главных социальных угроз никто уже в 80-е годы не боялся. Ни голода, ни бедности, ни безработицы, ни государственного или преступного насилия.

Профессор Мичиганского университета В.Э.Шляпентох (специалист по России и бывший советский социолог, работавший для «Правды») пишет даже не о главных страхах: «Страх за свою жизнь влияет на многие решения россиян — обстоятельство, практически неизвестное в 1960—1980 годах... Судьи боятся, и не без основания, обвиняемых, налоговые инспекторы — своих подопечных, а милиционеры — преступников. Водители смертельно боятся даже случайно ударить другой автомобиль, ибо

«жертва» может потребовать компенсации, равной стоимости новой машины или квартиры»¹.

Имея достаточную закрытость и безопасность, СССР в принципе мог варьировать и темпы обновления производственных фондов, и модернизацию финансовой сферы — все это без катастрофы. Экономический коллапс грозит обществу как раз тогда, когда во весь рост перед людьми встают приоритетные угрозы массовых страданий.

Если поставить критерий безопасности на подобающее ему приоритетное место, то сразу видно, что источники главных массовых страданий советская плановая система выявляла очень хорошо и реагировала гораздо эффективнее, нежели рыночная. И это — факт эмпирический и проверенный неоднократно в разных условиях. А мы жили в СССР и до сих пор живем в России именно в такой обстановке, что главное для нас — не нюансы быта, а именно фундаментальные источники массовых страданий.

Человек, способный выстроить шкалу приоритетов, сразу бы сообразил: «Допустим, что во Франции, внутри «золотого миллиарда», рынок лучше устраняет бытовые неудобства милой француженки, чем устранял бы план. Ну и пусть его. Вы представьте Францию в наших условиях, тогда и сравнивайте. В два счета перейдет на плановую экономику, в этом нет ни малейшего сомнения». Но этой способности людей постепенно лишили.

¹ Причину невозможности эффективной борьбы с преступностью и оздоровления обстановки В.Э.Шляпентох видит в том, что «все российские олигархи-«феодалы» и их многочисленная челядь, как на государственной службе, так и в бизнесе, практически без исключения боятся законного расследования их деятельности намного больше, чем наемных убийц... Обнародованные факты делают Мжаванадзе или Чурбанова, олицетворявших коррупцию брежневского времени, почти невинными младенцами в сравнении с нынешними деятелями».

Евроцентризм

За исключением небольшого числа «антисоветских почвенников», о которых речь пойдет отдельно, «шестидесятники» были сначала ярко выраженными западниками, а затем сдвинулись к *евроцентризму* — крайней, фундаменталистской идеологии. Отсюда пошла вся космополитическая фразеология вроде «возвращения в цивилизацию», «столбовой дороге цивилизации» и т.д.

Это отражено в докладе ВЦИОМ под ред. Ю.Левады — книге «Есть мнение» (1990). Ю.А.Левада — сознательный противник советского строя, в своей ненависти поставивший себя «по ту сторону добра и зла». Но он собрал огромный фактический материал, ценный независимо от трактовки социологов-«демократов». (Замечу, что в приложении к соратникам Ю.Левады даже условное название «демократ» звучит насмешкой. Их слова источают такую антипатию к подавляющему большинству народа, особенно к старшим поколениям, что можно говорить о небывалом в истории антидемократизме ученых-гуманитариев. Что еще поражает, так это принижающая человека, какая-то низменная трактовка данных. Из всех возможных объяснений эти социологи выбирают самое «подлое»).

Резко расщеплялась в советском обществе ориентация на зарубежный опыт, можно даже говорить о двух противоположных векторах. В «общем» опросе опыт Японии самым ценным назвали 51,5%, а в опросе через «Литературную газету» (то есть среди интеллигенции с довольно сильным антисоветским настроением) — только 4%! Среди этой интеллигенции подавляющей являлась именно *западническая* ориентация, чего никак нельзя сказать о «массе». Характерно упование на иностранный капи-

тал: тех, кто предлагает привлечь его в СССР, в то время было в 5 раз больше среди интеллигентов, чем среди «массы».

Замечу, что мы здесь говорим именно о евроцентризме как философской установке, а вовсе не о примитивном корыстном конформизме тех, по словам Пушкина, «для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское — были бы только сыты». Таких у нас хватает, но не о них речь.

Бердяев в начале XX века писал, что российские западники как раз и были самыми настоящими «азиатами» — они не понимали Запада и пытались его бессмысленно копировать. С «шестидесятниками» положение было гораздо хуже. У них западничество эпитонство сочеталось с дремучим наивным культуртрегерством, самомнением «инженеров человеческих душ», призванных переписать историю России. Для популярных «публичных» антисоветских идеологов перестройки был характерен евроцентризм самый примитивный, с неолиберальным эпитонством. Кумирами у них были Ф. фон Хайек, Тэтчер и Рейган.

Вот, например, рассуждения очень активной в свое время Л.Пияшевой: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого «экономического чуда» на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести всероссийский процесс покаяния, осудив всех «зачинщиков» хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музей всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелев-

шую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику». И эта безграмотная белиберда написана еще в советское время, в 1990 г. (журнал «Родина», № 5). *Возродить* в России протестантскую этику! Знает ли что-нибудь эта дамочка об истории России?

Замечательно, что антисоветские марксисты с удивительной легкостью перешли в лагерь крайне правых буржуазных идеологов, проскочив социал-демократию. А.Ципко пишет в том же 1990 г. («Московские новости», № 24): «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов. Консерватизм, т.е. ставка на семью, частную собственность, частное предпринимательство... в этих условиях позволяет ускорить восстановление жизнеспособности общества».

Тут профессор, по своему обыкновению, наворотил бессмыслицы. Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, а то и с нуля»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х годов XX века, «проверен веками»? Уж если ты желаешь чего-нибудь старинного, то надо было бы брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или уж на худой конец рабство — тоже веков десять его проверяли. Читаешь и думаешь — да учился ли А.Ципко в средней школе? Ведь уже из ее программы известно, что капиталистическая частная собственность и частное предпринимательство — очень *недавние* и специфические явления.

Отмечу, что в кругах интеллигенции, проникнутой евроцентризмом, как раз в силу присущего евроцентризму механистического мироощущения бедствия реформы легко выворачивают западнический энтузиазм в его кажущийся антипод — ненависть к Западу. Это именно кажущийся антипод, поскольку при этом сама структура мышления не меняется. Оно так и остается проникнуто евроцентризмом. Уже опросы 1994 г. показали следующее:

«На протяжении последних лет почвеннические сантименты характеризовали прежде всего необразованную публику. Теперь наиболее яростными антизападниками выступили обладатели вузовских дипломов, в первую очередь немолодые. (Респонденты такой категории ныне обнаруживают врагов российского народа на Западе вдвое чаще, чем даже такая, преимущественно немолодая и традиционно консервативная среда, как некавалифицированные рабочие). Именно эта категория людей (а не молодежь!) в свое время встретила с наибольшим энтузиазмом горбачевскую политику «нового мышления» и оказала ей наибольшую поддержку. Теперь они зачисляют Запад во враги вдвое чаще, чем нынешние образованные люди более молодого возраста» («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1994, № 4).

В наших антисоветчиках с особенной силой проявилось общее свойство евроцентризма — **безответственность**. Механистичное мышление, не видящее хрупкости и не признающее святости многих человеческих отношений и общественных институтов. Сколько страшных маховиков раскрутили «шестидесятники» за время выполнения своего проекта, сколько джиннов выпустили из бутылок!

Возьмем хотя бы антисоветскую реформу в хозяйстве — с того момента, когда ее именно антисоветский па-

фос был обнародован (*слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*). Сразу можно сказать, что сама декларация о создании необратимости как цели показывает глубинную безответственность реформаторов как философский принцип.

Позицию их можно было бы с натяжкой считать этически допустимой, если бы они четко заявили, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за блага для «новых русских» уже никак нельзя будет оправдать — это будет значить, что их выбор был вызван лишь его шкурными интересами или патологической тягой к предательству. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, такой-то, уверен, будто курс реформ выведет нас на безопасный уровень до срыва. Нет, ссылаются на «флуктуации» — там одна фирма разбогатела, а там фермер. После краха рубля полумертвое хозяйство чуть-чуть зашевелилось.

Это совсем слабо. Реально признаков улучшения нет. Инвестиций нет и не предвидится, колебания уровня производства происходят в диапазоне быстро сужающихся возможностей, начинается массовое выбытие основных производственных фондов, а остатки системы НИОКР уже неспособны сопровождать простое воспроизводство. На что же надеяться?

Известный советолог С.Коэн писал в 1998 г.: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе — буквально

ной демодернизации живущей в XX веке страны» («Независимая газета», 1998, 27 авг.). Он не говорит очевидное: в XX веке промышленно развитая страна не может пережить «демодернизацию» — она гибнет.

Поразительно, но факт — администрация США (но не идеологи) более реалистично смотрела на нашу ситуацию (а значит, более гуманно относилась к советскому народу), чем отечественные демократы. 16 мая 1991 г. по запросу Конгресса США был представлен доклад ЦРУ и разведуправления Министерства обороны «За пределами перестройки: советская экономика в кризисе». В нем, в частности, говорилось: «Переход от централизованной плановой экономики к рыночной представляется чрезвычайно болезненным процессом для осуществляющих его стран... Приватизация не может быть осуществлена быстрыми темпами. В частности, большинство восточноевропейских стран достигли определенного прогресса при передаче в частные руки небольших предприятий, однако испытывают значительные сложности при осуществлении политически очень чувствительного процесса передачи частникам крупных предприятий, являющихся собственностью государства. Существенным и, возможно, самым главным условием успешного осуществления реформ по переходу к рыночной экономике является политическое единство страны, базирующееся на доверии к избранному правительству, которое пользуется широкой поддержкой населения».

К массовым страданиям и большой крови привела реализация антисоветского проекта в области национальных отношений. Это была большая программа — разжечь, действуя через дружественную «прогрессивную» национальную интеллигенцию, антисоюзные (и неизбежно антирусские) настроения. Например, большую

работу, чтобы направить мысли и чувства чеченцев к мести, произвели демократы из Москвы — старовойтовы и бурбулисы, нуйкины и приставкины. Вместо «народа, отбывшего наказание» чеченцы вдруг были превращены в «репрессированный народ». Кто же их «репрессировал»? Россия! Так ведь ставили вопрос наши антисоветские идеологи. Модный одно время А. Нуйкин довольно хвастает в 1992 г.: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину».

Летом 1988 г. возникли националистические Народные фронты в Прибалтике, и очень быстро всем все стало ясно. Но в декабре 1989 г. А.Адамович заявляет на встрече в МГУ: «На окраинах Союза национальные и демократические идеи в основном смыкаются — особенно в Прибалтике... Происходит позитивный процесс: нет антирусских, антисемитских настроений» («Мы — шестидесятники», с. 347). С трудом верится, но депутат, видимо, не знал о таком остроумном лозунге «народных фронтов»: «Утопим евреев в русской крови».

Видимо, самое кровавое последствие безответственности антисоветских идеологов — возвращение в Таджикистане вооруженной исламистской оппозиции, начавшей уничтожительную гражданскую войну. Возник дикий, не укладывающийся в голове альянс — «демо-исламисты». Московские таджикские интеллигенты, воспитанные в кругах «шестидесятников», способствовали переходу той части таджикской элиты, которая представлена выходцами из знатного сословия ишанов (глав суфийских орденов-братств), порвать с советским режимом и перейти к активным действиям против него.

Ишаны боролись с царским правительством, потом возглавили басмаческое движение против советской власти. Ее укрепление привело к тому, что они согласились на компромисс и интегрировались в новую элиту. Однако антисоветская пропаганда, которая велась начиная с 60-х годов и подрывавшая легитимность государства, побудила ишанов разорвать этот пакт и возглавить создание радикальной Исламской партии возрождения Таджикистана (см. Д.В.Микульский. Исламская партии возрождения Таджикистана: история создания, структура, идеологические установки. — Восток, 1994, № 6).

Социал-дарвинизм

И еще произошел в сознании нашей сдвигавшейся к антисоветизму интеллигенции один очень резкий и очень заметный перелом — она включила в свое мировоззрение *социал-дарвинизм*. Это изменение было скачкообразным, и оно, строго говоря, означало разрыв, который со временем лишь углублялся. Потому что в православной культуре социал-дарвинизм не принимался категорически, а сверху, в идеологии, на него был наложен запрет марксизмом.

Вообще биологизация человеческого общества нашей культуре всегда была чужда. Как писал видный американский антрополог Салинс, только Запад принял «миф Гоббса» о происхождении общества из дикой жестокой природы. Народы России, как и все незападные культуры, исходили из мифа, согласно которому они «произошли от богов» — в разных вариациях. Уже и поэтому в русском крестьянстве, как специально отмечал А.В.Чаянов, сравнивая его с французским крестьянством, не было мальтузианства. Было утверждено, что бедные имеют право на жизнь, и община выработала для обеспечения этого пра-

ва специальные механизмы. Советский строй лишь закрепил это в идеологии и социальных институтах, но вовсе не изобрел.

Можно сказать, что неприятие *биологизации* общества было устоем нашей культуры. Вот П.Сорокин, отнюдь не коммунист, пишет примерно в 1915 г. в свой преподавательский конспект (то есть, видимо, записывает мысль, достаточно широко признанную): «Человечество — новая сила мира. Сила эта все более и более растет; она определяет область существования его самого и все шире и шире раздвигает эту область. То, что «естественно» вне его — «неестественно» для него. «Естественный» закон борьбы за существование, уничтожение слабых сильными, неприспособленными — приспособленными, человечество заменяет «искусственным» законом взаимной помощи и солидарности» (СОЦИС, 1989, № 6).

А вот что говорит видный антисоветский антрополог, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишков в конце XX века: «Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества». И это — после фундаментальных трудов этнографов в течение четырех последних десятилетий, которые показали, что отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно социальных условий, что никакой «природной» предрасположенности к ним человеческий род не имеет...

А вот как излагал сущность человека «Московский комсомолец»: «Изгнанный из эдемского рая, он озверел настолько, что начал поедать себе подобных — фигурально и буквально. Природа человека, как и всего жи-

вого на земле, основывается на естественном отборе, причем на самой жестокой его форме — отборе внутри-видовом. Съешь ближнего!» Такая обработка велась во всем диапазоне средств — от желтой прессы до элитарных академических журналов.

Поначалу этот антисоветский социал-дарвинизм был вульгарным, как бы бытовым, стихийным — много говорили о сантехнике «дяде Васе», какой он пьяница, люмпен, иждивенец, неумеха и т.д., и как хорошо было бы ввести в СССР безработицу, чтобы его приструнить и заставить работать так же хорошо, как работают немцы. Потом это представление о человеке обрело концептуальную форму и дошло до уровня мальтузианства Гайдара и других нынешних «правых». Эта эволюция хорошо видна в текстах Н.Амосова, «кумира № 3» перестроенной интеллигенции.

Поразительно, что в самое примитивное биологизаторство впали даже те, кто до последнего времени считали себя марксистами. Например, А.С.Ципко пишет: «Большой вклад в формирование реального, современного образа человека внес советский хирург академик Н.М.Амосов. Он напомнил политикам и обществоведам, что люди от природы разные, отличаются и силой характера, и устремленностью к самостоятельности в личной самореализации. Чрезвычайно важна мысль о существовании пределов воспитуемости личности... Наверное, настало время серьезно поразмышлять о самой проблеме неравенства, вызванного естественными различиями людей в смекалке, воле, выносливости. Жизненный опыт каждого подтверждает предположение Н.М.Амосова о том, что в любой популяции люди сильные, с ярко выраженным желанием работать составляют от 5 до 10%» (А.С.Ципко. Можно ли изменить природу человека? — в кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991).

В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, на котором собрались агрономы, экономисты, земские деятели, чиновники, предприниматели. Один из первых докладов назывался «Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте». Съезд принял решение, в котором подчеркивалось, что задачей агрономии является «обслуживание всех слоев земледельческого населения».

Это заявление носит принципиальный характер, оно показывает, насколько нынешнее состояние правящего слоя в России деградировало по сравнению с началом XX века. Сегодня все достижения цивилизации не только реально предоставляются только для обслуживания платежеспособного спроса, а вовсе не «всех слоев населения», но это и декларируется как официальная идеологическая догма. Антисоветские идеологи явно встают на сторону «сильных» и хищных против «слабых» (отвлечемся даже от того факта, что и само это ложное разделение ими мифологизировано). С каким пренебрежением пишет теперь А.С.Ципко о Ленине: «Когда В.И.Ленин во время гражданской войны бичевал кулака, то он отражал настроения беднейших крестьянских масс, ненавидящих этот преуспевающий тип работника, не брезгующего ничем, лишь бы укрепить свое хозяйство». Мол, нашел, чьи настроения отражать. Теперь идеал — фигура, не брезгующая ничем.

Все прекрасно знают, что примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не обладает в виде хотя бы

эмпирического опыта. Повернулась ли наука, управляемая теперь антисоветски мыслящими людьми, к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере — ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Исключительная ориентация на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения.

Этот сдвиг к социал-дарвинизму незаметно привел очень многих из соблазненных антисоветизмом интеллигентов к утрате элементарного чувства сострадания, к странной холодности и жестокости по отношению к простому человеку. Я не говорю об активных политиках типа Гайдара и Чубайса, демонстративная жестокость которых уже отмечена как уникальный феномен нашей истории. Я не говорю о духовных антисоветских лидерах вроде Е.Боннэр, которая радостно пророчит нам страшные беды: «Шока еще не было!» Но ведь даже умеренные философы, ученые, деятели культуры, имеющие доступ к ТВ, не выдавили из себя ни одного слова сочувствия, простого участия к человеку — жертве этого эксперимента. Такое живое, сердечное, не отягощенное политикой слово мы слышим, очень редко, как раз от тех, кто почти отлучен от ТВ и радио — от Виктора Розова, от певицы Татьяны Петровой, от Николая Губенко с Жанной Болотовой. Но ведь они этим почти бросают вызов всему своему сословию! Сословие-то осталось с ненавистниками вроде Хазанова и Жванецкого.

Страдания от реформ Горбачева — Ельцина многообразны. Пусть интеллигент-демократ, возненавидевший «империю», не признает и не уважает страдания, причиненные уничтожением СССР, сдачей национальных богатств иностранцам и вора́м, ликвидацией науки и т.п. Но он никак не может отрицать простое и видимое следст-

вие — резкое обеднение большей части граждан. Это — прямой результат душевных усилий демократа, его «молитв» (пусть сам он «не поджигал»). И речь при этом идет не о временном бедствии вроде войны. ВЦИОМ хладнокровно фиксирует: «В обществе определились устойчивые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически нет. Это состояние можно обозначить как застойная бедность, углубление бедности». То есть, снято оправдание, которым вначале тешили себя демократы: пусть люди шевелятся, у них есть возможность заработать. По данным ВЦИОМ, только 10% бедняков могут, теоретически, повысить свой доход, «крутясь побыстрее». Причины имеют социальный, а не личный характер.

И вот, зная масштабы этих страданий, средний интеллигент-демократ, кладя их на чашу весов, выше ценит свой душевный комфорт — избавление от надуманного страха перед тоталитаризмом или получение вожденной многопартийности. Ему не жаль страдающих. Он, в целом, *рад тому, что происходит*. Это кажется невероятным, но это именно так.

В 1996 г. встретил я коллег-гуманитариев, с которыми у меня в 1989 г. был памятный разговор. Я тогда говорил, к каким тяжелым последствиям неминуемо ведет курс Горбачева, и меня прямо спросили: «Скажи, Сергей, ты что же, противник перестройки?» Тогда это еще звучало угрожающе. Я подумал и ответил: «Да, противник. Перестройка приведет к огромным страданиям людей». И вот теперь я спросил одну женщину, доктора наук, с которой меня связывали очень добрые отношения, не изменила ли она своих оценок после всего, что видела начиная с того разговора в 1989 году. И она ответила: нет, она и сейчас рада тому, что происходит. И она голосовала

за Ельцина, хотя считает его... (в общем, жестко его оценила). Голосовала потому, что она может, не боясь, сказать про него то, что думает.

Мне показалось, что мы затронули что-то страшное и постыдное. Прекрасно понимала доктор философских наук, что эти ее «разрешенные» обличения суть ее сугубо личное духовное удобство, никакого социального значения они не имеют, никакого вреда режиму не наносят (как только маячит вред, на слова отвечают дубинки и танковые орудия). Какую, значит, огромную ценность для нее составляло право обличать власть, и какой аномальный страх вызывало официальное неодобрение этого занятия в советское время. Именно неодобрение, не более того, ибо обличение советской власти было поголовным кухонным занятием интеллигенции, и ни один волос за это не упал. И эта ценность в ее глазах перевешивает реальные смертельные страдания десятков миллионов людей.

Мне кажется, что это ненормально. Это — отрыв от жизни, уход в какое-то духовное подполье, где увеличиваются тени и теряется мера вещей.

Моральный релятивизм

Мне кажется очевидным, что большинство активных идеологов антисоветского переворота — люди с изломанной моралью. Здесь я не имею в виду диссидентов, которые выступили как противники системы и даже иногда получали от нее шишки. Я говорю о тех, кто вышел из рядов самой привилегированной номенклатуры, таких, как А.Н.Яковлев или Г.Х.Попов. Их антисоветизм — или следствие самой циничной измены тому государству, которое они подрядились охранять и укреплять, или следствие какого-то прозрения, которое осенило их на ста-

рости лет. Во второе верится с трудом. Но главное, что в любом случае их активная идеологическая антисоветская деятельность, на мой взгляд, аморальна. Даже если ты был антисоветчиком в душе и просто воспользовался поражением СССР, чтобы получше устроиться, держись в тени. Грех тебе выходить к людям и говорить диаметрально противоположное тому, что ты сам говорил всего пару лет назад. Случайно пришлось прочитать статью Волкогонова, посвященную Дню Победы 1989 г., когда он был, кажется, начальником Главного политического управления Вооруженных сил СССР. Страшно читать, более страстного и искреннего ленинца трудно себе представить. Но ведь это, как ни крути, подлость — в это же время тайно писать книгу, льющую грязь на Ленина.

Но скажу не об «архитекторах и прорабах», а о том типе мышления, который овладел значительной группой людей. Думаю, что именно из сочетания социал-дарвинизма и присущей евроцентризму безответственности возникло и еще одно свойство антисоветского проекта — поразительный *«моральный релятивизм»* (применим этот мягкий и туманный термин). Уже в конце 60-х годов в интеллигентной среде сознательные «антисоветски мыслящие» товарищи стали выделяться в особую субкультуру. В лаборатории, например, они говорили друг с другом как посвященные — так, что постороннему было трудно понять, о чем идет речь. У них были свои дела и проблемы, причем создавалось впечатление, что по отношению к «непосвященным» у них не действуют те моральные нормы, которые раньше казались общепринятыми, как бы «естественными». Это поначалу очень удивляло.

Помню случай в начале 70-х годов. Меня стали привлекать в «Комсомольскую правду», писать статьи о науке (я занимался науковедением). Зав. отделом науки был

молодой талантливый журналист, мне очень нравился. Мне он тоже симпатизировал и как-то изложил свое сознательное антисоветское кредо. Видал я раньше антисоветчиков, которые изрыгали хулу, а этот был спокойный и именно *сознательный*. Потом он сделал быструю карьеру (даже стал зам. главного редактора «Известий»). В 1973 г. он попросил меня съездить в командировку в Бийск. Оттуда из пединститута какой-то доцент прислал письмо с обличениями ректора, на высокой политической ноте. Я поехал, говорил со многими преподавателями, студентами, ректором, этим доцентом. Доцент этот был подлый сутяга, который хотел подключить к своей сугубо личной склоке центральную прессу. Дефектом ректора была только доверчивость.

Вернулся я в редакцию, говорю, как обстоит дело — поддерживать сутягу против честного человека нельзя. И этот интеллигентный, талантливый журналист взорвался. Мол, как это нельзя! Сутяга, честный — какая разница. Ты что, из-за ерунды хочешь такую дорогую командировку оставить без результата? Эта философия меня очень тогда взволновала. В нашей, «просоветской» среде было много хамства, даже подлости, но такой философии не было. Напротив, антисоветская позиция как-то преломлялась у этих интеллигентов в ощущение своей причастности к высокой миссии, которая позволяла им не обращать внимания на такие мелочи. В них уже было что-то от Родиона Раскольникова.

Те идеологи, которые уже с 60-х годов «проектировали» структуру и логику антисоветской пропаганды, сознательно пошли на разрушительный для нравственности шаг, которого не заметили «честные демократы» и который нам всем теперь дорого обходится. Они широко использовали то противоречие, которое неизбежно возникло

кает при «родовых муках» становления нового строя. Заключается оно в том, что политический и идеологический аппарат, который служит инструментом этого становления, в широких масштабах вступает в конфликт с *пророками и провозвестниками* именно этого строя. И не только вступает с ними в конфликт, но часто и уничтожает.

Это, надо подчеркнуть, происходит неизбежно, и не только потому, что аппарат всегда отстает от пророков, что он не может и не должен так глубоко чувствовать и переживать суть исторического процесса. Даже если какая-то часть аппарата и понимает, что пророк прав, она вынуждена его окоротить, потому что аппарат организует движение всей неоднородной и даже внутренне противоречивой социальной системы, он должен следовать именно ее динамике, а не динамике мысли и чувства тех, кто «внял неба содроганье». Никакое большое движение не возникает без пророков и поэтов, но уже в процессе движения избыток их творчества разрушителен.

Во время «родовых мук» становления советского строя многие его самые чуткие и верные выразители и пророки подверглись гонениям или поплатились жизнью. Погиб Н.Клюев, бедствовал А.Платонов, томился в лагере А.Ф.Лосев, а в ссылке М.М.Бахтин, пошел на расстрел А.В.Чаянов. Все это были люди, провидевшие и выразившие, не всегда ясно, самые фундаментальные черты советского проекта. Подлость антисоветских идеологов я вижу в том, что они представили этих мучеников-пророков своими политическими и идеологическими союзниками. Этим они нанесли новый и гораздо более трудно поправимый удар по делу этих мыслителей — они блокировали, нейтрализовали их мысль, которая для нас в поиске пути имеет именно фундаментальное, а не конъюнктурное, значение. После того, как люди А.Н.Яковлева «прибрали к рукам» Чаянова — кто его читает?

А.Ф.Лосев замечательно изложил место космического мироощущения в современной нам русской культуре, и эта его разработка была бы очень важна для понимания особенностей советского проекта в его сравнении с Западом. Именно пассаж о конфликте между космическим мироощущением русского человека и ньютоновской картиной мира привел на XVI съезде ВКП(б) Л.М.Каганович, нападая на А.Ф.Лосева, как пример «мракобесия» — удивительная чуткость. Но разве это дает право антисоветским либералам представлять Лосева своим союзником? Ведь это подлог, в данном эпизоде их философский союзник — Каганович.

А если спуститься с уровня философии к земному человеку, то кредо таких людей, как Лосев, состояло в том, чтобы помочь становлению нового строя, а не сыпать песок в буксы. Он пишет из лагеря жене 23 февраля 1932 г.: «... Темные стороны современного строительства не должны затемнять нашего зрения до полной темноты. Есть, напр., тут люди, и очень солидные, которые саркастически высмеивают меня за то, что я принял предложение быть преподавателем арифметики в здешнем ликбезе; и, замечая явные успехи моего преподавания, начинают говорить о несовместимости ликбеза с моим мировоззрением. Я не знаю, о каком моем мировоззрении они говорят, но я знаю, что это — действительно мракобесы и безнадежно мрачно-озлобленные на всю жизнь люди» («Вопросы философии», 1989, № 7).

Именно в таких людях и горел всегда антисоветский огонь.

Но вернемся к возвращению обыденной аморальности. Исследователи отмечают, что рост подавляющего числа патологических социальных явлений обуславливается экономическими и политическими потрясе-

ниями, снижением уровня жизни. Начавшаяся в 1985 г. перестройка характеризуется именно этими факторами. Росту проституции, наряду с социально-экономическими, способствовали и культурные факторы, в частности, воздействие средств массовой информации. Они целенаправленно *развращали* молодежь.

Социологи из МВД пишут: «На начальном этапе содержание их материалов носило сенсационный характер. Отдельные авторы взхлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проституток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и проч., а также места их «работы», каковыми являются первоклассные отели, рестораны и бары. Эти публикации вкупе с известными художественными и документальными фильмами создали красочный образ «гетер любви» и сделали им яркую рекламу, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Самое печальное, что она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательны результаты опросов школьниц в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных, точнее — доходных профессий» (Ю.Г.Карпухин, Ю.Г.Торбин. Проституция: закон и реальность. — СОЦИС, 1992, № 5).

К чему привело целенаправленное растление подростков и молодых людей? Обычно обращают внимание на взрывной рост заболеваемости сифилисом. На деле положение хуже — спектр болезней, связанных с упадком морали, широк, и некоторые из таких болезней го-

раздо опаснее сифилиса. Вот что сказано в Государственном докладе «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.» (М., 2000): «В последние годы сохраняется неблагоприятная тенденция ухудшения состояния психической адаптации детей и подростков, увеличение у них дезадаптивных форм поведения, включая алкоголизацию, табакокурение, наркоманию и др. виды девиантного поведения...

В 1999 г. заболеваемость гепатитом В (ГВ) на 21% больше, чем в предыдущем году... Начиная с 1994 г. в РФ складывается **принципиально новая** эпидемическая ситуация по ГВ. Резко изменившиеся социальные условия, искажение представления о жизненных ценностях, снижение нравственного уровня среди молодежи привели к резкому росту заболеваемости ГВ. Эти негативные процессы резко превысили успех в борьбе с ГВ, достигнутый к началу 90-х годов. Рост заболеваемости обусловлен двумя возрастными категориями: 15—19 и 20—29 лет, вовлекаемыми в наркоманию и неупорядоченные сексуальные контакты... С начала регистрации в 1994 г. продолжает ежегодно увеличиваться заболеваемость гепатитом С, по сравнению с 1998 г. она увеличилась на 65,7%... Основное количество заболевших формируют подростки и лица 20—29 лет... С 1997 г. на некоторых территориях страны отмечается интенсивное вовлечение в эпидемический процесс школьников 11—14 лет».

Пропаганда проституции имела прямое отношение к антисоветскому проекту как одно из направлений ударов по «культурному ядру» общества. Идеологические работники перестройки не просто оправдывали ее как якобы неизбежное социальное зло, они представляли проституцию чуть ли не благородным делом, формой общественного протеста против несправедливостей советско-

го строя. Актриса Е.Яковлева (исполнительница главной роли в фильме П.Тодоровского «Интердевочка») так объяснила, что такое проституция: «Это следствие неприятия того, что приходится «исхитряться», чтобы прилично одеваться, вечно толкаться в очередях и еле дотягивать до полочки или стипендии, жить в долгах... Проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которыми они сталкивались в жизни». *Проституция как форма протеста!* Bravo, деятели культуры!

Видный юрист-демократ подходит с другой стороны, категорически отрицающей нормы традиционного общества. Он призывает (в 1988 г.) легализовать проституцию на том основании, что ликвидировать ее путем запретов не удастся: «Пока существуют товарно-денежные отношения, будет и проституция. И никакие призывы и заклинания не смогут ее ликвидировать, равно как и запреты, которые лишь загонят явление в более глубокое подполье... Только нашим удивительным пренебрежением к истории, разуму и науке можно объяснить слепую веру в силу запрета, репрессий и морализаторства... Может ли торговля телом преследоваться сильнее, нежели торговля духом (интеллектом)?.. Недопустима для социалистического общества и политика регламентации проституции. Думается, наиболее приемлем аболиционизм — отмена запретов» (Я.И.Гилинский. Эффективен ли запрет проституции? «Социол. исследования», 1988, № 6).

Трудно сказать, где здесь кончается демагогия и начинается искренне непонимание. Например, сравнение «торговли телом» и «торговли духом» — явная демагогия (это все равно что уподобить убийство выстрелом в затылок «убийству словом»). Почему регламентация какого-то социального зла «недопустима для социалистиче-

ского общества»? Видимо, тоже демагогия. А вот то, что «вера в силу запретов и морали» вызвана якобы нашим уникальным пренебрежением к разуму есть, возможно, искреннее непонимание. Но уму антисоветского юриста оно чести не делает.

В своем стремлении разрушить «тоталитарные моральные нормы» наши интеллектуалы, в том числе из академической среды, доходят до гротеска. Вот, один из них с восторгом описывает социологическое исследование летом 1994 г. лагеря «натуризма», попросту говоря *нудизма* — разгуливания нагишом (Р.М.Камалов. *Метаморфозы стыдливости*. — СОЦИС, 1995, № 11). Автор патетически восклицает: «Что же отличает внутренний мир обнаженной девушки? Прежде всего выделяется чувство свободы... Мы видим, во-первых, свободу как освобождение от одежды, а значит и от табу одной из культурных норм... Человек как бы вылезает не только из своей одежды, но и из своего сознания». Одна из нудисток якобы даже сказала «исследователю» своего внутреннего мира: «Нудизм действует как святое причастие». Тьфу, даже тут святое причастие помянули, вот как соскучились по Богу.

Кстати, антисоветский проект вовсе не прекращен с разрушением СССР, ибо он носит именно цивилизационный характер, а разрушение цивилизации процесс длительный. Вот статья в «Независимой газете» (17 июля 1999 г.) о II Международной эротической выставке в Петербурге.: «Наибольший интерес у посетителей выставки вызывали живые «экспонаты» — русские красотки с величаво грациозными, обезоруживающими фигурами, божеественно роскошными телами, вкусными, зовущими губами. Мужчины всегда собирались там, где красавицы демонстрировали груди... Корреспондент «НГ» задал несколь-

ко вопросов главному идеологу выставки, заведующему кафедрой сексологии и сексопатологии Государственной еврейской академии имени Маймонида, секретарю ассоциации сексологов РФ, профессору Льву Щеглову: «Какова цель выставки?» — «Формирование у населения эротической культуры, которая блокирует тоталитарность». Здесь все интересно — и «Государственный» (!) характер еврейской академии, взявшей на себя роль идеолога сексуальной революции, и ее место в борьбе с «тоталитаризмом», и упомянутая вскользь национальная принадлежность «женского мяса» на международной выставке.

Важной стороной антисоветского мышления стало принципиальное применение *двойных стандартов* — по отношению к СССР и к их земле обетованной, США (и вообще Запада).

Вот парный случай, который стал важным экспериментом над массовым сознанием в разных культурах. В 1981 г. южнокорейский самолет рейса KAL-007 вошел в воздушное пространство СССР, углубился на 500 км и пересек его с севера на юг, активизировав всю систему ПВО. В конце концов, после многих предупреждений, он был сбит. В СССР это вызвало тяжелое чувство — независимо от оценки действий военных. Трагедия есть трагедия. На Западе это было поводом длительной (десять лет) антисоветской кампании¹. Но главное в другом — в

¹ В 1991 г., будучи на Западе, я видел по телевидению заседание «круглого стола» экспертов по гражданской авиации, посвященное десятой годовщине того события (передача почему-то шла глубокой ночью). Сначала показали американский художественный фильм с нелепой и наивной трактовкой инцидента (пилот «не прогрел компьютер»). Эксперты его даже не обсуждали по причине полного идиотизма. Мне было странно видеть, что специалисты из ряда стран дали абсолютно то же объяснение, что было дано советским правительством, но оно не нашло никакого отражения в свободной западной прессе.

1988 г. военный корабль США «Винсенс», находившийся в Персидском заливе, среди бела дня сбил ракетой иранский самолет с 290 пассажирами на борту. Самолет только что поднялся в воздух и находился даже еще не в международном пространстве, а над иранскими территориальными водами.

Когда корабль «Винсенс» вернулся на базу в Калифорнии, огромная ликующая толпа встречала его со знаменами и воздушными шарами, духовой оркестр ВМФ играл на набережной марши, а с самого корабля из динамиков, включенных на полную мощность, неслась бравурная музыка. Стоящие на рейде военные корабли салютовали героям артиллерийскими залпами. Н.Хомский, проводя структурный анализ обоих случаев, приводит выдержки из центральных американских газет, которые буквально внушили американцам объяснение, начисто снимающее у них чувство ответственности за жизнь 290 пассажиров. Было достигнуто невозможное. Читаешь эти статьи, и голова кругом идет. Самолет, мол, сбили *из благих побуждений*, и пассажиры *погибли не зря*, ибо Иран, возможно, чуть-чуть одумается и сдвинется к демократии...

В среде антисоветской интеллигенции действия СССР вызвали интенсивную злорадную активность, она хорошо и реалистично показана в фильме В.Меньшова «Зависть богов» (2000 г.), действия же американского корабля вообще никакого внимания не привлекли.

Отдельный срез проблемы аморализации антисоветского мышления — нарушение учеными обществоведами самых элементарных норм научной этики. Конечно, в СССР, как и во всех больших государствах, власть и ее спецслужбы пользовались услугами психологов, социологов и т.п. Но это была работа «для служебного пользования». В советское время нельзя было в академическом

журнале прочесть рекомендации по использованию против какой-то части общества *подлых* приемов. В антисоветском мышлении это вообще не является моральной проблемой. Стыд и совесть просто исчезают из интеллектуального пространства.

Вот, некто Д.А.Левчик с философского факультета МГУ (!) дает рекомендации власти, как *испоганить* митинг оппозиции. Он это называет «контрмеры с целью ослабления эффекта митинга». Вот как их видит философ:

«— доказать обществу, что место проведения митинга не «святое» или принизить его «священный» статус, например, перезахоронить тело Ленина, тем самым понизить статус Красной площади в глазах ленинцев;

— доказать, что дата проведения митинга — не мемориальная, например, развернуть в средствах массовой информации пропаганду теорий о том, что большевистская революция произошла либо раньше 7 ноября, либо позже;

— наконец, можно просто нарушить иерархию митинга или демонстрации, определив маршрут шествия таким образом, чтобы его возглавили не «главные соратники героя», а «профаны». Например, создать ситуацию, когда митинг памяти жертв «обороны» Дома Советов возглавит Союз акционеров МММ.

Другими словами, профанация процедуры и дегероизация места и времени митинга вместо митинговой эйфории создает смехотворную ситуацию, в условиях которой возможна вовсе не мобилизация участников митинга, а их дезорганизация. Катализатором профанации митинга может стать какая-нибудь «шутовская» партия, типа «любителей пива». Например, в 1991 г. так называемое Общество дураков (г. Самара) профанировала первомайский митинг ветеранов КПСС, возложив к памят-

нику Ленина венки с надписью: «В.И.Ленину от дураков». Произошло столкновение «дураков» с ветеранами компартии. Митинг был сорван, а точнее превращен в хэппенинг». (Д.А.Левчик. Митинг как форма предвыборной борьбы. — СОЦИС, 1995, № 11).

Глотайте ваше дерьмо, мои антисоветские коллегии гуманитарии. Это и есть мораль вашего «гражданского общества».

Психология гунна

В антисоветском проекте, особенно на стадии «перестройки», большую роль сыграла антилиберальная и антизападная сторона нашего массового сознания. То, что ее расшевелили и эксплуатировали наши «либералы-западники», не должно удивлять, как не должна удивлять эксплуатация ими националистических и религиозных предрассудков, зачастую архаических, как в Чечне или Таджикистане. Их задача была «сжечь Спарту», и ради этого ничего не было жалко. Антисоветское движение разбудило жажду воли, хаоса — антицивилизационное чувство, приведенное в дремлющее, латентное состояние в ходе напряженной советской индустриализации, войны, упорядочения городской жизни в эпоху «застоя».

Какой же стороной вырвалось коллективное бессознательное русского народа и куда оно нас сейчас влечет? Вовсе не к либеральному открытому обществу, правовому государству и прочей сладенькой дребедени. Раскрепощенное перестройкой коллективное бессознательное лишь на коротком отрезке пути было попутчиком демократов — когда ломали порядок. Советский, социалистический, тоталитарный — как угодно его назови, неважно. Суть в том, что ломали *порядок* и создавали *хаос*.

В начале века Россия «кровью умылась», но советский строй сумел овладеть разбуженной энергией и направить ее на строительство, создать новый порядок. Это — поразительная историческая заслуга большевиков. Повторите-ка их опыт, господа Ельцин да Путин.

Почему же интеллигенция не поняла этой стороны советского проекта? Из-за легкой внушаемости и поразительного отсутствия исторического чувства. В советской идеологии история была искажена — вместо бунта «свято-звериной» русской души революция была представлена как разумное и чуть ли не галантное классовое столкновение (возможно, это умолчание было оправданным — не поминать лиха). Сказано было: красные за социализм, белые за капитализм, победил прогресс — просто и понятно. А ведь главной, стихийной и страшной силой был бунт «гунна». Для него одинаково были чужды и белые, и красные — носители того или иного порядка. И это течение пронизывало все слои общества и было повсеместным, ползучим, «молекулярным».

М.М.Пришвин записал 18 января 1919 г.: «Телеграфно-телефонная проволока дугами в разных местах опустилась до земли, потом обрывалась и падала на дорогу, а скифы наши скатывали ее в крендели и развозили к себе по избушкам. Так во всем уезде у нас погибла телефонно-телеграфная сеть, и, когда остались только столбы, и то в иных местах покривленные, в газете было объявлено, что за украденную проволоку будет какое-то страшное наказание, вроде как «десять лет расстрелу»... Ораторы еще говорили «Граждане!» и призывали к коммунальному строительству государства, а скифы скатывали в клубочки оборванную инеем и бурей телеграфную проволоку и уносили ее домой по избушкам». Я здесь не употребляю слова «скифы», которое Пришвин ввел, видимо, следуя

его полемике с А.Блоком относительно революции. Правильнее (и тоже условно) говорить о психологии *гунна*. Так вот, нынешний реванш гунна даже радикальнее, чем всплеск его активности после 1917 г. — сегодня не скачивают в клубочки оборванную проволоку, а срезают ее с действующих столбов, вырывают из систем сигнализации и блокировки на железной дороге.

Кто же внял антисоветским призывам, если не считать ничтожную кучку «новых русских» с их разумным, даже циничным расчетом, и сбитую с толку интеллигенцию? Вняли именно те, в ком взыграло обузданное советским строем коллективное бессознательное «гунна». Возникновение индустриальной цивилизации было «скачком из мира приблизительности в царство точности». Скачком очень болезненным. Это царство — еще островок в мире, и нас тянет вырваться из него обратно в мир. Эти массы людей, освобожденные с заводов и из КБ, от норм права и нормальной семейной жизни, правильно поняли клич Ельцина: «Я дал вам свободу!» Это свобода казаков, ватаги, банды. Артели челноков и рэкетиров — это казаки конца XX века, сбежавшие на новый «Дон» от крепостного права завода и университета. В самом понятии «рынок» их слух ласкали эпитеты: *свободный, стихийный*. А понятие плана отталкивало неизбежным: *плановая дисциплина, неукоснительное выполнение*.

Выборы и 1993, и 1995 г. стали важным экспериментом. Носители идеи либерального порядка с треском проваливались, один за другим. Отшвырнули Гайдара, вытерли ноги о Горбачева. Кадеты, либералы и меньшевики, как и в революцию, отброшены народной стихией. За кого голосовали? За капиталиста и мастера своего дела С.Федорова или либерала гарвардского помета Явлинского? Нет, за Ельцина и Лебеда, выступающих в гри-

ме крутых громил. Остались две силы: те, кого с натяжкой принимают пока за большевиков (КПРФ), и те, кто взялся охранять хаос. Пока что «новые русские» с этими заодно, но деньги и семьи отправляют за рубеж.

Коллективное бессознательное «гунна» активизировал сам Б.Н.Ельцин. Вот его «Исповедь на заданную тему». Он рассказывает, как потерял два пальца: «Я взялся проникнуть в церковь (там находился склад военных). Ночью пролез через три полосы колючей проволоки, и пока часовой находился на другой стороне, пропилил решетку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты РГД-33 с запалами и, к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать. Ребят все же догадался уговорить отойти метров за 100: бил молотком, стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв... и пальцев нет. Ребят не тронуло».

Возможно, этот рассказ надо понимать как аллерию. Уж слишком много странностей: трудно перепилить решетку, пока часовой обходит церковь, гранаты не хранятся с запалами, взорвавшаяся в руках граната отрывает не только два пальца, а кое-что еще. Но главное — мышление читателя, те его инстинкты, к которым обращается Ельцин. Ведь мы видим подростка — взрослого человека по тем тяжелым временам, — который, положив на камень гранату, бьет по ней молотком! Не распиливает тем же напильником, а *бьет молотком*. На какой эффект мог рассчитывать пусть и безрассудно храбрый, но цивилизованный человек? И если он в отрочестве бьет молотком по гранате, то каких действий можно ждать от него, если он станет президентом? Он ведь, кстати, изображает себя паразитически безжалостным человеком, именно

«гунном» — любой подросток во время войны понимал, что означает для часового перепиленная решетка и похищение боеприпасов. Этот часовой для юного Ельцина был столь же далеким, как для «гунна» член чужого племени.

Отсюда и вытекает характеристика последователей Ельцина: как умный политик, он предложил им как раз такой образ, который должен был бы привести в ужас разумного человека — но восхитить и привлечь тех, кто мечтал лишь о сокрушении «начиненной взрывчаткой» советской империи. Разница в том, что сегодня «ребят» подальше от взрыва не отвели.

Неподалеку от моего участка в деревне строит, как и я, дом и сажает картошку человек, в котором, почти как для учебника, соединились чудесные свойства и слабости русской души. Готов поделиться всем, что у него есть, бежит помочь всем и каждому, за любое свинство готов дать в морду, даже смешно приложить к нему западные мерки рынка и прав человека. Человек удивительно деликатный, хоть и выглядит медведем. Иногда приходил излить душу: родной завод, где проработал двадцать лет, совсем разворовали. А перед вторым туром выборов 1996 г. вышел я в огород понурый, а он меня пожалел и успокаивает: «Ты, Григорьич, не кручинься, не допустят, чтобы коммунисты пришли к власти».

Чем же ему так противны коммунисты? Он не читает газет и не смотрит телевизор — не жертва манипуляции. Равнодушен к историям о ГУЛАГе и не соблазнен приватизацией. Он просто счастлив *воле*. Его отправили в неопределенный отпуск, а ему мало что и надо, и у него отключилось чувство ответственности за страну в целом. Его мир — картошка, банька, маленькая внучка, с которой он катается по траве, приятели в деревне, с которыми можно душевно распить бутылку. Он не лентяй, вста-

ет с солнцем, но вырвался из индустриального «царства точности» и вернулся почти в язычество.

Конечно, все мы испытываем тягу к такому бегству от цивилизации, это и есть наш архетип. Мы и совершаем порой такое бегство на время, отдыхаем душой. Но когда это происходит с половиной народа, и он начинает «жечь костры и в церковь гнать табун», то это — катастрофа. И чем она кончится, пока не ясно. И это — вовсе не возврат к досоветской российской цивилизации, это именно пробуждение в нас гунна. А гунн сегодня может сколько-то времени выжить только истребляя все вокруг — пока и его не истребят.

Глядя на моего соседа, я думаю, что та невероятная индустриализация, которая легла на плечи русских крестьян, потом война, потом вся эта гонка развития как будто сжали несколько поколений нашего народа слишком тугой пружиной. Начали при Брежневе давать послабление — неумело. А потом за этих людей взялись антисоветские идеологи, пришел Ельцин — и пружина вырвалась. И масса людей счастлива. Скудеет их потребление, рушится страна, уходят в банды сыновья, а они к этому равнодушны. Главное, сброшены оковы цивилизации, и они гуляют, как махновцы на тачанке. И при этом есть президенты, которые это одобряют и даже бросают им на прокорм и пропой последние богатства страны.

Это наблюдение, якобы обидное для рабочих, вызвало возмущение даже среди просоветски настроенных людей. Один такой автор «Советской России» сам 30 лет проработал на заводе, вырвался оттуда благодаря Ельцину и обратно не желает. Он так объясняет позицию рабочих: «Реакция современных рабочих на остававшиеся заводы — это протест против политики

военного коммунизма, которая проводилась во времена застоя». То есть, рабочие якобы рады разрухе, ибо освобождены от «новой формы рабского труда», каковой был уклад советского хозяйства. Капитализм, даже дикий, автор ценит намного выше: «Частник — пиявка, гад, сволочь, платит мало, но оплачивает по труду, хотя и по своим принципам».

Не будем придирааться к нелепости: можно платить или по труду, или «по своим принципам» — и то и другое вместе никак не возможно. Частник платит именно не по труду, иначе он не был бы пиявкой. Но это автор письма ему прощает за старую, изобретенную пятьсот лет назад этими пиявками приманку: разделять людей по доходам, создавать из общества «воронку», где каждый тянется наверх, в узенький носик. И, как считает мой оппонент, советские рабочие, ставшие «челноками», выиграли: «Основная масса рабочих и технической интеллигенции подались в челноки. Конечно, это несчастные люди, не уверенные в завтрашнем дне, всего боящиеся и бесправные, но... Но у них выполняется принцип «как потопашь, так и полопашь», т.е. оплата по качеству и интенсивности затраченного труда».

Важно, что эта потребность — «потопать и полопать» — духовная и жгучая. И это именно всплеск коллективного бессознательного, разумным это никак не назовешь — какой разумный человек станет радоваться разрухе, при которой уничтожаются рабочие места для целых поколений! Вместо улучшения своего в чем-то неудобного дома — сжечь его посреди зимы! Отомстили советскому строю! Но проблема в том, что духовная потребность становится материальной: известно, что в своих желаниях и потребностях человек не является разумным и далеко уступает в этом животным. Маркс хоро-

шо сказал: животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет.

Решив не улучшить, а сломать советский строй, который был цивилизацией, недовольные рабочие и ИТР все не стали буржуа и пролетариями, не разделились на классы. Они именно *деклассировались* и выпали из цивилизации. Радоваться остановленным заводам — это и быть гунном. «Полопаешь так, как потопаешь» — это и есть мышление гунна. Что такое «труд» челнока? Это — набег за добычей, рысканье по джунглям, хоть и каменным, поиск кореньев и падали.

Социально-инженерный проект по искусственному формированию целой общественной группы «челноков» — одно из крупномасштабных преступлений XX века. Произведено искусственное снижение социального положения, квалификации, самоуважения огромных масс людей, которые еще вчера были необходимыми и продуктивными членами общества. То, чем занимаются у нас эти торговцы, бывшие рабочие и инженеры, на Западе оставлено, как скрытая благотворительность, для маргиналов — спившихся безработных, наркоманов, подростков-цыган. Когда в РФ политические задачи будут решены, торговый капитал, обладающий транспортом, электронными системами информации и расчетов, оборудованием и помещениями складов и магазинов, разорит и ликвидирует всех этих челноков и ларечников в течение месяца. Как бы они ни «топали», их издержки на единицу товара в сотни раз превышают издержки нормальной торговли, не надо строить иллюзий. Но пока что задача антисоветских реформаторов — содрать с России выросшее на нее за тысячелетие «мясо» цивилизации и разбудить гунна, который разрушит все ее белокаменные дворцы и заводы.

Прискорбно, но быстрее всего дичает как раз интеллигенция, которую вскормили как духовного наставника рабочих. Зашел я как-то (в 1995 г.) к друзьям в МГУ и чуть не заболел от горя. МГУ у меня, да и у многих из моего поколения вызывает особое чувство. Строили его новое здание после войны — богато и роскошно. Открыли в 1953 г., студенты и аспиранты ходили в сатиновых шароварах, но вокруг был мрамор и зеркала, дубовая мебель. Пылинки сдували.

И вот пришел я недавно на дорогую мне кафедру органической химии и зашел в туалет. Дикое зрелище. Вороха грязной бумаги, воду давно никто не спускает, вокруг унитазов, прямо на полу, окаменевшее дерьмо. Я — к своему другу, профессору-демократу: вы что, не можете организовать, хоть по очереди немного прибирать, если уборщиц уволили? А он мне: «Ты свои советские замашки оставь!»

Помню, когда я там был студентом, какой-то энтузиаст из комитета ВЛКСМ (возможно, Юрий Афанасьев) решил заставить нас шагнуть к коммунизму, и в МГУ уволили всех уборщиц. Сами студенты должны были все делать, отдавать один день в месяц. Все мы были злы, как черти — день был большой потерей. Но ведь убирали мы туалеты, мыли и драили. Такого, как в «постсоветское» время, никто и представить себе не мог бы. Это — мелочь, но в ней отражение главного.

А главный результат «реформы», который и предопределяет все остальные — явный уже распад души в значительной части народа. Это именно распад, а не превращение в душу «цивилизованного человека». Вот я думаю, что одна из главных предпосылок для краха советского строя как раз заключалась в соединении инстинкта зверя в «сильных» (социал-дарвинизм, сделавший нена-

вистным советское уравнильство) с инстинктом «гунна» у тех, кто не рассчитывал пробиться в «сильные». Эти дремавшие или подавленные в советское время инстинкты были разбуджены перестройкой.

Социал-дарвинизм узаконил саму идею разделения на *сильных* и *слабых* — при том, что слабым оставалось право только на благотворительность сильных. Ведь когда сегодня какой-нибудь демократ говорит, что «все должны иметь доступ к хорошей пище», он мысленно добавляет: «а уж если по какой-то причине на всех хорошей пищи не будет хватать, то ее должно получить сильное меньшинство, а за умирающих слабых мы помолимся». Так оно и есть сегодня, и этот порядок «сильных» устраивает. Только не молятся за слабых, проклятые.

Проблема не в «сильных», а как раз в «слабых». нынешний порядок потому установился и устойчив, что и «слабые» его приняли, хотя знают, что к пирогу они не прорвутся. Они получают вознаграждение «гунна» — жизнь охотника и собирателя кореньев, уход от школы и фабрики. И тяга эта оказалась настолько сильна, что пересиливает инстинкт самосохранения и продолжения рода.

Предпосылкой к этому было, на мой взгляд, резкое изменение советского общества без соответствующего изменения и базиса, и надстройки. Со сменой поколений мы совершенно неожиданно стали обществом *сытых* (точнее, обществом людей, уже не имеющих сигналов голода в своей телесной памяти). А до этого мы были обществом, где на нервную систему каждого действовали эти сигналы. Выходит, это два совершенно разных типа обществ, и они должны быть устроены существенно по-разному. Никакие рассказы стариков о голоде не замечают этих сигналов (в массе, а не в отдельных людях). На

Кубе это видно еще резче, чем было у нас — потому что там еще сосуществуют эти два разных контингента людей, и между ними виден глубокий разрыв.

В.Розов как-то в беседе со мной сказал, что человечество с достоинством прошло испытание голодом, но не факт, что оно выдержит испытание *сытостью*. Но важную вещь мы с ним тогда не заметили: во всем человечестве было *только одно* сытое общество — СССР. Запад никогда до этого не допускает, там есть сытые классы, но не общество, и голод, очевидный и близкий, воспитывает сытых. Давным-давно тоже существовало сытое общество, точнее, первобытная *община* — и с ней произошло примерно то же, что и с СССР. Конечно, человечество развивается, и телесные сигналы все же превращаются в культурные, так что поиск справедливой жизни и в сытом обществе все время идет, так что циклы господства «зверей и гуннов» сокращаются.

Наше сытое общество оказалось хрупким, и странно, что над этим многие смеются. Мы стараемся слабые точки выявить и, как Де Токвиль, «представить себе, при каких условиях старый порядок мог бы не погибнуть». Это работа трудная, что хорошо видно по оппозиции. Она обращается с обличительными или конструктивными идеями к страдающему обездоленному человеку. А на самом деле он все довольно хорошо понимает, но им овладел «инстинкт гунна» и воля к смерти. Поскольку это входит в конфликт с его укорененными культурными устоями, он не хочет этого признать и притворяется обманутым. Ах, меня обманули Горбачев и Ельцин. Даже поблагодарит за их разоблачение, а потом опять «не понимает» очевидных вещей.

Похоже, нынешнему молодому поколению на какое-то время стало не в силах нести груз русской культуры.

Доклад Комитета РФ по делам молодежи (из правительства Ельцина!) в 1993 г.: «Более трех четвертей молодых людей испытывают чувство неудовлетворенности жизнью. Фиксируется быстрое нарастание (за год в два раза) страха перед будущим. В структуре конкретных страхов на первом месте страх перед войной на национальной почве, далее идут одиночество, бедность, болезнь, бандитизм, возможность потерять работу, голод. Страхи такого рода для российской молодежи являются во многом новыми и потому парализуют волю ее значительной части... На шкале ценностей значительно снизилось значение ценности человеческой жизни. Существовавшая тенденция на снижение числа самоубийств прервана. Количество самоубийств резко возросло и будет увеличиваться».

Как сказано в этом докладе, при опросах среди молодежи, составляющей 32 млн. человек, 6% заявили, что согласны убить человека, если им хорошо заплатят. Конечно, храбрятся — но ведь это 2 миллиона молодых людей, думающих про себя, что могут это сделать!

Повторяю, что все это еще не привело к слому, катастрофе, потому что оказалась неожиданно высокой, даже необъяснимой прочностью и советской морали, и советской техники. Народ стихийно (и даже, можем сказать, подпольно) сопротивляется одичанию, и основная масса людей проявляет поразительную нравственную стойкость. Но эти ресурсы не вечны, как не вечны ресурсы советских самолетов, поездов метро и рижских электричек.

Похоже, что русский народ может жить только в состоянии подвижничества. А молодым хочется «побалдеть» — или умереть, если будут запрещать. Но груз культуры никуда не денется, и кто-то его потащит. Вот им-то и могут в чем-то помочь наши рассуждения.

В современной западной философии, которая остро переживает общий кризис индустриальной цивилизации, одним из базовых является принцип, взятый у поэта XVIII века Гёльдерлина принцип: «Там, где зреет смертельная опасность, там растет надежда на спасение». Нормальные человеческие инстинкты — сохранение жизни, продолжение рода — будут разворачивать вырвавшееся, как обезумевший табун, коллективное бессознательное русского народа его созидательной стороной. Надо лишь помогать этому, стремясь, чтобы силы спасения выросли раньше, чем смертельная опасность созреет вполне.

Глава 3

ГЛАВНЫЕ ОБЪЕКТЫ АТАКИ В АНТИСОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ

Давайте кратко обозначим главные *содержательные* блоки антисоветизма, его тематику. Отсюда видно, на какие конструкции советского строя направлялись удары.

Образ государства

Первым условием успешной революции (любого толка) является отщепление активной части общества от государства. Каждого человека тайно грызет червь антигосударственного чувства, ибо любая власть давит. Да и объективные основания для недовольства всегда имеются. Но в норме разум и другие чувства держат этого червя под контролем. Внушением, художественными образами, песней можно антигосударственное чувство растравить.

В «Независимой газете» (17 мая 2000 г.) помещено большое письмо одного из когорты антисоветских идеологов А.Ципко. Само название письма красноречиво: «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием». Приведу некоторые его откровения, которые говорят как раз о зарождении и созревании антисоветского проекта:

«Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили

разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Мы были и до сих пор являемся идеологами анти-тоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распаться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир».

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейным мотором антисоветизма была страсть к *разрушению*. Именно она соединила часть тех, кто чувствовали себя притесненными советской системой. Заметим, вовсе не все «притесненные» примкнули к разрушителям — их было небольшое меньшинство, и ничего бы они не сделали без соучастия политической власти.

У этого союза и не могло быть никакого позитивного проекта, желания строить, улучшать жизнь людей — ибо у каждого в этом союзе был «свой» враг. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма — ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для

кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Понятно, что когда движущей силой интеллектуального сообщества становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких людей» не может приниматься во внимание. Эти интеллектуалы — Наполеоны, а не тварь дрожащая.

А.Ципко продолжает с ясным пониманием своей и его друзей миссии: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции... Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы... Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть как ученые, как граждане своей страны... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен...».

Замечу, что высказанные здесь А.Ципко претензии считаться *учеными и гражданами своей страны* абсолютно необоснованны. Научный тип мышления несовместим с магией, ожиданием чуда и той крайней, фанатичной идеологизированностью, о которой пишет сам автор. С другой стороны, делать все, чтобы разрушить, например, военно-промышленный комплекс и государственные структуры страны в момент, когда она ведет тяжелую глобальную войну (пусть и холодную), никак не могут ее лояльные граждане. Это — функция «пятой колонны» противника.

А.Ципко верно оценивает результаты: «Борьба с советской системой, с советским наследством — по крайней мере в той форме, в какой она у нас велась — привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей,

к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества». Физическая деградация части общества — это, надо понимать, гибель людей. По последним уточненным данным, к 2001 г. эта «неестественная» гибель составила в РФ 9 миллионов человек.

Все жизнеустройство в СССР замыкалось на сильное патерналистское государство. Иного и быть не могло — таковы были исторические условия и инерция нашей цивилизации, хотя темпы модернизации и либерализации советского государства были исключительно высокими. Каждый может мысленно сравнить советское государство 50-х и начала 80-х годов. Я бы сказал, что темпы либерализации в условиях реальной войны (пусть и холодной) были на грани допустимого, а то и переходили эту грань.

Тем не менее «шестидесятники» отвергали советское государство не за низкие темпы модернизации, а именно за его *сущностные* принципы, неустранимые без его полного разрушения. Во время перестройки уже открыто была раскрыта истинная цель кампании — именно уничтожение советского государства. Но до прихода к власти Горбачева эта цель ставилась шире и потому еще разрушительнее — как подрыв легитимности государства вообще и в особенности «империи».

«Умеренный» историк М.Гефтер говорил в 1993 г. в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежский вердикт, мол, был закономерным (М.Гефтер. Мир, уходящий от «холодной войны». — «Свободная мысль», 1993, № 11). На другом полюсе — гротескная В.Новодворская: «Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит дотла, в том числе и мы сами...» («Новый взгляд», 1993, № 110).

Понятие «тоталитаризм» стало у «шестидесятников» синонимом советской государственности. При этом даже сталинизм превратился в их проекте всего лишь «частичного» врага, в выражение лишь одной ипостаси тоталитарного государства. Другой «антисоветский марксист», А.П.Бутенко, пишет о реформах Хрущева: «Антисталинизм — главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущевым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определенный простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои» («Общественные науки и современность», 1995, № 5). Именно против *всех* государственных устоев, вплоть до детских садов, и был направлен антисоветский пафос.

Категорическому отрицанию подвергался главный инструмент государства — *насилие*. Кстати, сейчас мы видим, что отвращение к государственному насилию распространялось именно на советское государство, а насилие, например, США вызывает у наших демократов уважение. В советской истории насилие же представлялось преступным даже в самые критические периоды, когда государственные органы были вынуждены решать срочные и чрезвычайные задачи ради спасения множества жизней граждан.

Возмущаясь государственным насилием в СССР, антисоветские идеологи проявляли поразительное отсутствие исторического чувства. Они как будто не видели, что начиная с первых лет XX века, именно в ходе государственных репрессий над крестьянами, а потом и Кровавым воскресеньем и Ленскими расстрелами, было брошено семя *культуры насилия* в России. Эта культура выросла и

стала всеобъемлющей в ходе империалистической, а потом и гражданской войны. Такова данная нам история — в этой культуре было воспитано все общество. Почитайте кумира наших демократов Корнея Чуковского, который писал Сталину о необходимости учредить концлагеря для озорных первоклассников. Писатель Киршон был расстрелян — но перед этим он советовал «поставить к стенке» цензора Главлита, пропустившего в печать книгу А.Ф.Лосева «Диалектика мифа».

Поражает, насколько умнее и мудрее был даже совсем молодой Пушкин — а ведь все мы его вроде бы учили. В «Капитанской дочке» он пишет, под именем Гринева, об изменениях, произошедших на жизни одного поколения (в связи с тем, что капитан Миронов в крепости собирался пытать башкирина из «бунтовщиков»): «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия... Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судья, ни подсудимые». Да, Петр Гринев начала XIX века уже считал пытку «варварским обычаем», но в 1774 г. он не сомневался в ее необходимости. Но можно ли из-за этого проклинать молодого Гринева и уничтожать все жизнеустройство Гринева зрелого? В конце 80-х годов наши антисоветские демократы проклинали СССР 30-х годов за то, что он не был «гражданским обществом». А ведь они и сами уже в 90-е годы не понимают, что это такое.

В результате всех этих усилий мы пришли к нынешнему кризису с деформированными представлениями о значении государства и рваной исторической памятью. В дебатах в Интернете, которые я упоминал, тот же Б. вслед

за отрицанием «советской империи» доходит, по сути, до отрицания России и самой возможности ее сохранения: «Да, Сталин создал сверхдержаву, (военно-мужицкую империю), но почему Вы записываете это ему в плюс? Я не говорю о средствах... Я вообще не говорю о цене...»

Здесь отрицание доведено именно до чистоты — Б. идет дальше большинства демократов, ибо они всегда упирали именно на «средства и цену» (репрессии и т.п.). Он это отбрасывает как несущественное и отрицает в принципе само стремление быть сверхдержавой — хотя не может не знать, что в реальных условиях XX века только это обеспечивало выживание России. Ведь тогда все это прекрасно понимали — не смог бы никакой Сталин создать «военно-мужицкую империю», если бы «мужики» нутром не почувствовали ее необходимости.

Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылупился самый вульгарный и пошлый *антипатриотизм*. Николай Петров, преуспевающий музыкант, делает поистине страшное признание (сам того, разумеется, не замечая): «Когда-то, лет тридцать назад, в начале артистической карьеры, мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важней пресловутых березок и осточертевшей трескотни о «советском» патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев, лишь бы внутренне остаться в стороне от всей этой квасной и лживой истерии, превращавшей все, будь то спорт или искусство, в гигантское пропагандистское шоу» (Петров Н. К унижениям в своем отечестве нам не привыкать. — «Независимая газета». 13 июля 1993.). Держал фигу в кармане — болел за шведов

и канадцев! Не потому, что они ему нравились, а потому, что какая-то мелочь в государственной пропаганде резала ему слух.

А.Адамович в марте 1989 г. на открытии в Москве международного научного клуба даже воззвал к иностранным ученым, прося у них помощи против советского государства (это — депутат Верховного Совета СССР!). Он так описал его отношения с обществом: «Одни ведомства ведут химическую войну против собственного народа и природы. Другие — с помощью мощной мелиоративной техники, третьи — почти уже атомную (Чернобыль). Да что ваши военно-промышленные комплексы! Это кошка против нашего тигра — ведомств... Вот почему и ученые наши, которые не продали душу ведомствам, и «зеленые» наши так рассчитывают опереться на вас, мировую науку, в борьбе с ведомственным Левиафаном» («Мы — шестидесятники»).

В своем походе против государства антисоветские интеллектуалы постепенно легитимировали, а потом и опозитивировали *преступный мир*. Он всегда играет большую роль в сломах жизнеустройства. Социальный хаос — его питательная среда. С другой стороны, его используют и революционеры в своих усилиях по подрыву государства. Приняв активное участие в революции, преступный мир затем был с огромным трудом загнан в жесткие рамки в период «сталинизма». Кстати, вопреки распространенному мнению очень большую часть жертв репрессий составляли уголовники. Надо напомнить, что особо тяжкие преступления (убийства, бандитизм и вооруженный разбой) в советском праве причислялись к числу *государственных* преступлений (статья 58). Однако в целом в советское время преступный мир усилился из-за разрушения привычных укладов жизни, череды социальных потрясений

и перехода к городской жизни. Он насытился интеллектуальными силами, вобрав в себя (или породив) существенную часть интеллигенции. Но главное, что начиная с 70-х годов он получал культурную легитимацию.

В ходе перестройки необходимо было оживить преступный мир и для поставки кадров искусственно создаваемой буржуазии. Причем буржуазии, повязанной круговой порукой преступлений, готовой воевать с ограбленными. Но это социальная сторона, а поговорим о том, какую роль сыграла интеллигенция, особенно художественная, в снятии природной неприязни советского человека к вору, в обелении его образа, в его поэтизации — создании совершенно нового культурного стереотипа. Без духовного оправдания авторитетом искусства никакие социальные трудности не привели бы к взрыву преступности.

Это — новое явление. В советское время преступный мир был замкнут, скрыт, он маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился без большого расширения в масштабах. В СССР существовала довольно замкнутая и устойчивая социальная группа — *профессиональные преступники*. Они вели довольно размеренный образ жизни (75% мужчин имели семьи, 21% проживали с родителями), своим преступным ремеслом обеспечивали скромный достаток: 63% имели доход на одного члена семьи в размере минимальной зарплаты, 17% — в размере двух минимальных зарплат. У *советских* преступников (и мужчин, и женщин, и несовершеннолетних) из всех мотивов преступных деяний «жажда наживы» была на самом последнем месте. У взрослых главным было «стремление выйти из материальных затруднений наиболее легким путем» и «склонность к легкой жизни» (А.А.Тайбаков. Профессиональный

преступник (опыт социологического исследования). — СОЦИС, 1993, № 8).

Нынешняя экономическая реформа породила совершенно особый новый тип преступника — профессионального расхитителя государственной собственности. По уровню доходов и своей экономической мощи эта новая социальная группа не имеет генетической связи со старой советской преступностью.

А ведь антисоветская элита оказалась не только в «духовном родстве» с грабителями. Порой инженеры человеческих душ выпивали и закусывали на ворованные, а то и окровавленные деньги. И даже сегодня они говорят о них не только без угрызений совести, но с удовлетворением. Вот писатель Артур Макаров вспоминает в книге о Высоцком: «К нам, на Каретный, приходили разные люди. Бывали и из «отсидки»... Они тоже почитали за честь сидеть с нами за одним столом. Ну, например, Яша Ястреб! Никогда не забуду... Я иду в институт (я тогда учился в Литературном), иду со своей женой. Встречаем Яшу. Он говорит: «Пойдем в шашлычную, посидим». Я замялся, а он понял, что у меня нет денег... «А-а, ерунда!» — и вот так задирает рукав пиджака. А у него от запястья до локтей на обеих руках часы!.. Так что не просто «блатные веянья», а мы жили в этом времени. Практически все владели жаргоном — «ботали по фене», многие тогда даже одевались под блатных». Тут же гордится Артур Сергеевич: «Меня исключали с первого курса Литературного за «антисоветскую деятельность» вместе с Беллой Ахмадулиной».

Еще предстоит исследовать процесс самоорганизации особого, небывалого союза: уголовного мира, власти (номенклатуры) и либеральной части интеллигенции — той ударной силы, которая сокрушила СССР. Такой союз

состоялся, и преступный мир является в нем самой активной и сплоченной силой. И речь идет не о личностях, а именно о крупной социальной силе, которая и пришла к власти. Умудренный жизнью и своим редким по насыщенности опытом человек, прошедший к тому же через десятилетнее заключение в советских тюрьмах и лагерях — В.В.Шульгин — написал в своей книге-исповеди «Опыт Ленина» (1958) такие слова: «Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что «воры» (так бандиты сами себя называют) — это партия, не партия, но некий организованный союз, или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания «воров», а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров... Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные. Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, аппарат принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, что объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные «воры», пока честные объединяются».

Фундаментальная ошибка нашей честной антисоветской интеллигенции заключается в том, что они совершенно безосновательно думали, что, сломав советскую политическую надстройку, они попадут в демократическое либеральное общество. А попали под теневую власть бандитов. Иначе и быть не могло, и причины именно фундаментальны, пора это честно признать. История советского строя показала, что можно в рамках солидарного

общества загнать бандитов в катакомбы и постепенно выгрызать у них почву. Эта борьба шла с переменным успехом, но в целом неуклонно — пока либеральная интеллигенция не заключила с «братками» исторический блок.

Дополнение из 1992 г.: через «дело КПСС» — к познанию нашего общества

Одним из главных видов оружия перестройки была идея исторической вины — государства, партии, народа. Эта идея помогла ввергнуть в саморазрушительную вакханалию нынешние поколения наших народов. Казалось бы, абсурдно разрушать свой дом из-за того, что дедушка был в чем-то виноват — а так и поступили. Попробуйте убедить испанцев начать гонения на католическую церковь из-за того, что слишком крутой была Инквизиция — тебя сочтут сумасшедшим.

Общество, как металл, хорошо видно на изломе — как сегодня. И очень обо многом говорит анализ излома важной структуры — КПСС. Этот анализ в 1992 г. провел Конституционный суд, сам о том не думая. Если бы подумал, то мог бы провести гораздо лучше. Но и так, полученное тогда знание было, думаю, важнее самого решения суда. Очень важно было бы прочесть протоколы того суда и все выступления, а здесь затрону лишь пару вопросов.

Ельцин объявил о запрете КПСС 7 ноября 1991 г., в день праздника, который был дорог большей части народа. Сказалась, видно, привычка отчитываться перед начальством о больших делах в красный день календаря. Для нас же важно, чем оправдывалось внесудебное (!) запрещение оппозиционной партии: КПСС, дескать, была не общественной организацией, а *государственной* структурой. И демократы-интеллигенты это приняли, в то же вре-

мя все семь лет твердя, что СССР был *идеократическим* государством. Но, господа, это же несовместимые утверждения! Признак полного непонимания.

Демократ произносит слова «идеократическое государство» с ужасом — как же можно было в нем жить! То ли дело США или Япония! При том, что и США, и Япония — типичные идеократические государства, контролирующие граждан жесткой идеей. США весьма либеральны к своему гражданину — покуда он безусловно признает их право быть лидером и судьей всего мира и декларирует свой абсолютный патриотизм (точнее, шовинизм). Идеократия СССР, при всей ее помпезности, была мягкой и терпимой. Но — общепризнано, что идеократия. Какое же место занимала в ней КПСС?

Да, КПСС была не похожа на типичные партии Запада («партия нового типа»), но из этого вовсе не вытекает, что она была государственной структурой. Она только потому и могла эффективно выполнять свою роль в идеократии, что была *внегосударственной* силой. Российская империя и, после ее революционной модернизации, СССР были яркими примерами традиционного общества — в противовес т.н. современному обществу Запада. Этот вопрос глубоко изучен и русскими, и западными философами, такими как Маркузе и Хабермас (А.Н.Яковлев хвастался, что критиковал Маркузе, не читая его, а следовало почитать). Традиционное общество построено таким образом, что всего его должна пронизывать *негосударственная* организация, являющаяся носителем и выразителем обязательной для всех подсистем общества идеи, не подвергающейся обсуждению.

Такая идея и производная от нее этика может быть сформулирована на языке религии (и роль «пронизывающей» организации играет сословие жрецов, как в древ-

нем Египте, или церковь, как в средневековой Европе или сегодня в Иране). Эта идея и этика может быть записана на языке философии (как в древнем Китае) или на языке идеологии, как в СССР. КПСС при этом может рассматриваться как аналог церкви. Н.Бердяев, страстно отрицая советский строй, писал в «Философии неравенства» (1923): «Социалистическое государство не есть секулярное государство, это — сакральное государство... Оно походит на авторитарное теократическое государство... Социализм исповедует мессианскую веру. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия — коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Если бы КПСС была государственной структурой, она не могла бы «пронизывать» общество и быть носителем «абсолютной» идеологии. Можно как угодно проклинать этот тип общества (хотя это и глупо), но это — хорошо изученная реальность. Кстати, характер КПСС как принципиально негосударственной организации вытекает и из кибернетики. Изучая управление крупными системами (государственными утверждениями или корпорациями) Ст.Бир показал, что они устойчиво функционируют лишь если имеется «внешнее дополнение», говорящее на ином языке, чем эти системы, причем на языке высшего порядка.

Иными словами, в систему должна «проникать» организация с совершенно иным «генотипом», следующая иным, не подчиненным данной системе критериям, с иными понятиями. Именно эти функции в советском государстве выполняла КПСС. Специалистам по системному анализу еще в 70-х годах это было прекрасно известно и принималось как очевидность. КПСС была не частью «государственной машины», а *внешним дополнением* к

ней — общественной организацией, говорящей на ином, нежели государство, языке.

Когда в традиционных обществах терпит кризис или изымается их «этическая» (идеологическая) сердцевина, последствия бывают катастрофическими. Мы эту катастрофу и наблюдали в СССР, когда команда Горбачева «вынула сердцевину» идеократического советского государства и устранила единую, не подвергающуюся сомнению этику, которая налагала табу, например, на национальную вражду. И на фоне уже переживаемой тогда катастрофы цинизмом или недомыслием являлось поддержанное демократами обвинение, будто КПСС «разжигала социальную и межнациональную рознь».

Как ни проклинай СССР, но именно в этом аспекте он представлял систему с *отрицательной обратной связью* по отношению к конфликтам. Это значит, что при обострении противоречия автоматически включались экономические, идеологические и даже репрессивные механизмы, которые разрешали или подавляли конфликт, «успокаивая» систему. Это делалось независимо от воли и личных качеств отдельных людей — так была устроена система, в которой ключевую роль силы быстрого реагирования играла именно КПСС. Это было заложено в ее *идеологической* системе, возводящей в догму «единство» и запрещавшей идущие вразнос конфликты, и в ее *организационной* системе, «пронизывающей» все потенциально конфликтующие стороны. Такая система консервативна — но не конфликтивна.

Напротив, ослабление и изъятие КПСС из системы *общество — государство* привело, помимо воли политиков (примем это как допущение) к возникновению системы с *положительной* обратной связью относительно конфликтов. Уже с 1988 г. с тем же автоматизмом и так

же независимо от личных качеств политиков любой конфликт разжигался как автокаталитический процесс. Кто оправдывал это как необходимые издержки перехода к иному типу общества, но это — факт. Совершенно то же самое произошло в Югославии, где режим, имевший компартию в качестве ядра системы, почти на 50 лет обеспечил мирную совместную жизнь народов, которые до этого имели большой взаимный кровавый счет и обладали большим потенциалом конфликтов.

Известно, что в СССР именно силы, вырывавшие «коммунистический сердечник системы», сыграли главную роль в разжигании кровавых межнациональных конфликтов. А вот социальная сфера. «Московский комсомолец» пишет об участниках митинга 9 февраля 1992 г. в Москве, который прошел под чисто социальными лозунгами: «То, что они не люди — понятно. Но они не являются и зверьми. «Зверье, как братьев наших меньших...» — сказал поэт. А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной».

Сам вопрос отнесения той или иной организации к категории *общественных* не является тривиальным. Следовательно, его решение ни в коем случае не могло быть отдано на откуп исполнительной власти (президенту). Если же исходить из здравого смысла, то для начала можно предложить самые простые критерии. Например, добровольное членство в организации и ее существенная экономическая автономия от государства (полной автономии нет нигде — сейчас государство на Западе финансирует политические партии из бюджета). Важнейший критерий — отсутствие собственных структур, через которые можно непосредственно осуществлять реализацию своей политики. Например, национал-социалисти-

ческая партия в Германии была огосударствлена — она имела свои войска. А КПСС все свои политические решения могла проводить в жизнь только через органы государства, и прохождение этих решений вовсе не было автоматическим.

Типичный сюжет литературы соцреализма — конфликт между партийным секретарем и директором завода. Этот конфликт в принципе возможен лишь при довольно высоком уровне взаимной автономии этих структур. Само наличие «телефонного права» говорит о том же — зачем звонить тайком по телефону и кого-то просить, если можно приказать. Взаимодействие государственной и партийной структур имело сложную динамику и проходило по-разному на разных уровнях. Так, в первичных организациях явно преобладало давление администрации.

Наконец, важно восприятие организации ее зарубежными аналогами, относительно характера которых нет сомнений. КПСС однозначно рассматривалась как *партия* классическими европейскими партиями — социал-демократами. Она имела межпартийные связи с II Интернационалом, обменивалась делегациями, ее представители приглашались на съезды и т.д.

Язык, термины отражают, даже помимо желания говорящего, его действительное представление о предмете. Шахрай на суде говорил: «КПСС *подменяла* государственные органы». Этого никто и не отрицал. Но именно слово «подменяла» показывает, что КПСС *не была* государственной структурой. Подменять — значит временно брать на себя выполнение чужих, не свойственных тебе обязанностей, которые в нормальной ситуации должен выполнять кто-то иной, специально предназначенный для этих функций. Монах может подменить воина, но церковь от этого не становится армией.

Допустима ли подмена государственных структур общественными в выполнении их функций? Во многих случаях — да. Более того, совершенно четкое разделение функций возможно лишь в тоталитарных обществах. Чем более «гражданским» является общество, тем более размытыми становятся границы, тем большую долю своих функций органы государства выполняют совместно с общественными структурами или уступают им. Так и возникает самоорганизация, появляется гибкость, повышающая устойчивость общества. В некоторых ситуациях (например, в конфликтах) общественная организация выполняет многие деликатные функции гораздо лучше, чем государственная. Именно к такому обществу якобы стремились перейти демократы — и в то же время преследовали общественную организацию за «подмену» функций государства. Кстати сказать, в очень многих проявлениях самого разного рода было видно, что те, кто называл себя в СССР и России демократами, на деле унаследовали самые антидемократические стереотипы мышления советской бюрократии — антидемократические до тупости.

О полном непонимании сути КПСС говорит и утверждение, будто она участвовала в подготовке и осуществлении путча в августе 1991 г. Ведь путч если бы и был, то был бы результатом *заговора*. Однако сам тип партии, какой была КПСС, делал ее неспособной к каким бы то ни было конспиративным действиям. Во всех документах партии — Уставе, Программе и решениях (от Съезда до первичных организаций) — нет и намек на силовые методы борьбы. Следовательно, участие в путче, если и было, крылось бы в невидимой, подпольной маргинальной части партии. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы КПСС была партией сектантского типа, объединяющей очень узкую и сплоченную социальную груп-

пу. Но КПСС уже во время войны перестала быть такой партией, а стала срезом всего общества. В ней было 18 млн. человек из всех социальных групп, включая Артема Тарасова. Ни о каком возникновении заговоров в такой партии и речи не могло быть.

Рассмотрение «дела КПСС» в Конституционном суде превратилось в спор мировоззрений, в сравнение разных «правд» о мире, человеке и обществе. Режим постарался опозлить этот спор — уже тем, что выставил такие фигуры, как адвокат Макаров. Но было со стороны противников КПСС выступление, которое идеологи антисоветского режима посчитали блестящим и показали по телевидению достаточно полно. Это — выступление правозащитника С.А.Ковалева. Оно было высоко оценено и «стороной КПСС» как, дескать, искреннее и целостное. О нем я и хочу сказать.

Действительно, речь Ковалева резко отличалась своей цельностью от речей Шахрая и его компании уже потому, что ему не надо было прибегать к казуистике и решать неразрешимую задачу — так обвинить КПСС, чтобы не забрызгать репутацию Ельцина, Бурбулиса, Горбачева и подобных им, вскормленных молоком КПСС. Ковалев мог рубить сплеча — он, по сути, потребовал отказа от всей нашей истории (как минимум тысячелетней). Первая его тема — тема вины и покаяния.

Ковалев требовал покаяния не только от КПСС, но и от всего народа (за большевизм и Сталина). Но покаяние — действие глубоко интимное. Почти во всех культурах, а в православной наверняка, это действие состоится в рамках религиозного чувства под покровом благодати. Перенесение его в социальный или политический контекст — пошлая профанация, которая даром не проходит. Это видно по тому, какой тип «покаяния» навязал пере-

стройке типичный интеллигент Абуладзе. Он восстал против присущего религиозному сознанию стремления «похоронить зло» и призвал всех не дать ему места в земле, выкопать его из могил и бросить прямо в город, в души всех его жителей — таков последний кадр его фильма.

Кредо Ковалева: даже хорошие дела от КПСС были мерзки. Все, что делалось с участием КПСС, могло быть только злом. Но это и есть суть манихейства, отход от целостного образа жизни к иссушающему разделению Света и Тьмы. Сам Ковалев признает, что КПСС пронизывала всю жизнь страны. Получается, *вся наша жизнь* была зло. Всем следует пойти и утопиться. Здесь присущее антисоветской интеллигенции морализаторство доведено до предела. «Если улица не ведет к Храму — зачем она?» — вот кредо тоталитаризма.

Отрицает Ковалев рациональность и в другом пункте. Ведь в осмыслении истории важна не точка, а *динамика*. Ковалеву же главное слова, он ужасается: в СССР было 300 заключенных диссидентов за последние 20 лет! Ну не империя ли зла (хотя для Запада цифра смехотворная)! А какова динамика репрессий? От Кровавого воскресенья — через Гражданскую войну — репрессии 30-х — репрессии 40-х годов — к «репрессиям» Брежнева. Это — очень быстрая динамика (та же динамика во Франция после революции была намного хуже). Ее ни в коем случае нельзя было прерывать, если бы думали не о словах, а о людях. Что же сделал Ковалев (Гамсахурдия, Тер-Петросян, Туджман и др. «мстители за поруганные права»)? Они сломали систему, наладившую эту динамику, и потребовали ее капитуляции и суда над ней. Результат: в слабых звеньях (Карабах, Таджикистан, Чечня, даже Молдавия) кровь потекла рекой.

Ковалев молился на суде правам человека в специфическом понимании западной демократии. А это — ценность не общечеловеческая, а преходящая, и появилась она недавно. В Средние века ее не было — а разве тогда жили не люди? Когда стали «правовыми» Германия или Испания? Более того, если эта ценность становится кумиром, то на ней возникает тоталитаризм ничуть не лучше любого другого. Права человека, как и другие ценности, улучшают жизнь именно пока они — идеал, а не *абсолют*. В Англии в 1990 г. выпустили из тюрьмы 6 человек, которые под пытками признались в несовершенном преступлении и отсидели невинно 12 лет. Это ведь похуже, чем у нас было при Брежневе. Что же, заклеим и разрушим Англию?

Ковалев обвинял КПСС, как человек из иного общества. Такие люди в небольшом количестве есть везде (как, например, кришнаиты в США). Но они не обвиняют, а сосуществуют с «отсталыми». Допустим, КПСС была часть нашего «отсталого» общества. Мы шли к все более правовому и очень терпимому обществу. Ковалеву не нравилось, как шли — и под его аплодисменты нас повели через Карабах и Приднестровье.

Наше общество относилось к категории «традиционных». В них главное — не право, а *справедливость*, то есть нормы всеобщей этики (как и любые нормы, они нарушались, но формирующую общество функцию выполняли). Либералы считают возникновение таких норм «дорогой к рабству». Спор об этом философский, а уж никак не для Конституционного суда. Признание недоказуемых философских тезисов Ковалева лучшими аргументами обвинения означало в правовом отношении огромный регресс.

Наша история была такова, что если что-то признавалось вредным *для страны*, то право было лишь инстру-

ментом для нейтрализации этого зла. Вспомним ту «преступную», по мнению Ковалева, этику, под которую подгоняли право, судя диссидентов. Диссиденты апеллировали вовне (к Рейгану, ООН и т.д.). Независимо от нынешних оценок, у советского общества был «синдром военного быта» — никто этот факт, отмеченный еще Менделеевым, не оспаривает. При таком умонастроении апелляция к противнику в холодной войне выглядела как предательство. Осуждать за это КПСС тех времен глупо, ибо речь идет о мировоззрении, об идеалах, которые очевидно доминировали в обществе в тот конкретный период.

Да и с точки зрения разума: к кому апеллировали диссиденты? К США, залившим в те годы кровью Вьетнам? Разве у них права человека были на уме? В Панаме в декабре 1989 г. убили 7 тыс. ни к чему не причастных людей, чтобы доставить подозреваемого (!) Норьегу в суд. Норьегу — агента ЦРУ, личного друга Дж. Буша, который в чем-то провинился перед хозяевами. Это сегодня, на короткий срок у нашей интеллигенции произошла такая аберрация, что ей Батиста предпочтительнее Кастро, а Пиночет просто идеал демократа. В 70-е годы апелляция к США воспринималась (и вполне разумно), как натравливание Запада на весь наш народ. Пожалуй, и сегодня обращения к Олбрайт или Дж. Бушу с просьбой наказать Путина не вызвали бы симпатии у населения России — что же говорить о годах холодной войны.

Я сказал о честности выступления Ковалева. Но в ней большой изъян. Ведь он выступил против КПСС не из вакуума — он согласился быть свидетелем определенной стороны, представленной Ельциным, Бурбулисом и пр. Он вошел в их бригаду, и тем самым взял на себя ответственность за их дела. Так ли безупречна эта фракция, чтобы было честным морализаторство в ее интересах?

Да ни в коем случае, и невозможно поверить, что Ковалев этого не понимал. И если КПСС — зло, то как минимум все эти Ельцин, Шеварднадзе, Снегур и прочие экспартократы — тоже зло. И в самом лучшем случае в их тяжбе речь может идти о выборе *меньшего зла*, но тогда рухнет вся схема столкновения Добра и зла, на которой построил свое выступление Ковалев. И всякое морализаторство и призывы к покаянию становятся нечестными. Какое из этих зол меньшее — вопрос далеко не очевиден. Именно поэтому правозащитники вроде Л.Богораз при виде расстрелянных Бендер набрали в рот воды — они подписали контракт с упомянутой фракцией Ельцина — Снегура и стали *соучастниками* ее дел. Так нечего рядиться в тогу морализатора, честнее быть просто ландскнехтом политической партии, которую ты выбрал для службы.

И еще одну нечестность я вижу в самом ядре выступления Ковалева. Сегодня, 60 лет спустя, он возлагает вину на КПСС и весь народ за преступления Сталина, отстоящего от нас на два поколения и несколько исторических эпох. И ни слова о том, что проделала *его*, Ковалева, партия за последние 7 лет и о том, что она делала в момент суда. Что, разве расстрелы в Ходжаллы и в Бендерах — стихийное бедствие, а не результат определенной политики? Этой политики не хотело подавляющее большинство народа («совки с неправовым сознанием») и не хотела динозавр-КПСС — за исключением Горбачева и его друзей-конкурентов. Горбачев и Ельцин эту политику делали, а Ковалев (и подобные ему правозащитники) молчали или аплодировали — помогали. Ведь это уже — очевидный, экспериментальный факт. Разве здесь нет сегодняшней, осязаемой вины — не отцов и дедов, а лично Ковалева и «его стороны» в конституционном суде? Вот бы

ему и поговорить о личном покаянии — это было бы уместно как прелюдия.

Интеллектуалы-демократы неуклюже оправдываются: ах, мы не знали, что так получится, хотели всего лишь разрушить империю! Вот доктор наук из Института философии Э.Ю.Соловьев поучает: «Сегодня смешно спрашивать, разумен или неразумен слом государственной машины в перспективе формирования правового государства. Слом произошел. И для того, чтобы он совершился, отнюдь не требовалось «все сломать»... Достаточно было поставить под запрет (т.е. политически ликвидировать) правящую коммунистическую партию. То, что она заслужила ликвидацию, не вызывает сомнения. Но не менее очевидно, что государственно-административных последствий такой меры никто в полном объеме не предвидел. В стране, где все управленческие структуры приводились в движение не материальным интересом и даже не чиновным честолюбием, а страхом перед партийным взысканием, дискредитация, обессиление, а затем запрет правящей партии должны были привести к полной деструкции власти. Сегодня все выглядит так, словно из политического тела выдернули нервную систему. Есть головной мозг, есть спинной мозг, есть живот и конечности, а никакие сигналы (ни указы сверху, ни слезные жалобы снизу) никуда не поступают. С горечью приходится констатировать, что сегодня — после внушительного рывка к правовой идее в августе 1991 г. — мы отстоим от реальности правового государства дальше, чем в 1985 г.»

В каждой фразе кривит душой философ и усугубляет вину своего цеха. Выполняя заказ, он опять доказывает, что можно обсуждать лишь действия ушедших вождей — а прошлогодние дела обсуждать даже «смешно». И правомерность запрета КПСС «не вызывает сомнения» — ведь наверху-то решили! Но напрасно ученый скромно прячет-

ся за словом «*никто*», говоря, что якобы не предвидели катастрофических последствий «выдергивания нервной системы» из тела традиционного общества. Эти последствия не просто «предвидели» и Горбачев, и Яковлев, и их консультанты из корпорации «РЭНД». Эти последствия настолько хорошо изучены и в истории, и в социальной философии, что результат можно считать теоретически предписанным. Да и эксперименты были проведены. Югославия была намного либеральнее СССР, намного «западнее», но и там процесс не отклонился от теории. И смысл всего проекта, защитником которого выступил Ковалев — новый виток войны против России с извечной апелляцией к Западу и опорой на его мощную поддержку.

Разрушение мира символов

В том мире культуры, который создан человеком (общественным человеком) и в котором он живет, особое место занимает *мир символов* («универсум символов»). Символы — отложившиеся в сознании образы (призраки) вещей, явлений, человеческих отношений, общественных институтов, которые приобретают метафизический смысл, то есть смысл, выходящий за рамки физического существования тех объектов, из которых выделился символ. Символы — часть оснащения нашего разума. Оно все время развивается, достраивается, но оно может быть и разрушено или повреждено. Символы образуют свой целый мир, сотрудничают между собой, борются — усилиями нашего сознания и воображения. Мы в этом мире живем духовно, с символами непрерывно общаемся и под их влиянием организуем нашу земную жизнь. Но мир символов с этой земной, обыденной жизнью не совпадает, символы приходят к нам из традиции, у них другой ритм времени и другие законы.

Каждый из нас «утрясает» свою личную биографию через символы, только с их помощью она укладывается в то время и пространство, где нам довелось жить. Они, как носители знания о Добре и зле, направляют наши поступки, советуют запомнить одни и забыть другие, лепя из каждодневной рутины нашу личную историю. Мир символов легитимирует жизнь человека в мире, придает ей смысл и порядок. Религия — один из «срезов» мира символов, но и без нее этот мир очень богат и полон.

Мир символов упорядочивает также историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В отношении прошлого символы создают нашу общую память, благодаря которой мы становимся народом — так же, как братья и сестры становятся семьей, сохраняя в памяти символы детства, даже отрывочные, зыбкие, как призраки — вроде песни матери, уходящего на войну отца или смерти деда. В отношении будущего символы соединяют нас в народ, указывая, куда следовало бы стремиться и чего следовало бы опасаться. Через них мы ощущаем нашу связь с предками и потомками, что и позволяет человеку принять мысль о своей личной смерти. Мы обретаем космическое чувство, и оно поддерживает нас в бедствиях и суете обыденной жизни.

Тем свойством, благодаря которому символы выполняют свою легитимирующую и направляющую роль, является авторитет. Символ, лишенный авторитета, становится разрушительной силой — он отравляет вокруг себя пространство, поражая целостность сознания людей.

Человек, не уважающий авторитет символов, образовал ту совокупность людей-атомов, которые в XX в. стали определять лицо западного общества. Испанский философ Ортега-и-Гассет описал этот тип в печальной книге

«Восстание масс»: «Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы».

Мир символов советского человека и стал главным объектом духовного воздействия в антисоветской программе.

Государство опирается на «культурное ядро» общества, включающее в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли ведут к краху государства. Подрыв совершается через «молекулярную» агрессию в культурное ядро.

Во время перестройки идеологи перешли от «молекулярного» разъедания мира символов, который вели «шестидесятники», к его открытому штурму. В специальной литературе этот проект излагается спокойно и деловито. Многое достигнуто, результаты поддаются строгому изучению, а их связь с воздействием на сознание может быть надежно доказана (это касается, например, динамики насилия).

Культурное ядро советского народа было основано на соединении рациональности (ума) и единой этики (сердца), которое наблюдается у человека традиционного общества, обладающего, как говорят, естественным

религиозным органом. Так называют способность видеть священный смысл в том, что современному человеку кажется обыденным, профанным, технологическим (речь не идет о религии в обычном смысле слова, и нередко у атеистов этот религиозный орган развит сильнее, чем у формально верующих).

Вследствие этого огромное значение в таком обществе приобретает авторитет, не подвергаемый проверке рациональными аргументами. Население СССР испытывало влияние авторитета священных символов и институтов — Родины, Государства, Армии. И дело не в декларациях. Дело в сокровенных переживаниях и угрызениях совести, которые редко и, как правило, странным образом вырываются наружу.

Поскольку советское государство было *идеократическим*, его легитимация опиралась именно на авторитет символов и священных идей, а не на спектакль индивидуального голосования (политический рынок). Многочисленные высказывания и демократов, и патриотов, о том, будто советский строй сузил мир символов до «классовых ценностей», являются следствием незнания или сознательным обманом. Насколько нелепы эти утверждения, видно уже из того, что СССР был единственной страной европейской культуры, где была проведена государственная кампания по массовому изданию и введению в систему воспитания народных сказок и классической литературы.

Конечно, прочность мира советских символов была подорвана намного раньше, чем пришел Горбачев. После смерти Сталина сама власть начала не обновление своих символов, а их разрушение или принижение. Параллельно с 60-х годов была запущена машина манипуляции сознанием со стороны разношерстной «партии антисо-

ветской революции» — «сотрудников-врагов» номенклатуры типа Сахарова (западника), Солженицына (почвенника) или Шафаревича (просвещенного патриота) — редкого симбиоза антисоветских интеллектуалов.

Проект разрушения нашего мира символов (прежде всего, через очернение и осмеяние) еще ждет своего историка. Однако контуры его видны уже сегодня. Интеллигенты-западники даже бравировали своим бесстрашием в манипуляции с символами, в солидных журналах прошел поток публикаций на эту тему.

Жизнь без символов, без опоры, в пустоте стала выдаваться за образец. Вот, популярный в годы перестройки философ Померанц пишет в «Независимой газете»: «Что же оказалось нужным? Опыт жизни без почвы под ногами, без социальной, национальной, церковной опоры. Сейчас вся Россия живет так, как я жил десятки лет: во внешней заброшенности, во внешнем ничтожестве, вися в воздухе... И людям стало интересно читать, как жить без почвы, держась ни на чем». Жизнь «человека из подполья», без почвы, навязывалась всей России.

Очень быстро идеологи стали перенимать, «один к одному», западные технологии разрушения символов. Вот как, например, в США вытравили память о 1 Мая. Этот день стал праздником международной солидарности трудящихся в память о событиях 1886 г. (тогда была проведена провокация против рабочей демонстрации, в кровопролитии были обвинены и казнены несколько анархистов). Праздник был связан с кровью и имел большой подспудный символический смысл. Учрежден он был в поддержку борьбы американских рабочих за 8-часовой рабочий день. Рейган в 1984 г. объявил 1 мая «Днем закона» (в честь «200-летия соединения закона со свободой», по поводу чего был устроен шумный праздник). Затем к

1 мая стали приурочивать разные шумные акции, например, в 1985 г. в этот день Рейган объявил эмбарго против Никарагуа. Главное было — изъять из исторической памяти сами понятия о солидарности трудящихся.

Буквально тем же способом действовали антисоветские идеологи в России — при пособничестве руководства «независимых» профсоюзов они стали называть 1 Мая «Днем весны и труда». 7 ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил «отныне считать Днем Согласия».

Сильнодействующим средством разрушения было осмеяние, идеологизированное острословие, имеющее своим объектом именно скрепляющие общество символы. Хазанов и Жванецкий, Задорнов и Петросян стали влиятельными реальными политиками.

Важную роль играло осмеяние символов государственности. Поднимите сегодня подшивку «Огонька», «Столицы», «Московского комсомольца» тех лет — захлебывающаяся радость по поводу любой аварии, любого инцидента. А разве не на это было направлено устройство грандиозного концерта поп-музыки на Красной площади и именно 22 июня 1992 г.? Красная площадь — один из больших и сложных символов, олицетворяющих связь поколений. Это хорошо известно. Вот что пишет французский философ С.Московичи: «Красная площадь в Москве — одна из самых впечатляющих и наиболее продуманных. Расположена в центре города, с одной стороны ее ограничивает Кремль. Этот бывший религиозный центр, где раньше короновались цари, стал административным центром советской власти, которую символизирует красная звезда. Ленин в своем мраморном мавзолее, охраняемом солдатами, придает ей торжественный характер увековеченной Революции. В нишах стены по-

коятся умершие знаменитости, которые оберегают площадь, к ним выстраивается живая цепь, объединяющая массу вовне с высшей иерархией, заключенной внутри. В этом пространстве в миниатюре обнаруживает себя вся история, а вместе с ней и вся концепция объединения народа».

Все это прекрасно знали антисоветские идеологи, потому и устроили тут концерт. И чтобы даже у тугодума не было сомнений в том, что организуется святотатство, диктор телевидения объявил: «Будем танцевать на самом престижном кладбище страны». То, что в могилах на Красной площади лежит много ненавистных демократам покойников, несущественно. Цель — обесчестить святое для русского государственного сознания место (ведь не только Мавзолей наблюдал кривлянье, а и могила Василия Блаженного).

Важный метод вторжения в мир символов — осквернение могил или угроза такого осквернения. Этот метод регулярно применяется политиками уже почти десять лет. Вдруг начинается суэта с угрозами в отношении Мавзолея Ленина. Через какое-то время эта суэта прекращается по невидимому сигналу. Если учесть, какие фигуры в нее вовлекаются (вплоть до патриарха), то уровень руководства такими акциями надо признать высоким.

Активность вокруг Мавзолея всегда инициируется людьми образованными (Г.Старовойтова, Марк Захаров и т.п.). Они не могут не понимать, что Мавзолей — сооружение культовое, а могила Ленина для той трети народа, который его чтит, имеет символическое значение сродни религиозному.

В первой главе уже говорилось о том, насколько широкая и планомерная программа проводилась и проводится с целью подрыва всего строя символов, связанных

с Великой Отечественной войной. Известный английский военный историк Дж.Эриксон отмечал, что во время перестройки в СССР возник «капитулянтский курс на демонтаж принципиальных итогов войны». Один из способов подрыва авторитета символов войны — пробуждение симпатий или уважения к тем, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР. Симпатий или уважения по разным основаниям — кто-то, как Власов, боролся со сталинизмом, кто-то имеет поэтический талант.

Здесь надо снова подчеркнуть, что эта кампания почти не имела бы силы, если бы велась только откровенными «западниками». Именно участие в ней «патриотов» придает ей большую силу — не путем сложения усилий, а вследствие мощного кооперативного эффекта. Роман Г.Владимова, обеляющий предателя Власова («Генерал и его армия») должен получить знак патриотического качества в виде высокой похвалы от В.Бондаренко. Сам В.Бондаренко, завоевав авторитет шумной атакой на генетика-невозвращенца Тимофеева-Ресовского, может после этого заниматься реабилитацией целой категории предателей. Да еще с какой патетикой: «Казненные молчанием» («Слово», 1991, № 10). Речь о писателях, которые пережили ужасный «двадцатилетний опыт советчины» и наконец-то, благодаря приходу оккупантов, смогли заговорить.

Вот как это трактует В.Бондаренко: «Замкнув свои уста в довоенный период, оказавшись по разным причинам на оккупированной территории, поэты здесь дерзнули заговорить открыто, зная, что после этого назад пути нет... Многие из них работали в русских газетах на оккупированной территории». Что ж, у каждого свое оружие — одни партизан вешали, другие в «русской» газете,

издаваемой немцами, трудились. Причем, скорее всего, добровольно, а не под угрозой расстрела или голодной смерти, как большинство простых власовцев. И с какой жалостью пишет об их судьбе после Победы наш патриотический идеолог: «А пока вернемся к несчастным беженцам, не нужным западной демократии, вылавливаемым советскими спецкомандами... Полиция всех стран помогала смершевцам вылавливать русских беженцев, особенно изощрялись англичане, не уступавшие подручным Берии и Гиммлера». Какая изощренная логика! Ведь эти «русские беженцы», которых вылавливают «советские спецкоманды», как раз и есть «подручные Гиммлера».

Новый подход к деградации символов Отечественной войны был введен в действие уже в годы перестройки — обвинение советского государства, а потом и вообще советских людей того времени в жестоком отношении к немцам, в том, что их «ограбили» и т.д. Публикация в специальных исторических журналах материалов, рисующих истинную картину, не могла нейтрализовать эту кампанию, для которой были предоставлены средства массовой информации. Не проникали к нам и документы из Германии. Идеологи, которые подняли тему, знали истину, но она для них никакого значения не имела.

Перечень символов, которые были сознательно лишены святости в общественном сознании, обширен. Дело не ограничивалось теми, которые непосредственно связаны с политическим строем или вообще государственностью Руси, России и СССР (Сталин, затем Ленин и т.д. вплоть до Александра Невского и князя Владимира). Много мазков было сделано и по образам Пушкина, Шолохова, Суворова и т.д.

Особое место в технологии «штурма символов» занимает очернение или осмеяние образа мучеников. Рань-

ше говорилось о том значении, которое имела атака на образ Зои Космодемьянской, вошедшей в пантеон мучениц нашего народа.

Еще более показательны «второе убийство» Павлика Морозова. В массовом сознании было создано ложное мнение, что Павлик Морозов олицетворяет фанатическую приверженность тоталитарной идее и преданность власти, ради которых идет на предательство отца. Это представление стало настолько всеобщим, что даже видные деятели «красной» оппозиции, не говоря уж о писателях-патриотах типа В.Крупина, включили его в свой арсенал.

Все мы с детства воспринимали этот образ как символ трагедии, высших человеческих страстей — мальчик, убитый своим дедом. Сущности дела почти никто и не знал. Дошло до того, что многие были уверены, что мальчик указал место, где отец-кулак спрятал хлеб от продразверстки — это в 1932 году! Почти никто не знал даже, что как раз отец Павлика и был властью — председателем сельсовета. Что именно он мучил и обирал кулаков, высланных в их деревню, за что и попал под следствие.

Насколько был важен этот отрок-мученик как символ, показывает масштаб кампании по его очернению. В ней приняли непосредственное участие такие активные деятели перестройки как журналист Ю.Альперович и писатель В.Амлинский, критик Т.Иванова и литературовед Н.Эйдельман, обозреватель «Известий» Ю.Феофанов и педагог С.Соловейчик, и даже человек такого ранга, как Ф.Бурлацкий — помощник Брежнева и Горбачева, депутат, впоследствии главный редактор «Литературной газеты». Они скрупулезно и в течение целого ряда лет создавали абсолютно ложную версию драмы, представляя аморальным чудовищем жертву — убитого ребенка! Да еще убитого вместе с пятилетним братом.

Представьте, насколько хладнокровно была спланирована вся эта операция, если уже в 1981 г. Ю.Альперович пытался собрать порочащие Павлика сведения у его матери и учительницы, орудуя под чужой фамилией! Показательны повадки: трудно найти выступление или публикацию какого-либо из этих деятелей, где бы явно и в целостном виде было сформулировано обвинение против Павлика. Всюду говорится туманно, намеками, обиняком. Никаких фактов, только «мнение» или отсылка к «общеизвестным вещам». Трудно схватить Бурлацкого или Амлинского за шиворот и потащить их в суд за клевету на близкого человека. Черный миф о Павлике Морозове строился главным образом через умолчания, искажение информации и ложные ассоциации. Ну, и публика хороша — почему-то охотно верила именно подлым наветам.

Большие усилия были предприняты для снятия символического значения образа *земли*, для дегенерации этого образа до уровня обычного товара (как известно, «не может иметь святости то, что имеет цену»). К.Левистрасс в «Структурной антропологии» специально рассматривает смысл Земли в культуре «незападных» народов — скорее всего, антисоветские идеологи это хорошо знали.

Одним из важнейших символов, скреплявших советское общество, был *труд*. Труд как деятельность, исполненная высокого духовно-нравственного (литургического) смысла, как воплощение идеи Общего дела. Этот символ стал объектом очень интенсивной атаки. В годы перестройки много экономистов и публицистов требовали устранить из самой категории труда его духовную компоненту, представить его чисто экономическим процессом купли-продажи рабочей силы. Н.Шмелев писал: «Рубль должен быть поставлен в центр все-

го. Он и только он должен быть наградой за усердный труд» («Знамя, 1989, № 1).

Вся кампания по подрыву мира символов, которая велась средствами культуры — словом — оказала на советский народ, и прежде всего на русских, исключительно тяжелое разрушительное воздействие. Оно во многом предопределило глубину культурного кризиса, который выразился в скачкообразном повышении смертности, вспышках насилия, огромном числе несчастных случаев. Лечить общественное сознание придется еще очень долго. Нашему массовому сознанию необходима целая программа реабилитации — а между тем «штурм символов» не прекращается.

Требование свободы

Если очистить антисоветскую идеологию от шелухи, то увидим, что советский образ мысли сломали идеей свободы.

Понятие свободы было главным полем боя против всего советского жизнеустройства. Ведь это понятие соединяет все уровни человеческого существа и его отношений с миром и другим человеком. Либералы (т.е. «борники свободы») утверждали: человек свободен, поскольку он — индивидуум (т.е. «неделимый»). Он есть целостный, ни с кем не разделяемый мир. Он лишен оков всеобщей этики, она заменена правом — «разрешено все, что не запрещено законом». Философ неоллиберализма Ф. фон Хайек в важной книге «Дорога к рабству» повторил эту мысль: всеобщая этика есть тоталитаризм (рабство).

Эта формула свободы, на которой построена концепция рыночной экономики и гражданского общества, вытекает из картины мира, что сложилась в XVII—XVIII ве-

ках. Не уходя в дебри, скажу, что условием для такого понимания свободы была уверенность в открытости и бесконечности нашего мира и его ресурсов, в разделении субъекта и объекта (выведении человека за пределы Природы).

На этом поле и столкнулись советское и антисоветское представление о свободе и рабстве. Многие в этой схватке превратились в непримиримых противников из-за глубокого непонимания проблемы и неясности понятий. На мой взгляд, большинство тех, кто губил советский строй, размахивая знаменем свободы, хотело просто-напросто каких-то частичных послаблений и искренне не понимало, что подпиливает несущие конструкции всего жизнеустройства. Эти люди втянулись в обычный конфликт модернизированной части общества со стесняющими ее оковами общинности. Они желали либерализации лишь в той мере, в какой ощущали эти неудобства, но во все не хотели, чтобы было разрушено само общество.

Напротив, имелось и небольшое меньшинство, которое давно уже стремилось использовать кризис модернизации именно в целях подрыва цивилизационных основ советского общества. Этим людям не требовалось улучшения советского строя, они мечтали о его ликвидации. Они как раз выдвигали внешне безобидные требования частичной либерализации, часто ссылаясь при этом на Маркса и Ленина, прекрасно понимая, что эти требования подрывают устои советского жизнеустройства.

В чем же суть конфликта? Ведь он возник не сегодня, уже в начале XX века проблема свободы в России была поставлена как проблема отношения человека к миру (или к Богу) — и к другому человеку. Достоевский и Толстой отвергали свободу западного либерализма. Свобода, лишенная оков «иррациональной» этики (Бога, любви

и совести), в представлении мыслителей традиционного общества — это свобода бесов. Ее утверждение неминуемо ведет не только к разрушению самого одержимого, но и к гибели невинных людей, никакой закон их не спасет. Подавление этической ответственности означает и подавление свободы, сверхчеловек — тоже раб.

Таким образом, речь идет о двух разных философско-религиозных системах, на которых надстраивается все остальное. В моменты кризиса, острого возбуждения общества обе системы порождали крайние, беззаветные движения с кровавым следом. Некоторыми чисто внешними признаками они могли быть даже похожи — при полной внутренней несхожести. На нашей памяти движение «сверхчеловеков» — фашизм, и вставший против него под знаменем солидарности коммунизм (сталинизм). Гроссман, который якобы не видел между ними разницы, просто разыгрывал наивность. Сходство даже внешних признаков чудовищно преувеличено. Спросил бы у Разгона — есть ли разница между Освенцимом и Беломорканалом?

Когда напирала фашисты, все было ясно. А сегодня, со сменой оружия — все вдруг так смутно. Почему же? Ведь суть конфликта несколько не изменилась. Другое дело, если бы антисоветские идеологи прямо заявили: большинство русских (татар, чувашей и т.д.) отказалось от Достоевского и Толстого и думает как Ницше и фон Хайек. Но ведь нет этого! Множество признаков говорит о том, что представления о свободе и ответственности, выраженные философами, учеными, поэтами и солдатами России, подтверждены. Никакой Реформации в России не произошло и не будет.

Постараемся уменьшить непонимания, сняв несколько слоев противоречий. Первое из них заключается в том, что людей сумели увлечь в область аутистических

представлений о свободе, которые несовместимы с реальным соотношением свободы и необходимости, свободы и ответственности.

Чтобы отключить выработанное культурой и здравым смыслом недоверие к разрушительным идеям, была проведена интенсивная кампания по созданию стыда или хотя бы неудобства за «рабскую душу России». В ход пошел и Чехов с его «выдавливанием раба по капле», и модный фон Хайек с его «дорогой к рабству», и Э. Фромм со «страхом перед свободой». Отсюда, кстати, выросли многие разделы антисоветской философии. Вычитали у фон Хайека, что «для всех великих философов индивидуализма власть — абсолютное зло», и уверовали в обоснованность своей крайней антигосударственности. Так же восхитили наших демократов призывы фон Хайека не бояться идти ради свободы на жертвы и презирать *защищенность*.

Он советовал: «И надо вновь вспомнить слова Бенджамина Франклина, выражающие кредо англосаксонских стран: «Те, кто в главном отказывается от свободы во имя временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности». Как мило слушать эти советы рабовладельцев в России! Ведь это кредо сытого человека. Это у него главное — свобода, это для него государство — *абсолютное зло*. А если у тебя ребенок плачет без хлеба? А если на тебя прет немец, обещавший вообще стереть твой народ с лица земли? В том-то и дело, что антисоветское мышление возникло у людей, лишившихся исторической памяти и о голоде, и о Хатыни.

Кампания по обличению «тысячелетней рабы» была настолько мощно и разнообразно оркестрованной, что удалось достичь главного — отключить здравый смысл и логику в подходе к проблеме свободы. Кто-то робко или

злбно огрызался: врите, мол, Россия не раба, мы тоже любим свободу. Но не приходилось слышать, чтобы какой-то видный деятель обратился с простой и вообще-то очевидной мыслью: «Люди добрые, да как же можно не бояться свободы? Это так же глупо, как не бояться огня или взрыва».

Стоит только задуматься над понятием «страх перед свободой», как видны его возможности для манипуляции. Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание «несвобод» — наложение рамок и ограничений на дикость. Что такое язык? Введение норм и правил сначала в рычание и визг, а потом и в членораздельную речь и письмо. Ах, ты требуешь соблюдения правил грамматики? А может, и вообще не желаешь презреть оковы просвещения? Значит, ты раб в душе, враг свободы.

Представим, что вдруг исчезло организованное общество и государство, весь его «механизм принуждения», сбылась либеральная утопия «свободного индивидуума». Произошел взрыв человеческого материала — более полное освобождение, чем при взрыве тротила. Какую картину мы увидели бы, когда упали бы все оковы угнетения — семьи, службы, государства? Мы увидели бы нечто пострашнее, чем борьба за существование в джунглях — у животных, в отличие от человека, не подавлены и не заменены культурой инстинкты подчинения и солидарности. Полная остановка организованной коллективной деятельности сразу привела бы к острой нехватке жизненных ресурсов и массовым попыткам завладеть ими с помощью грубой силы.

Короткий период неорганизованного насилия заставил бы людей вновь соединяться и подчиняться угнетающей дисциплине — жертвовать своей свободой. Одни —

ради того, чтобы успешнее грабить, другие — чтобы защищаться. Первые объединились бы гораздо быстрее и эффективнее, это известно из всего опыта. Для большинства надолго установился бы режим угнетения, эксплуатации и насилия со стороны «сильного» меньшинства.

Взрыв такой свободы Россия наблюдала после февраля 1917 г. и понесла от него тяжелейший урон. М.М.Пришвин, наблюдая во время революции и гражданской войны за людьми в деревне и маленьких городах, много думал над тем, какие социальные типы являются противниками коммунистов. В своих дневниках он описывает эти типы в разных вариациях, глядя на них под разными углами. Вот одна из его записей, 20 января 1919 г.:

«Власть — это стальная проволока, провод необходимости, из оборванного провода необходимости вылетают искры свободы, дикий свет этих искр зловещим пламенем осветил тьму, и так будет, пока ток не будет заключен.

Тогда вышел какой-то разноглазый Фомкин брат и начал с своей «точки зрения»: он дикий анархист, ворует лес, разрушает усадьбы — «змеиные гнезда» и что ему надо жить — аргумент против коммуны. Эта чернь косяглая преступная уже отмахнулась от коммуны... Их существование, как подтверждение монархии, их может удовлетворить только бесспорная власть, которая насядет так, что и пикнуть невозможно, они оборванные концы провода необходимости (власти) с вылетающими искрами свободы, дикий свет этих искр освещает тьму, пока ток не будет замкнут и сила заключения не двинет винт фабрики, поезда, машины... Три класса: шалыган, маленький человек, буржуй — все против коммуны».

Я представил картину этого «взрыва свободы» в нынешнее время, как абстракцию. На деле в СССР после ис-

кусственного подавления «страха перед свободой» была создана обстановка, в которой многие черты этой абстракции воплощены в жизнь. Уже в 1986 г. прошла серия структурно схожих катастроф, вызванных освобождением от «технологической дисциплины». Мы потрясены Чернобылем и не заметили множества малых аварий и катастроф, удивительно схожих по своей природе с чернобыльской. В 1988 г. власти дали свободу от норм международного общежития — потекла кровь на Кавказе, в Фергане. Через год была разрушена финансовая система СССР, а затем и потребительский рынок — всего лишь небольшим актом освобождения (были сняты запреты на «обналичивание» и на внешнюю торговлю).

Что было дальше, хорошо известно — распад государства и производственной системы, появление огромного количества «свободных» людей (мелких торговцев, шатающихся по всему миру жуликов и студентов, проституток, бомжей и беспризорников). А также взрастание многомиллионного, почти узаконенного свободной моралью преступного мира, который изымает и перераспределяет жизненные блага насилием. Свободные от закона и морали чиновники и предприниматели могут теперь не платить зарплату работникам — об этом десять лет назад даже помыслить никто не мог, такой прогноз приняли бы за бред сумасшедшего.

Подавив, средствами манипуляции сознанием, «страх перед свободой», идеологи уничтожения советского строя соблазнили людей жизнью без запретов — так же, как средневековый крысолов в отместку городу, где ему не выдали обещанного золота, сманил своей дудочкой и увел всех детей этого города. Его дудочка пела: «Пойдемте туда, где не будет взрослых с их запретами».

Вот первый вывод: в основании всей антисоветской концепции свободы лежала ложная посылка о свободе как отрицании норм и запретов, бывших якобы порождением советского тоталитарного строя. Вместо диалога о «выборе несвобод» людям внушили разрушительную мысль о ликвидации норм и запретов. Между тем только через огромную и разнообразную систему несвобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим.

В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги — а червяк не может».

Отказ от обсуждения тех ограничений и «несвобод», которые придут на смену советским ограничениям и несвободам, выдает недобросовестный характер антисоветских рассуждений. Ведь даже в связи с совершенно конкретными утверждениями наших демократов были сделаны предупреждения виднейшими западными философами и политиками. Например, одним из главных пунктов в антисоветском проекте было признание безработицы — но Улоф Пальме в книге «Шведская модель» специально обсуждал роль безработицы как самого мощного средства сокращения свободы человека.

Еще более общим требованием «антисоветской партии» было достижение экономической свободы, «свободы рынка». На этот счет высказался К.Поппер, философ открытого общества, либерал, которого так превозносили наши демократы. В своей главной книге «Открытое об-

щество и его враги» он писал: «Неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода... Дело в том, что тот, кто обладает излишком пищи, может заставить тех, кто голодает, «свободно» принять рабство, не используя при этом никакого насилия».

Лидер германских социал-демократов О.Лафонтен сказал проще: «Там, где свобода рынка становится самоцелью, там ограничивается свобода человека» («Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире». М., 1990, с. 155).

Второй источник непонимания, которое эксплуатировали антисоветские идеологи, был создан тем, что категория свободы была представлена как *общечеловеческая*, не зависящая от времени и пространства, от культуры и исторических условий. На самом же деле трудно назвать другое понятие, столь изменчивое и зыбкое, как свобода. Можно сказать, что без четкого изложения ее профиля, без дотошного перечисления ее признаков вообще нельзя даже грубо представить себе, что подразумевает под этим словом та или иная социальная группа.

Вот пример, сколь различны были представления о свободе в одной и той же культуре почти в одно и то же время. Парижане, штурмующие Бастилию, были уверены, что идут на этот штурм во имя свободы. А немного времени спустя Де Токвиль, изучая эту революцию, пишет, что в 1789—1794 гг. люди, «забыв о свободе, пожелали сделаться равными рабами»).

Для православного человека идея ловить в Африке людей и продавать их в рабство показалась бы абсолютно несовместимой с понятием свободы, а философы либерализма думали иначе. Один из отцов либеральной философии Джон Стюарт Милль писал: «Деспотизм мо-

жет быть оправдан, когда дело идет о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу. Свобода не применима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы; в таком случае лучшее, что они могут сделать для достижения прогресса, — это безусловно повиноваться какому-нибудь Акбару или Карлу Великому, если только так будут счастливы, что в их среде найдутся подобные личности». Африканцы не были так счастливы, и пришлось ношу Карла Великого взвалить на себя белому работорговцу.

Думаю, каждый согласится, что во время перестройки подавляющее большинство советских людей было уверено, что переход от нашего «тоталитаризма» к свободному обществу будет означать торжество социальной справедливости. Мы же Фон Хайека не читали, мы верили его поклонникам типа А.Н.Яковлева. А Фридрих фон Хайек писал в 1975 г.: «Попытка осуществить социальную справедливость несовместима с обществом свободных людей».

В общем, можно считать, что все рассуждения антисоветских идеологов о свободе были построены на большом методологическом подлоге — саму категорию свободы они представили широкой публике ложно. Но как же все-таки содержание этой категории — не у тех, кто стал объектом манипуляции, а у сознательных сторонников антисоветского переворота? Причем сознательных не исходя из своих временных шкурных интересов, не из надежды поймать рыбку в мутной воде переворота, а тех, кто отрицал саму сущность советской структуры свобод и несвобод. Можно ли реконструировать их туманно высказываемые идеалы?

Политики уходят от сути конфликта, обсуждая проблемы второго уровня, а то и вообще административные («свобода подписки на газеты и журналы!»). Для выяснения сути конфликта надо брать вещи фундаментальные и чистые. Свобода слова! Свобода самая чистая и вроде бы самая бесспорная.

Тут проблема в том, что эта свобода никем под сомнение не ставится, даже Ниной Андреевой. А между тем на ней-то и можно все проверить. Потому-то разрушение наших культурных устоев ради «возвращения в цивилизацию» как раз и началось с требования «полной гласности», что в пределе это и есть абсолютный деспотизм господствующего меньшинства. Полная гласность («прозрачность»), например, возможность читать мысли друг друга, сделала бы совместную жизнь людей невозможной. Она бы сразу привела к полной атомизации, разъединению людей, что и является идеалом либерализма. Человеческие связи разрываются порой просто потому, что «доброхоты» сообщают тебе то, что ты и так знаешь, но про себя. Это — твое сокровенное, о чем не должны говорить посторонние.

Во время выборов 1993 г. ведущие телевидения любили «срезать» кандидатов хитрым вопросом: «Как вы думаете, допустима ли цензура?» Мол, скажет «да, допустима» — попался, сталинист. А ведь вопрос достоин идиота. Стоит чуть-чуть подумать, и видно: без цензуры вообще не существует общества и человека. Человек возник из обезьяны именно благодаря моральным запретам на свободное проявление инстинктов. Откуда взялось само понятие «нецензурное выражение»? Из того факта, что есть цензура — запрет на использование в нормальной ситуации определенных слов.

Не место здесь поднимать эту большую тему, но ведь цензура — охранитель слова. Более того, даже художественное слово без цензуры вянет (говорят: «Отмена цензуры подпиливает зубы слову»). М.М.Пришвин, вспоминая «трескучее время» по сравнению с советской цензурой, записал 12 января 1919 г.: «Кто знает, быть может, цензурное насилие над словом играет роль снега, засыпавшего теперь наши поля: он губит стебли и цветы, но сохраняет молчаливые подземные корни».

Постыдное убожество антисоветской мысли уже в том, что свободу слова представили не как проблему бытия, а как критерий для дешевой политической оценки: есть свобода слова — хорошее общество, нет свободы слова — плохое. Если в наше плохое общество внедрить свободу слова, оно станет получше.

На деле речь идет о двух разных типах общества. «Освобождение» слова (так же, как и «освобождение», превращение в товар, денег, земли и труда) означало прежде всего устранение из него святости, искры Божьей. Оно означало также отделение слова от мира (от вещи). Слово, имя переставало тайно выражать заключенную в вещи первопричину. Это была культурная мутация, скачок от общества традиционного к гражданскому, западному. Но к оценке по критерию «плохой-хороший» это никакого отношения не имеет, для этого важна совокупность всех данных исторически черт общества. И гражданское общество может быть мерзким и духовно больным и выхолощенным, и традиционное, даже тоталитарное, общество может быть одухотворенным и возвышающим человека.

По своему отношению к слову сравнение России и Запада дает прекрасный пример двух типов общества. Вот Гоголь: «Обращаться со словом нужно честно. Оно

есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» Какая же здесь свобода слова! Здесь упор на ответственность.

Что же мы видим в западном обществе? Вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Рена-ном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Таким образом, слово становится автономным по отношению к морали. На деле свобода слова означает полную безответственность. Это — очень специфическая вещь, не имеющая ничего общего с понятием свободы ответственной личности.

Утверждаю как общий тезис: с точки зрения сохранения сложных и тонких общественных структур свобода сообщений неприемлема. Наличие этических табу, реализуемых через какую-то разновидность цензуры, является необходимым условием для сдерживания разъединяющего действия информации на приемлемом уровне.

И это не зависит от того, истинна информация или ложна. Когда то и дело слышишь, что научное знание всегда есть добро, вспоминается реплика Ницше: «Где древо познания, там всегда рай» — так вещают и старейшие, и новейшие змеи». Исследователь, подобрав упавший с пиджака волос, определяет генетический профиль человека. Появляется новое знание, но если оно сообщено, оно может резко изменить жизнь человека (например, страховая компания не желает иметь с ним дела из-за риска ранней смерти). Чем больше мы втягиваемся в «информационное общество», тем большее значение для каждого приобретает информация — просто знание, до всякого его приложения.

Антисоветский проект предполагал повторение в России той культурной мутации, которую претерпел Запад в ходе Реформации и слившейся с ней Научной революции. Неразрывная связь свободы познания, свободы информации и свободы предпринимательства лежит в основании модели западного общества. Кстати, идея свободы предпринимательства неразрывно связана и с идеей классовой борьбы как варианта узаконенной «войны всех против всех». Эта идея также стала важной частью антисоветского проекта.

В сущности, главным объектом антисоветской пропаганды был подрыв устоев *общества-семьи*. Эта пропаганда оказалась наиболее действенной в самой модернизированной части общества, в среде интеллигенции. Как уже не раз говорилось, «мы не знали общества, в котором живем» и принимали почерпнутую из обществоведения идею, что советское общество — это просто продукт прогрессивного развития того же западного общества, стадия в его «естественной», проходящей в соответствии с законами общественного развития эволюции. Что-то у нас лучше, что-то хуже, есть пережитки прошлого. Много недостатков у нас, мол, было и оттого, что прыжок в эту «новую стадию» произошел по капризу истории в неподготовленной для этого крестьянской стране. Стало модным говорить даже, что пока мы тут со сталинизмом да коллективизацией возились, там-то, на Западе, и построен настоящий социализм. Эта мысль одно время нравилась даже нашей левой оппозиции. Она упрекала наших олигархов и их громилу Ельцина: что же вы, господа? Вот и Запад к социализму идет, у него государственный сектор большой. И нам бы так надо, раз уж мы у Запада учимся.

Целый срез антисоветского мышления сложился на основе категорий *классовой борьбы*. Вот, на Западе она

узаконена, введена в рамки права, сложилась целая культура борьбы, и в результате достигнуто динамичное экономическое и социальное развитие. У каждого рабочего в кастрюле курица, а около дома сносная машина — это благодаря забастовкам. Но и буржуазию эти забастовки заставляют тщательнее вести дела. Что же мы-то? Страна таких замечательных традиций рабочего движения?

И начали эту тему мусолить, а потом и в рабочую среду нести. Ты же рабочий, тебя эксплуатируют, надо же бороться за свои интересы! Цивилизованно, конечно. Теперь не булыжник оружие пролетариата, нужны знания, нужны права, нужен закон о праве на забастовку.

И уже к началу перестройки была подготовлена почва для воззрений, которые полностью разрушали всю конструкцию общества-семьи, накладывали на нее несовместимые с нею представления *общества борьбы*, которое уравнивается силой или угрозой применения силы. Идея легализации забастовок стала одной из главных в т.н. «демократическом движении», а с 1989 г. в программе Межрегиональной депутатской группы Верховного Совета СССР. Началась активная пропаганда этой идеи в печати и на митингах, а также просто лихорадочная агитационная работа в рабочих коллективах. По ряду причин, блестяще описанных в американской советологической литературе, самым подходящим контингентом для этого были шахтеры. В США досконально был изучен опыт стачечной борьбы в России в 1902—1907 гг., очень интересно было читать эти работы.

Тем, кто имел хотя бы интуитивное представление о типе советского общества, идея легализовать забастовки сразу показалась предельно опасной. Они чувствовали, что речь идет не о частичном изменении социальной и политической системы, а о переходе общества в совер-

шенно иной коридор, на совершенно иную траекторию. И как только в этот коридор войдешь, дверь за тобой захлопнется.

Тяжело было смотреть на подготовку, при явном потакании верхушки КПСС, первых больших забастовок. С точки зрения интересов самих рабочих они выглядели как самоубийство, но в эту воронку они затягивали все общество. К числу таких действий можно отнести антисоветские забастовки шахтеров Кузбасса в 1990 г. Множество разумных людей своими руками уничтожали тот строй, в котором они существовали как привилегированная социальная группа. И требовали установить строй, в котором они как социальная группа должны были неминуемо быть превращены в ничтожество.

Шахтеры вообразили (не без помощи манипуляторов), что если шахты приватизируют, а сами они станут акционерами, то они будут продавать уголь за доллары, а все остальное — налоги, цены на энергию, машины, транспортные тарифы и т.д. — останется, как было при советском строе.

Те обществоведы, которые об этом писали, обнаружили потрясающее непонимание типа советского общества — его было бы трудно так имитировать. Обнаружили они, кстати, и отсутствие логики, а также непонимание и типа западного общества. Вот что пишет старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР В.В.Комаровский в статье «Независимое рабочее движение в Советском Союзе» («Общественные науки и современность», 1991, № 1): «Забастовки шахтеров... это шаг к гражданскому обществу... И в то же время это шаг к новой социальной и экономической структуре общества.

Именно летний перелом 1989 г. позволил многим рабочим осознать, что право на забастовку — такое же право, как право на труд, свободу собраний, как другие демократические права... Подобный взгляд на борьбу за свои права бессмысленно интерпретировать как следствие подрывных действий каких-то внешних сил.

Не случайно шахтерское движение, среди участников и лидеров которого поначалу было много членов КПСС (теперь зачастую уже бывших), к первой годовщине своего появления пришло с требованиями о ликвидации привилегированного положения КПСС на производстве, о выводе парткомов с предприятий и национализации имущества КПСС, включая средства массовой информации, с призывами к массовому выходу из рядов партии. Эти требования прозвучали на I съезде шахтеров, они были среди лозунгов политической стачки 11 июля 1990 года...

Что же думают шахтеры о возможной безработице? 56% опрошенных нами шахтеров понимают, что избежать безработицы не удастся и поэтому нужны государственные и региональные программы ее ограничения и помощи безработным. В то же время 26% считают ее безусловным злом и высказываются за ее недопущение».

С первым тезисом специалиста по рабочему движению можно согласиться, *«забастовки шахтеров — это шаг к гражданскому обществу»*. Точнее, это шаг от советского *традиционного* общества, а куда нас от него заведет, пока неясно (более вероятно, что к традиционному же обществу, только несравненно более худшего типа, нежели советское — диапазон традиционных обществ огромен, вплоть до людоедских племенных королевств). Но уже следующий тезис просто нелеп: *«право на забастовку — такое же право, как право на труд»*. Эти два права

именно *взаимоисключающие*, они есть часть правовых систем двух несоизмеримых типов общества. Или право на труд — или право на забастовку, в этом и был фатальный выбор шахтеров, и даже они, похоже, это лучше понимали, чем старший научный сотрудник из АН СССР. Потому-то они, идя на забастовку, уже предвидели безработицу, а еще два года назад им и в голову такое бы не пришло. Хочешь права на забастовку — бери, но не взыщи, прав члена семьи ты тогда иметь не будешь, в том числе права на труд и других типично советских прав.

Кстати, автор той статьи ошибается (или забыл), что в забастовках 1990 г. сыграли свою роль и «подрывные действия каких-то внешних сил». По отношению к Кузбасу «демократы» из Межрегиональной группы были именно внешними силами, для которых шахтеры были всего лишь инструментом в политической борьбе. А разве не был «внешней» силой приезд Ельцина с его авторучкой, которой он прямо на митингах выписывал шахтерам немислимые блага, которые они получают, как только свергнут власть СССР?

И наконец, бурную активность проявляла американская федерация профсоюзов АФТ. Согласно западной прессе, она выделила немалые средства на семинары для руководства стачечных комитетов шахтеров. Эти средства, как водится, кто-то из «независимых» профсоюзных лидеров разворовал (фамилии тоже публиковались), вследствие чего в «международном рабочем движении» возник небольшой скандал. А в Испании для активистов стачкомов был организован роскошный двухнедельный отдых. Он был так красочно расписан в газете «Эль Паис», что у других, отставших активистов слюнки должны были потечь. Так что В.В.Комаровский, заседаая в

Академии наук, не уловил важных деталей. Как говорится, наука не в курсе дела.

Ясно, что забастовка — это метод получения от работодателя и (или) государства каких-то благ путем нанесения ущерба или этому работодателю, или всему обществу. В последнем случае забастовка — это средство давления на правительство. Но получишь ли ты эту выгоду или, наоборот, потеряешь, зависит от баланса сил. Переход к такому способу достижения выгод — это необратимый отказ от принципа переговоров и поиска согласия, принятого в семье. Хотя, понятно, и в семье бывают несправедливости и конфликты. Забастовки 1990 г. были не конфликтом, а разрывом со всеми принципами жизнеустройства по типу семьи. При этом шахтеры и вообще все рабочие, поддержавшие этот разрыв, совершили ошибку, поскольку оказывать давление ни на новых собственников, ни на государство они не могут. «Собственники» получают доход не от труда рабочих, а от разворовывания ресурсов страны.

Но для нас здесь важнее тот факт, что и «честные антисоветчики», и даже «просоветские» историки и философы тоже ошиблись. Они не поняли именно фундаментальных вещей. В 1988 г., выступая в АН СССР, академик И.И.Минц сказал: «Как известно, Сталин запрещал писать о недостатках в деятельности Советской власти. Помню, как Е.М.Ярославский в «Правде» написал о состоявшейся в 30-х годах стачке в Орехово-Зуеве. Сталин объявил ему выговор за разглашение сведений о стачке» («Россия, 1917 год: выбор исторического пути». Круглый стол историков Октября, 22—23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989).

Старый был уже академик, но тут сплеховал. «О недостатках в деятельности Советской власти» Сталин писать не запрещал, он запрещал писать разрушительные

для советской власти вещи. Строя общество-семью, приходилось постепенно, без потрясений гасить инерцию революционного общества классовой борьбы. И об отдельных рецидивах старого мышления и поведения, вроде стачки в Орехово-Зуеве, писать не следовало ни в каком смысле. Борец с Православием Е.М.Ярославский этого тоже не понимал, как и И.И.Минц. Но тому Сталин хоть успел объявить выговор, а в 1988 г. были уже другие времена. После 1991 г. в академической среде началось просто прославление забастовки как «пути в гражданское общество».

Надо сказать, что раскатать антисоветское забастовочное движение оказалось очень непросто. В.В.Комаровский в цитированной выше статье отмечает: «Четыре первых года перестройки рабочий класс оставался практически в стороне от каких-либо форм участия в процессах, набравших силу в стране».

Могли ли мы принять эту модель — от свободы познания до свободы «войны всех против всех» — как философский принцип нашего жизнеустройства? Нет, это было невозможно сделать без полного разрушения всех главных структур советского общества. Вспомним слова философа Научной революции Бэкона: «Знание — сила». Суть негласного спора была в том: может ли накопление силы быть свободно от оков этики? Все ли разрешено, что не запрещено законом?

Либералы отвечают четко: не только может, но и должно быть абсолютно свободно от этики — вот вам принцип свободы познания. Кто, кажется, в нем усомнится. А на деле за этой волей к знанию скрывается воля к власти. Власти над природой и над человеком. За ней стоит субъект-объектное отношение к миру и к человеку. А советский строй исходил из представления о мире

как Космосе, в котором человек — часть мира, связанная с каждой былинкой и каждым человеком.

Антисоветские идеологи, убеждая людей отказаться от советского космического чувства и принять философию индивидуализма, постепенно внушили значительной части интеллигенции странную, ошибочную мысль, будто «свобода по фон Хайеку» означает раскрепощение личности, возможность ее самовыражения. Мысль эта кажется странной потому, что не только практика Запада, отраженная, например, в литературе и кино, не дает никаких оснований для такой иллюзии, но и самые крупные социологи Запада (прежде всего М.Вебер, а в наше время Э.Фромм) доходчиво объясняли, что это именно не так и почему это не может быть так.

Мы не замечаем даже самые великие ценности, когда они привычно нас окружают. Не замечаем же мы, какое это счастье — дышать воздухом. Так же жили мы среди наших людей и не замечали этого их чудесного свойства — каждый из них был *личность*. Он все время о чем-то думал и что-то переживал. Посмотрите на лица людей в метро. Не боясь окружающих, люди доверчиво уходят в себя, и на лице их отражаются внутренние переживания. Один горестно нахмурился, другой чему-то улыбнулся. В метро Нью-Йорка все лица похожи на полицейских — все одинаковы, все вежливы и все настороже. Они как будто охраняют хозяина.

Истинно либеральное общество намного нетерпимее к инакомыслию, чем традиционное советское. Например, не верить в газовые камеры нацистов на Западе — уголовное преступление. В тюрьму — за неверие! Но это так, скандальная штука. И без уголовного кодекса контроль над мыслями там такой жесткий, что все само собой обрывается. Я начал выезжать в капиталистические страны

в 1983 г. Именно единомыслие, одинаковость разных по форме людей — вот что шокировало сильнее всего. Это как сто модификаций ВАЗ-2105 с разными формами кузова и разной окраски. Другое дело, что многим большего и не надо.

В начале 80-х годов я как-то стоял в очереди, ожидая открытия водочного отдела, у себя в микрорайоне. Чтобы убить время, очередь философствовала. Темы в таких очередях обычно брались из жизни, говорить полагалось кратко и выразительно. Перед нами экскаватор копал траншею. Возникла проблема: почему «в пятый раз» копают траншею на одном и том же месте? Почему было не уложить все коммуникации сразу? Выступило пять человек, и были даны такие объяснения, каждое из которых представляло собой целую модель:

1. Плановая система виновата — не могут разные ведомства между собой договориться. Вот если бы был хозяин...

2. Нет, тут дело не в плане. На каждой траншее можно украсть, но немного, чтобы не накрыли. Пять траншей выкопали — пять порций украли.

3. По-умному, можно было бы и украсть, и не мучиться. Система такая, что наверх поднимаются одни дураки. Вот они и не могут сделать по-умному.

4. Нет, я кое-кого из начальников знаю. Очень даже не дураки. Но почему-то им нужно действовать так, чтобы все думали, что они дураки. Тогда-то у них главное воровство и удается. А мы: «Дураки, дураки...» Сами мы дураки.

5. Сами дураки, это точно. Во-первых, копают только четвертый раз. Первый — понятно. Второй, помните, трубу разорвало, зимой горячая вода везде текла. Тут план ни при чем — такие трубы делаем, так варим. Третий раз

копали — класть трубы для второй очереди квартала. Что лучше — копать еще раз или держать трубы пять лет в земле, не знаю, тут считать надо. Теперь четвертый раз копают — телефон проводят. АТС тогда не было, кабель дефицит. Ну и сидели бы восемь лет без дома, ждали бы дома вместе с телефоном. Этого хотим?

Я пришел домой и записал эти рассуждения. Как-то зачитал их на лекции по методологии в Испании. Аудитория аспирантов просто не верила, что где-то может существовать такое разнообразие мышления. Но это разнообразие может быть только тогда, когда некоторые вещи нельзя вслух говорить. Мы этого не чувствовали, а ведь тут большая проблема. Наш философ А.Ф.Лосев сказал: «Там, где есть свобода слова, нет свободы мысли».

Когда антисоветские поборники свободы получили рычаги влияния, а потом и власти, нам пришлось убедиться на опыте, что именно советское общество в его зрелой, рационализированной стадии, было несравненно терпимее, нежели та демократия, которую они установили. И дело не в эксцессах, а самом видении свободы. Вот пара случаев из моего опыта, в которых действовали демократы честные, причем относившиеся ко мне лично очень хорошо.

В апреле-мае 1991 г. по заданию В.Павлова наш Аналитический центр проводил экспертизу проекта Закона о приватизации, я руководил этой работой. После окончательного обсуждения законопроекта в Верховном Совете СССР у меня попросили резюме нашего доклада на одной странице для газеты «Политика», которую издавала депутатская группа «Союз». Руководитель этой депутатской группы был к тому же заместителем председателя Комитета по экономической реформе, который готовил зако-

нопроект. Я, естественно, дал, и газета напечатала это резюме с указанием моей должности и места работы.

На другой день демократы нашего Аналитического центра, мои старые коллеги, пришли к директору и устроили самую настоящую истерику, почти со слезами. Оказывается, им позвонил их духовный отец профессор Майминас и упрекнул — как же они могут работать в организации, сотрудники которой печатаются в газете «Политика»?

Подчеркиваю, что я дал не статью, а резюме документа, подготовленного по поручению председателя Совета Министров СССР и отправленного ему лично со всеми официальными печатями. Все формулировки в таком документе были вполне корректными и обтекаемыми. Дал я его в газету, выходящую под эгидой фракции, объединяющей большинство депутатов парламента. Казалось бы, к чему здесь может прицепиться демократ? Но истерика была столь впечатляющая, что директор попросил меня больше не публиковаться под моей фамилией, что я и выполнял почти два года.

За подобными мелочами видно, что именно в этой «антисоветски демократической» интеллигенции сосредоточены и имманентно ей присущи крайне антидемократические принципы, которых не было именно в «советской части советского строя». За последние десять лет выяснилось и то, что раньше было не так явно: с этим антидемократизмом неразрывно сцеплена античеловечность, отсутствие самого простого сострадания к человеку.

Наши нынешние либералы-утописты считают, что, отказываясь от идеала равенства, они утверждают идеал свободы. При этом они и малого усилия не хотят сделать, чтобы выяснить, а что же означает свобода в наших

конкретных условиях. Перед их глазами разыгрывается драма: наделение меньшинства свободой разворачивается лишением общенародное достояние оборачивается лишением самых фундаментальных свобод подавляющего большинства граждан. Вспомним, что говорил один из самых авторитетных идеологов «социально ориентированного капитализма» премьер-министр Швеции Улоф Пальме: «Бедность — это цепи для человека. Сегодня подавляющее большинство людей считает, что свобода от нищеты и голода гораздо важнее многих других прав. Свобода предполагает чувство уверенности. Страх перед будущим, перед насущными экономическими проблемами, перед болезнями и безработицей превращает свободу в бессмысленную абстракцию».

Почему же этого наши интеллигенты не хотели слышать? Ведь они помогли отнять у большей части народа «свободу от нищеты и голода», всучив вместо этого «бессмысленную абстракцию». Почему с таким энтузиазмом прославляли они грядущую безработицу и ликвидацию «уровниловки», бесплатного образования и всего того, что всей массе наших людей давало очень важные элементы свободы? Неужели интеллигент может представить себе страдания других, лишь испытав их на своей шкуре?

Вообще, спор о том, хорошо ли устраивать в России либеральное общество, давно уже стал схоластическим. Надо же сначала разобраться в проблеме ограничений. Если такового создать никак нельзя, хотя бы это и было прекрасно, то нечего об этом и спорить. Очертим поле возможного и будем внутри этого пяточка искать компромисс. Я считаю, что антисоветские идеологи создали утопию, которая, к нашему горю, увлекла множество людей.

Ведь в начале XX века это не получилось у кадетов в гораздо более благоприятных условиях. Вебер глубоко влез в эту проблему и сказал: «Слишком поздно». При наличии Запада построить капитализм можно только за железным занавесом. Запад пожирает первые же комочки «чужого» капитализма, как бактерии пожирают комочки слизи, из которых должна была бы постоянно зарождаться жизнь. Потому-то мы в опыте и не можем наблюдать зарождения жизни. Капитализм можно было бы строить в позднем СССР (как сейчас в Китае), но «демократы» угробили все дело.

Сейчас мы откатились назад и в сторону так, что я никаких шансов не вижу. Неужели искренние демократы хотят криминального людоедского строя с самоназванием «капитализм»? Ускоренная глобализация доконала дело, она неминуемо должна уничтожить большинство русских и провести глубокую архаизацию остатков — чтобы можно было заставить их содержать небольшой анклав «модерна», добывающего газ и обучающего балерин. Реальность такого сценария признают (не всегда гласно) все наши серьезные «демократы». Если же он реален, давайте из него и исходить — тогда хватит толочь воду в ступе.

Взглянем правде в лицо: уже начиная с радикального этапа перестройки весь язык антисоветских идеологов стал несовместим с принципами демократии. Они стали бравировать тем, что совершили над народным хозяйством смертельную операцию «вопреки воле больного». Так же, как с экономикой, они поступили с СССР. Выяснив на референдуме предпочтения подавляющего большинства граждан, они выражали демонстративную радость оттого, что удалось развалить СССР вопреки этим предпочтениям. О какой же свободе с такими правителями может идти речь?

С идеей демократии наши антисоветские демократы расправлялись очень просто, игрой слов. Вот, поучает Денис Драгунский: «Демократия требует наличия демоса — просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего класса», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса... — говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Сейчас возрождение «доперестроечных» структур во всей их жестокости было бы опасно не как насилие над народом, а наоборот, как реализация чаяний самого народа, — такого, каким он стал, сроднясь с этими структурами».

Так что те, кто называет себя демократами, на самом деле есть сплоченное меньшинство, которое присвоило себе право судить, кто есть демос, а кто — толпа. Если бы наши граждане были зажиточными, имели бы только интересы, а не идеалы («инстинкты»), и их чаяния совпадали бы с интересами Драгунского, он бы назвал их демосом. А раз чаяния народа угрожают интересам Драгунского, то это толпа, а толпу позволительно и обманывать, и рассеивать, и даже расстреливать — это нарушением демократии он не считает.

Вот тот же «демократ» рассуждает накануне свержения советской власти: «Сейчас возрождение доперестроечных структур во всей их жестокости было бы опасно не как насилие над народом, а наоборот, как реализация чаяний самого народа» (Век XX и мир, 1991, № 5).

Так и завершилась сказочка про свободу — восхвалением диктатуры теперь уже не просвещенного, а состоятельного авангарда. Затем — представление государственного и социального строя Бразилии как идеала для России и, как логическое заключение — дифирамбы в адрес Пиночета.

Вместо СССР возник патологический, несовместимый с длительной жизнью режим, при котором не рождаются дети и вымирают люди среднего возраста. И трудность преодоления этого режима не в тонком уме Степашина или Гайдара, не в красноречии Черномырдина или Кучмы, не в жестокости ОМОНа, а в том, что соблазн свободой манипуляторы сумели внедрить глубоко в подсознание больших масс людей, особенно молодежи. И значительная часть наших соотечественников перестала быть гражданами и составлять общество.

Подрыв идеи братства народов

В советском проекте представление о жизнеустройстве по типу семьи выстраивалось в двух измерениях — *социальном* и *национальном*. В стране, где соединились в одном общежитии более сотни народов, национальное устройство было не менее важным, нежели социальное.

При советском строе всем было вбито в голову, что народы СССР — одна семья, что надо друг друга уважать и друг другу помогать. Реальность была не безоблачна, но важно, какие идеи внедряются в массовое сознание. СССР не был «санаторием народов», но не был и «тюрьмой», и тем более «кладбищем». Это был дом, в котором было можно жить. Антисоветский проект предложил как принцип жизни закон рынка, и вбивал в головы новые догмы и мифы (конкуренция вместо солидарности, личное против общего).

В сознании и подсознании людей всегда гнездится национальная ревность. Ее разжигание стало одной из главных технологий при разрушении. Перестройка питалась антисоветской идеей о национальном притеснении «*наших*». Главную работу сделали, конечно, демократы — их

объектом были прежде всего нерусские народы, особенно в Прибалтике и на Кавказе. Один из прорабов перестройки А.Нуйкин признается: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину».

Особая программа — натравливание на советский строй малых народов. Здесь постарались и местные, и московские интеллигенты. Социолог Р.В.Рывкина, признавая, что и в «развитых» странах малые народы сталкиваются с проблемами, льет крупные слезы: «Но судьба малочисленных народов в рамках советской Империи оказалась по ряду причин особенно трагичной. Будучи коренными, эти народы в бывшем Советском Союзе оказались не просто в бедственном положении, а фактически на грани вымирания».

Таким образом, академический журнал «Социологические исследования», презрев всякие нормы научной этики и обычной совести, убеждает публику в том, что, конечно, и в США у индейцев были кое-какие проблемы, но ни в какое сравнение с судьбой малых народов в СССР они не идут. Здесь, в России — эпицентр вселенской трагедии малых народов. *Вымирание!*

Но вот данные из книги, опубликованной в Институте антропологии и этнографии той же Российской академии наук (С.В.Чешко. Распад Советского Союза. М., 1996). Численность подавляющего большинства малых народов в советский период не уменьшалась, а росла. Вот малые народы (числом до 10 тыс., человек), у которых с 1959 по 1989 г. сократилась численность: ижорцы (с 1,0 до 0,8 тыс.), караимы (с 5,7 до 2,6 тыс. — за счет эмиграции), селькупы (с 3,8 до 3,6 тыс.). Но даже у этих наро-

дов ни о каком вымирании нет и речи. В остальных случаях как раз достойно удивления, что прирастали, а не растворялись, совсем малые народы, которые давным-давно исчезли бы с лица земли в условиях демократии и рыночной экономики — в жизнеустройстве, основанном на конкуренции.

Тем не менее, тезис о вымирании малых народов в условиях СССР активно внушался антисоветской идеологической машиной. В народные депутаты была даже подобрана активная представительница малого народа г-жа Гаер, которой постоянно предоставлялась трибуна для провозглашения этого мифа.

Особые усилия прилагались для разжигания *анти-русских* настроений. Связующим материалом, который соединил народы СССР в единое государство, был союз с русским народом. Именно наличие этого обладающего силой и авторитетом ядра («старшего брата») уравнило сложную многонациональную систему из полутора сотен народов.

Главный шаг, который удалось сделать интернациональной антисоветской номенклатуре к 1991 г., — подготовить и провести «Декларации о суверенитете». Основную роль в этом сыграли демократы РСФСР, которые группировались вокруг Ельцина. Речь не идет об ошибке — идеологи российского документа продолжают хвастаться и шумно праздновать день «независимости» в память о принятии фатальной Декларации.

Принципиальные положения Деклараций означали ликвидацию главных скреп Союза. Был декларирован раздел общенародного для СССР достояния, ликвидация единого ресурсного, экономического и интеллектуального целого. Это был «бархатный» переворот, так что большинство депутатов не поняли, какие документы им под-

сунули для голосования. Чтобы они не поняли, антисоветские идеологи трудились несколько десятилетий.

Давно, например, объектом антисоветского острословия стало само понятие «старший брат», которое применялось к русскому народу. В том, что эти шутки так благосклонно принимались публикой, во многом повинен евроцентризм нашего образования. В обществах, ассоциирующихся с семьей, категория «брат» не является гражданской, как у якобинцев, а именно семейной, включающей в себя идею иерархии. Ведь братья, если они не близнецы, всегда или старший, или младший. Соответственно этому определяются и их роли — кому брат на себя большую тяжесть в работе или более сильного противника в драке. В тех культурах, которые европеизированы меньше, чем наша, этот смысл понятия брат отражен даже в языке. Так, ни в китайском, ни в корейском языках нет понятия «брат вообще» — брат может быть либо старшим, либо младшим.

Успех в деле развала СССР после сговора верхушки КПСС в противником в холодной войне идеологи представляют как результат того, что «демократизация укрепостила национальные противоречия», которые якобы были просто заморожены тоталитарным советским режимом. Это — дешевый трюк. Тот факт, что в ходе построения советского жизнеустройства степень недоверия и вражды между народами резко снизилась, неоспорим. Самый красноречивый показатель — число межнациональных браков. Их невозможно предписать ни партийным решением, ни идеологическим давлением — люди свою судьбу определяют, принимают глубоко личное решение.

В некоторых обществах разные этносы живут бок о бок в течение столетий — и не смешиваются. В СССР меж-

национальные барьеры были сильно ослаблены, и смешанные браки были широко распространены. Число этнически смешанных семей (на 1 тыс.) составляло в среднем по СССР в 1959 г. 102, а в 1989 — 175.

Во время перестройки, уже работая на развал СССР, антисоветские политики раскачали тему «репрессированных народов». Но если вдуматься, то и народы, вошедшие в вооруженный конфликт с советским государством, испытывали к нему доверие. Они знали, что даже карая, это государство не погубит их *как народ*. Почему те же чеченцы, перешедшие на сторону Гитлера и имевшие в тылу Красной армии мощные формирования с артиллерией, прекратили сопротивление и без боя погрузились в теплушки и уехали в Казахстан? Почему они не начали террористическую войну — ни в конце 40-х, ни в 50-е, ни в 60-е годы? Они боялись КГБ? Нет, они и во время войны ничего не боялись, начать восстание в тылу Красной армии означало сжечь мосты и идти на большой риск.

Мятежные чеченцы подчинились потому, что наказание было суровым, неотвратимым, но в то же время и бережным по отношению к народу. Тогда не стали расстреливать мужчин, подрезать корень народа, а выселили всех по ту сторону Каспия. И даже не расформировали партийные и комсомольские организации, не прекратили прием в партию. Одним этим показали: народ не будет придушен. И боевой мальчик Дудаев будет принят в лучшую военную академию и станет большим генералом. А умный мальчик Хасбулатов будет профессором.

Посмотрите, насколько сейчас оказалось труднее сделать даже самую необходимую вещь — послать в кадетский корпус несколько десятков мальчиков из семей той части чеченской элиты, которая борется за сохранение Чечни в составе России. Русские подростки относят-

ся к ним очень враждебно. Эта простая вещь вполне вписывалась в культуру и XIX века, и советского «тоталитаризма» — и оказывается почти невозможной в нынешней антисоветской культуре.

«Жестокий» советский строй не толкнул чеченцев на террористическую войну. Но эта война неотвратимо пришла к нам при режиме Ельцина. Должны же мы понять, в чем тут дело. Ведь это — наглядный, пробравший всех до костей урок, который нельзя замалчивать.

Однако еще важнее, чем разжигание антирусских настроений, для подрыва советского строя было воздействие на русское национальное сознание. Те, кто разжигал национальную ревность, не смогли бы добиться успеха, если бы в этом деле к «демократам» не подключились их оппоненты из русских «патриотов». В этой идеологической кампании было необходимо участие людей, противостоящих Горбачеву, а затем и Ельцину. Стереотип обделенности русского народа в СССР стали активно достраивать патриотические писатели и общественные деятели очень широкого диапазона. Кто-то как сознательный противник СССР, кто-то как конъюнктурный политик, а кто-то и сам как жертва манипуляции.

Видимо, одним из важнейших заявлений в этой программе было предположение В.Распутина о том, что РСФСР сама может выйти из СССР и отделаться от неблагоприятных «младших братьев». Заявление было чисто риторическим, но слово не воробей, да и никаких поправок внесено не было. Так была запущена идея развала СССР из центра — руками русских.

Вскоре после ликвидации СССР в 1991 г., стало очевидно, что наибольший урон понес именно русский народ как «державное ядро». Именно русский народ потерял статус своей государственности как мировой дер-

жавы (а статус, например, Грузии или Туркмении даже вырос). Этот статус, достижение которого потребовало от русских огромного напряжения сил, уже давал, а в перспективе давал бы еще больше преимуществ и в экономической сфере.

Ввиду того, что постоянному очернению образа советского проекта придается в антироссийской программе очень большое значение, до сих пор мощные импульсы направлены на поддержание в массовом сознании русских стереотипа «обиженных». В разделе о диссидентах уже приводились антисоветские высказывания И.Р.Шафаревича о национальной устройстве СССР. Перед выборами 1999 г. он опубликовал свой очередной труд — «Зачем нам сейчас об этом думать» («Завтра», 1999, № 29). В нем структура его антисоветской концепции в связи с судьбой русского народа представлена довольно полно.

Главная его мысль состоит в том, что для приверженцев советского строя характерна «нерусскость». И.С.Шафаревич даже указывает степень «равнодушия к судьбе русских» у коммунистов, сравнивая их с нынешней криминальной буржуазией. По его словам, «марксистская нерусскость это тенденция слоя, чуждого основной части народа» — слоя, «ничем не лучшего, чем новые русские».

Что такое «нерусскость», как ее определить, И.С.Шафаревич внятно не сказал, не привел никаких разумных признаков, по которым избиратели могли бы отвернуть недостойных кандидатов. Из контекста выходит, что самым главным признаком «нерусскости» является идеология («марксизм»). Такого убогого механицизма не ждешь в конце XX века.

Ясно, что культура большого народа («русскость») не может зависеть от столь изменчивого и подвижного ее элемента, как идеология. Неужели Н.Клюев, став ком-

мунистом, приобрел от этого «нерусскость», а М.Шолохов перестал быть русским писателем? Искренний коммунист маршал А.М.Василевский разве потерял русское воинское чувство? Н.Рубцов с его нежным отношением к советскому строю стал «чуждым народу»? Или все они были неглубокими людьми, недопонимали то, что открылось И.Р.Шафаревичу?

Согласно И.Р.Шафаревичу, коммунисты, руководившие советским проектом, следовали догмам марксизма, и их политика поэтому всегда носила антирусский характер. При этом И.Р.Шафаревич не взвешивает в целом все реальные условия и результаты советского строя. Он приводит отдельные жгучие детали, обращаясь к чувствам читателя. К тем же чувствам, на которых играли демократы, разжигая антирусские чувства. Как уже говорилось выше, многие важные суждения Шафаревича почти буквально совпадают с высказываниями Г.Старовойтовой.

Поразительно, что уже десять лет действует эта простая технология разрушения «империи»: русским говорят, что их объедали узбеки и таджики, а узбекам приехавшие из Москвы демократы в наспех надетых тубетейках шепчут, что их объедали русские.

И.Р.Шафаревич забойной сделал тему образования: «В российских вузах готовилась национальная интеллигенция... В тяжелейшие годы войны были созданы Академии наук Казахстана и т.д.». Как это понимать? Не надо было в СССР готовить национальные кадры? Но ведь эта мысль противна не только советским принципам, но и самым исходным устоям России! В этой мысли и заключена самая неприкрытая «нерусскость». И ведь все это говорится вскользь, в виде инсинуаций. Не скажет же прямо И.Р.Шафаревич: не надо было во время войны создавать

Академию наук в Казахстане! К чему, мол, были русским эти цветные металлы.

Вот как И.Р.Шафаревич доказывает на цифрах, что советская власть притесняла русских: «В 1973 г. на 100 научных работников имелось аспирантов: среди русских 9,7 человека, туркмен — 26,2, киргизов — 23,8. Таков же был и уровень жизни...». Попробуйте это растолковать. Кто здесь русские, кто туркмены — аспиранты или научные работники? Зачем такой сложный показатель? Есть же проще: в 1985 г. в РСФСР было 68 тысяч аспирантов, а в Туркмении 496 — в 130 раз меньше. Русских кандидатов наук в 1982 г. было 257265, а туркменов 1511 — в 170,3 раза меньше, чем русских. Среди докторов наук в 1982 г. русских было в 251 раз больше, чем туркменов, в 1987 г. в 223 раза больше.

Но главное, как из всего этого вывести идею о дискриминации русских в науке? Всю науку в СССР заполнили туркмены? В 1970 г. в РСФСР было 631 тыс. научных работников, а в Туркмении 3,6 тыс. (из них больше половины русских). Вообще русских среди научных работников было в 310 раз больше, чем туркменов. При чем здесь вообще аспиранты? И что значит «таков же был и уровень жизни»? У русских 9,7? На 100 человек? Какая не-ряшливость мысли.

С уровнем жизни досталось от Шафаревича бедным узбекам: «В 50-е годы доходы колхозников Узбекистана были в 9 раз выше, чем в РСФСР». Откуда эти данные, да еще такие точные, как их понимать? Не бывало таких разрывов в уровне дохода. В 1960 г. средняя зарплата рабочих и служащих была в РСФСР 83 руб., а в Узбекистане 70 руб. Значит, доходы горожан в РСФСР и узбеков были примерно равны (горожане дынями не торговали и скрытых доходов не имели). Официальные доходы на селе у

русских и узбеков тоже были примерно равны. Значит, Шафаревич знает о каких-то скрытых, теневых доходах узбекских крестьян?

Могли ли теневые доходы узбекских колхозников быть столь непропорционально большими, как заявляет И.Р.Шафаревич? Чтобы колхозники, хотя бы и в Узбекистане, жили в 10 раз богаче горожан — кто же в это поверит! Сбережений в сберкассе у одного городского жителя Узбекистана было в 8 раз больше, чем у сельского. И вообще сбережений в 1975 г. у одного жителя РСФСР в среднем было 410 руб., а у жителя Узбекистана 128. Откуда эти «9 раз»?

А главное — что хочет доказать И.Р.Шафаревич всеми этими цифрами? Видимо, что советская власть создала резкое неравенство республик в ущерб русским. Но ведь это не так. Основные капиталовложения делались в России — достаточно упомянуть разведку и освоение запасов нефти и газа в Сибири, на которых мы до сих пор живем. Или взять выплаты из общественных фондов: в РСФСР в 1975 г. они составляли на душу 392 руб., в 1989 г. 760 руб., а в Узбекистане 258 и 429 руб. А это, прежде всего, расходы на образование, здравоохранение, жилье — вложения в человека.

Да, установкой советской политики было именно выравнивание уровня развития всех частей страны. Ибо СССР (да и Российская империя) строился именно как страна, а не колониальная система! Это можно видеть на длинных временных рядах, сравнивая множество показателей. Надо ли понимать И.Р.Шафаревича в том смысле, что он считает принципиально неправильной политику развития всей страны как целого? Тогда лучше бы сказать прямо. Прямо не говорит, потому что тогда ста-

нет очевидной антирусской направленности всей его философии.

Говоря о «нерусскости» советского строя, И.Р.Шафаревич замалчивает фундаментальный показатель состояния народа — продолжительность жизни. Это — обобщенный показатель, отражающий положение той или иной этнической общности людей (условия труда, питания, быта, здравоохранения).

Согласно данным переписи 1897 г., в европейской части России ожидаемая при рождении продолжительность жизни была у русских мужчин 27,5 лет, у латышей 43,1, у молдаван 40,5 лет — в процветающее время, до марксизма и революций. Именно советский строй (и только он!) резко сократил этносоциальное неравенство русских. В 1926—1927 гг. ожидаемая продолжительность жизни у русских мужчин повысилась до 42,2 лет, а к началу 70-х годов до 64,6 лет. В 1988—1989 гг. она составляла у русских мужчин 64,6 года, а у латышей 65,9 лет и у молдаван 65,1 года. Почти сравнялась. В 2000 г. она составила у русских мужчин 59,8 лет. Так что русские рано умирали при православном царе и при антисоветском Ельцине, а жили долго только при советском строе.

Если брать за критерий оценки общественного строя продолжительность жизни, то именно русские из всех больших народов Российской империи больше всего выиграли от установления советского строя.

Из совокупности трудов Шафаревича трудно понять, как он вообще относится к Российской империи и монархии. Ведь при строительстве этой империи русские именно были поставлены во многих отношениях в неравноправное, худшее положение, чем жители западных земель, азиатские инородцы и тем более приглашенные из Германии, Австрии и т.д. иммигранты. Дискриминация

русских была несравненно сильнее, чем при советской власти. Генерал Ермолов просил царя в награду за службу «записать его в немцы» — было ли подобное в СССР? Наоборот, в СССР многие старались переделать свои фамилии на русские.

Уже в 1790 г. бухтарминские старообрядцы, выходцы из центра России, просили даровать им статус ясачных инородцев, это дало бы им многие льготы (кстати, это их прошение было удовлетворено). Уровень грамотности среди русских в конце XIX века был ниже, чем среди татар — вот о чем надо было бы вспомнить Шафаревичу. Движения протеста на национальной почве и даже крупная волна эмиграции немцев (в 80-е годы XIX века) происходили тогда, когда нерусские народы пытались приравнять в правах к русскому — их лишали привилегий.

И если бы эта антисоветская идея-фикс об угнетении русских в СССР была присуща только И.Р.Шафаревичу! Д.Балашов, на которого я уже ссылался выше, дует в ту же дуду: «И ежели мы до сих пор пытались добиться гегемонии в мире за счет жертв со стороны русского народа, доведя народ до вымирания, то теперь мы обязаны укреплять страну за счет преимущественного укрепления ее русского центра и льгот преимущественно для русского народа, более всех ограбленного в предшествующий период». Посмотрите на даты, г-н патриотический писатель, и скажите все же, когда конкретно вымирал русский народ.

Разжигая антисоветское национальное чувство, И.Р.Шафаревич обращается к образу крови. Он напоминает, что во время войны были убиты 1 русский из 16 и 1 узбек из 36. Что означает этот намек? Узбекам по тайному приказу Сталина давали бронь? Узбекам по благу выдали бронжилеты? И что вообще означает «убит во время

войны»? Жители Хатыни, например, были убиты, но среди них не было ни одного узбека. Марксизм виноват?

И.Р.Шафаревич уводит от сравнения, которое так и напрашивается: сколько узбеков было убито в Первой мировой войне? Он умалчивает о том, что только при советском строе была создана возможность расширить воинскую повинность на нерусские народы. А в царской России узбеки были невоеннообязанными. Попытка привлечь мусульман Средней Азии и Казахстана во время I Мировой войны даже к тыловым работам вызвала волнения и восстания. И вот, вместо того, чтобы напомнить, что в 1941—1945 г. каждый погибший узбек или казах «заместил» русского, И.Р.Шафаревич разжигает темную ревность.

Когда же И.Р.Шафаревич переходит к положительной программе национального спасения русских, его рассуждения становятся столь туманными, что даже странно их слышать от математика. Первый совет — не прерывать бы в 1917 г. «собственный путь России». Но ведь этот совет явно опоздал — даже если считать, что тогда русские мужички совершили ошибку. Да и стоило бы тут же вспомнить, что, по данным академика Тарханова (1906 г.), русские крестьяне в среднем потребляли пищевых продуктов на 20,44 руб. в год, а английские — на 101,25 руб. В чем же здесь усматривает И.Р.Шафаревич «собственный путь России», который не следовало прерывать?

Вот, на его взгляд, актуальная «более-менее ясная всем» мера: «Нужна власть, которая на деле показала бы, что она народу — не враг». Очень милый совет, жаль, что раньше никому в голову не пришло установить такую власть. Кстати, если коммунисты насмерть поражены «нерусскостью», то за кого советовал бы голосовать И.Р.Шафаревич? Кто у нас «насквозь русский»? Или нам вообще

советуют не ходить на выборы — сразу учинять восстание? Иначе как появится «хорошая» власть?

Дальше идут советы совсем странные: от власти «нужна самая обычная честность и, что, вероятно, нужнее всего — политическая воля. Она же дается широкой народной поддержкой, доверием... А чтобы была народная поддержка, нужен народ, ощущающий себя единым организмом... Сила национального единения — и есть тот единственный ресурс, который может дать энергию для рывка».

Как наворочены причинно-следственные связи! Выходит, дело не в общественном строе и не в политическом режиме, а в народе, который не ощущает себя единым организмом. Если бы ощущал, то все было бы о'кей. То есть, нет в России ни раскола, ни конфликта интересов, ни столкновения ценностей. Надо просто всем напрычься и устроить «национальное единение». Да ведь в том то и дело, что нам надо найти выход из пропасти в условиях, когда народ расколот. Найти выход через диалог, компромиссы, желательно без прямого столкновения. Если бы было единство, то и проблем бы не было.

Все прекрасно помнят (и это замалчивает И.Р.Шафаревич), что краткий исторический период максимально полного национального единения был как раз при советском строе! И экзаменом были не слова, а тяжелейшая война (а до этого — невиданная индустриализация). Такое единение было возможно только при соответствии жизнеустройства чаяниям и интересам народа. А это для России и есть максимальная «русскость». Становился строй все менее советским — все меньше получал поддержки. Этим и вызван крах 1991 г.

И снова надо подчеркнуть, что антисоветская пропаганда в области национальных отношений работала как

слаженный механизм сразу на два фронта: одну и ту же советскую установку А.Д.Сахаров мог трактовать как русский шовинизм, а его коллега И.Р.Шафаревич — как марксистскую русофобию.

И.Р.Шафаревич много говорит о «нерусскости» Сталина, а ему вторит писатель-демократ В.Д.Оскоцкий: «Сталиным национальные отношения толковались в великодержавном духе, что и поныне встречается если не явную поддержку, то тайное одобрение иных публицистов и даже исследователей... Ученому ли [Арсению Гулыге] не знать: то был декретированный патриотизм, в который намеренно приносилось не общенародное, социалистическое, а имперское содержание» («Россия, 1917 год: выбор исторического пути». Круглый стол историков Октября, 22—23 октября 1988 г. М.: Наука, 1989). Мол, Сталин никакой не марксист, не социалист, а русский великодержавный шовинист с имперским сознанием. Видно, что оба течения — части одной идеологической антисоветской бригады.

Хотелось бы также напомнить нашим «белым патриотам», что уничтожение СССР, которому они так радуются, сняло основную преграду в процессе установления Нового мирового порядка, означающего гегемонию Запада в ее самой тупой и хамской форме. В этом новом миропорядке перспективы именно для русского народа станут весьма проблематичными. Земля богатая, а люди этому Новому порядку не нужны — не вписываются они в него, да и за прошлое отомстить русским хочется. Много в мире «неразумных хазар». И, судя по очень многим выступлениям, велик риск, что превратят русских в «общность, которую нет смысла эксплуатировать» — появилось недавно такое туманное выражение. И выходит из этого, что СССР с его железным занавесом и «глупой пла-

новой экономикой» выполнял самую главную с точки зрения бытия народа задачу — гарантировал ему жизнь как великому народу.

Идея создания Мирового порядка под эгидой Запада давно грела душу антисоветской интеллигенции. Достаточно нам наговорил об этом Сахаров с его теорией конвергенции. Но эта его идея не была слишком оригинальной, такие мысли были распространены довольно широко. Вот что пишет Н.М.Амосов в своем философском трактате «Мое мировоззрение» («Вопросы философии», 1992, № 6):

«Созревание — это движение к «центральному разуму» мировой системы, возрастание зависимости стран от некоего координационного центра, пока еще не ставшего международным правительством... Можно предположить, что к началу XXI века вчерне отработается оптимальная идеология... — частная собственность 70% и демократия — в меру экономического созревания... Это не означает бесконфликтности и даже не гарантирует постоянного социального прогресса... Будет сохраняться несовпадение интересов, продуцируемое эгоизмом и агрессивностью на всех уровнях общественных структур. Особенно опасными в этом смысле останутся бедные страны. Эгоизм, нужда могут мобилизовать народы на авантюрные действия. Даже на войны. Но все же я надеюсь на общечеловеческий разум, воплощенный в коллективной безопасности, которая предполагает применение силы для установления компромиссов и поддержания порядка. Гарантом устойчивости мира послужат высокоразвитые страны с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума».

Видно, что популярный антисоветский пророк никак не обещает русским ни демократии, ни даже социально-

го прогресса — а лишь «применение силы для поддержания порядка высокоразвитыми странами с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума». То же самое обещает целая рать демократов, влюбленных в Пиночета.

На собрании в Горбачев-фонде в январе 2001 г. обсуждалась судьба России в условиях глобализации. Был там Вадим Валерьянович Кожин, последний раз я его там видел. Среди прочего он рассказал о своей беседе с писателем Олегом Волковым, перед самой смертью последнего. О.Волков много-много лет томился в ГУЛАГе и был убежденным врагом Советской власти. Поглядев на дела тех, кто уничтожил СССР, он сказал перед смертью, что примириться с Советской властью он, конечно, не может. Но он видит, что эта власть была для России защитным колпаком, под которым она была в безопасности. ***Существование России было гарантировано советским строем.*** А теперь этого колпака нет, и он умирает в тревоге — выдержит ли Россия напор глобализации?

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Отрицание советского хозяйства в целом

Ключевым постулатом всей антисоветской идеологии было утверждение, что рыночная экономика западного типа *эффективнее* советской. Прежде чем переходить к более тонким материям, предлагаю обдумать и зафиксировать оценку по самому жесткому критерию — *выживанию*. Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй эффективнее? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: *какой строй эффективнее в тех условиях, в которых реально находился СССР?*

Принимаем во внимание жесткий факт, который Фернан Бродель сформулировал таким образом: *«Капитализм вовсе не мог бы существовать без услужливой помощи чужого труда»*. Вот к этому-то факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: *«Советский строй мог существовать без услужливой помощи чужого труда»*. Согласно самому абсолютному критерию — выживаемости, — я делаю вывод: *в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, советское хозяйство эффективнее капиталистической экономики*. Подчеркиваю, что речь идет именно об этих условиях. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для

нас неактуален, поскольку все мы знаем — ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь.

В социально-экономической сфере антисоветская мысль создала многообразную и довольно сложную интеллектуальную конструкцию. В наиболее радиальном виде ее кредо в 80-е годы сводилось к следующему: *«Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу»*.

В таком виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г. — до этого никто из людей, еще не увлеченных антисоветским миражом, в нее бы просто не поверил, даже рассмеялся бы. Настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг в 70—80-е годы. Никаких признаков коллапса, внезапной остановки дыхания, не было. У тех, кто в этот назревающий коллапс верил, это были лишь предчувствия, внушенные постоянным повторением этой мысли «на кухнях».

А.Д.Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном» (А. Сахаров, «Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления». Л., 1990. С. 66).

Вот мой личный опыт. Я ушел из любимой деятельности, экспериментальной химии, в гуманитарную сферу под влиянием негативной мотивации — для изучения тех болезненных явлений, что тормозили развитие советской системы. Главный пафос моей аналитической работы был критическим. Но и мой, и общий вывод моих коллег (которые позже перешли на антисоветские позиции

и даже стали министрами в правительстве Гайдара) был именно таким: система улучшается, но *слишком медленно*. С уверенностью говорю — состав специалистов, перешедших потом в бригаду реформаторов, имел в целом именно такое видение ситуации. Потом, задним числом, они стали говорить, что надвигался коллапс, но это уже были неискренние, чисто идеологические утверждения. Они их делали скрепя сердце.

Такие катастрофы, как коллапс хозяйства, не приближаются без достаточно длительного нарастания явных симптомов — если, конечно, сама власть по каким-либо причинам вдруг не разрушает хозяйство. Даже в середине 80-х годов никаких веских причин ожидать катастрофы не было. Потому-то речь во время первой фазы перестройки шла об *ускорении*. Никто же не имел при этом в виду «ускорение коллапса». Директивные документы, принятые по проектам Госплана и правительства, не содержат и намека на опасность катастрофического спада или кризиса. Но нельзя же заподозрить огромные коллективы специалистов в дьявольском заговоре и поразительном единодушии — знать о грядущей катастрофе и ни гугу.

Посмотрим массивные, обобщающие показатели советского хозяйства, опубликованные в 1991 г. Госкомстатом СССР — уже горбачевским и почти ельцинским. Его руководство конечно же не взяло бы на себя смелость в полной фальсификации всей национальной статистики за десяток лет — даже если бы такая фантастическая фальсификация и была технически возможна. Вот статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1990 г.» (М.: Финансы и статистика. 1991. Тираж 30 000 экз.). Как показательные для советского периода возьмем данные до 1989 г., поскольку уже этот год нельзя, строго говоря, причислять к советскому периоду (плановая система и

монополия внешней торговли уже были подорваны целым рядом важных изменений).

Устойчиво росли индексы потребления населением материальных благ и услуг: по сравнению с 1980 г. они составляли в 1985 г. 114,7% и в 1989 г. 127%. Быстро росли в СССР капиталовложения, — вплоть до слома системы — что уж совсем никак не вяжется с представлением о назревающей катастрофе, когда все силы бросаются на срочные задачи ее предотвращения. Если вкладывают в будущее, а не в починку настоящего, коллапса не ожидается. По сравнению с 1980 г. капиталовложения в СССР возросли в 1988 г. на 40%, а, например, в США на 30%, во Франции на 10%, а в ФРГ несколько не возросли. Улучшались и самые массивные, системообразующие качественные показатели советского хозяйства — урожайность сельскохозяйственных культур, надой молока, удельный расход топлива на получение 1 квт·ч электроэнергии — с 468 г в 1960 г. до 325 г в 1987 г. По этому важному показателю СССР обогнал большинство стран Запада — в США на 1 квт·час электроэнергии расходовалось 354 г топлива, во Франции 359. Подобных признаков было много, и это были именно «неумолимые» общие тенденции системы. Иными словами, самые главные объективные показатели никакой катастрофы не предвещали, и формирование ее образа в массовом сознании было типичной манипуляцией.

В недавней обзорной статье ведущего научного сотрудника МГУ Л.Резникова «Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе» (Российский экономический журнал, 2001, № 4) сделан такой вывод: «Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение тем-

пов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема». Далее автор проводит подробные аргументы для своего вывода и, понимая состояние умов, цитирует видных американских экономистов, пришедших к такому же выводу. Своим глазам и желудкам русские уже не верят, нужны западные авторитеты.

Доклад ЦРУ 1990 г. «О состоянии советской экономики» также утверждает, что даже и кризиса в советском хозяйстве не было, не то что неизбежного коллапса. Этот доклад довольно часто цитируется американцами (сам я читал только его реферат и ссылки на него). В нем по американской методике и с собственными данными ЦРУ были пересчитаны показатели советской статистики и признаны, в общем, верными. Уж кому должны были бы верить антисоветские идеологи, как не своим верным союзникам?

Ощущения коллапса и даже кризиса совершенно не было в массовом сознании, в том числе интеллигенции, очень критически относящейся к системе. Это показало двухгодичное (1988 и 1990 гг.) исследование ВЦИОМ под руководством Ю.Левады, результаты которого представлены в книге «Есть мнение» (М., 1990). Весь пафос исследования является открыто антисоветским, но никакого предчувствия кризиса в нем не обнаружено.

Отмечу здесь, что примитивна сама логика рассуждений, из которых выводилась негодность советского типа хозяйства из факта снижения *темпов прироста производства*. Стремление сравнивать валовые, обобщенные показатели без учета принципиальной разницы их составляющих есть один из случаев гипостазирования. Оно ведет к невозможности увидеть качественную несоизме-

римось объектов и явлений. Вот, мы сравниваем экономическую гонку без учета нагрузки оборонных расходов. СССР начал отставать на одном круге (в 80-е годы) — значит, ломай всю его хозяйственную систему. Если же мы учтем нагрузку, то увидим как бы трех бегунов в несравнимых условиях: один (скажем, ФРГ или Япония) в легких тапочках, другой (США) в кроссовках, а СССР — в валенках, а поверх них кандалы. И если бегун в кандалах целую эпоху опережал своих соперников, значит, его сердце и мускулы работают великолепно. Разумеется, было бы глупо утверждать, что бежать в кандалах и валенках хорошо. Почему мы в них бежали — совсем другой вопрос.

Посмотрим, как искажается наше сознание, когда мы оперируем валовыми цифрами, не учитывая «изъятия». (Кстати, помню, в 70-е годы эту проблему поднимали французские экономисты. Они говорили, что нельзя сравнивать показатели разных стран, прежде чем из них вычтены некоторые «неделимости». Но мировые аганбегяны на этих авторов, видно, прикрикнули, и эта идея заглохла). Кажется, простая вещь — мощность двигателя. Из физики знаем: это работа, произведенная в единицу времени. А на деле ничего эта величина не говорит, если мы не знаем, какую часть мощности двигатель вынужден тратить *на себя* — чтобы двигать себя самое, поршни, шестерни. Поэтому вводят иной показатель — мощность «на валу», то есть выданная двигателем для полезной работы (движения колес, винта и т.д.). Обычно мы этой проблемы не замечаем, т.к. сравниваем двигатели одного типа да и одного поколения. А если разные двигатели, то без учета «неделимости» никак не обойтись. До паровой машины Уатта было уже два поколения машин. Вторая, машина Ньюкомена, уже использовалась довольно широко, но почти всю мощность тратила сама на себя.

Уатт произвел техническую революцию, потому что его машина при той же мощности давала «на вал» гораздо больше. Эти машины были несоизмеримы в этом отношении. Очень большую часть своей мощности советское хозяйство тратило «на себя» — на обеспечение своего выживания в условиях холодной войны, чтобы не позволить ей перерасти в горячую.

Возьмем другую сторону жизнеустройства — не производство, а *образ жизни*. Что касается быта, то именно за 70—80-е годы страна в целом перешла по главным показателям к современному типу благоустроенного быта. Произошла полная электрификация села и почти полная газификация населенных пунктов, быстро шла телефонизация. Отправление писем и телеграмм, дальние поездки даже на самолете стали для среднего человека обыденной вещью — сравните с тем, что мы видим при антисоветском режиме. Это — массивные и фундаментальные улучшения жизни. Те явления застоя, упадка или даже регресса, на которые указывали критики, говорили, конечно, о неблагоприятных тенденциях. Можно говорить даже о болезнях хозяйственной системы. Но на фоне главных, массивных процессов эти дефекты признаками коллапса никак не служили. Надо же взвешивать общественные явления на верных весах.

Вызывало, например, нарекания строительство. Известно, что масштабы его были исключительно велики, едва ли не все горожане в этот период испытали переезд (отделялись молодые, получали новые квартиры, улучшали старые и т.д.). Отрасль явно не справилась с такой экспансией, квалификация работников и качество работы упали. Но с тем, что получение квартиры, пусть даже и построенной с огрехами, было для человека ухудшением его жизни, поверить невозможно. А ведь именно так

ставят вопрос антисоветские ораторы. Конечно, люди, получив новую квартиру, быстро забывают свои ощущения. Но если бы новоселам сказали об «ухудшении» их жизни в тот момент, они бы просто не поняли. И кривые рамы подгонялись, и щели заделывались — а люди квартирам были рады и коллапса не ожидали.

Именно после 1988 г. стал быстро нарастать кризис, грозящий катастрофой. Вызван он был как раз отказом от главных принципов советского хозяйства, попыткой его «гибридизации» с элементами капиталистической экономики совсем иного типа... Катастрофа назревала так быстро, что уже в 1990 г. стали официально говорить об «опасности разрушения народного хозяйства». Большими усилиями, за счет потери политической стабильности правительство удерживало ситуацию под контролем. Напротив, антисоветские силы делали все возможное, чтобы экономическое положение дестабилизировать и обострить недовольство населения (полезно вспомнить, как вышедшие из КПСС соратники Горбачева разжигали забастовки шахтеров Кузбасса).

Рассмотрение принципов и последствий неолиберальной реформы в России выходит за рамки нашей темы. Однако оценка масштабов потерь, которые понесло при этой реформе хозяйство, говорит о масштабе средств, которые регулярно вкладывались в хозяйство при советском строе. Это может служить для нас методическим приемом. Сейчас уже перестали применять прием пропаганды, который был излюбленным в первые годы реформы — утверждение, будто кризис унаследован от советской системы и является просто продолжением созревших в ней тенденций. Сама форма кривых, выражающих динамику экономических показателей, говорит о том, что в 1990—92 гг. произошел именно слом

системы, ее убийство политическими средствами. Если мы оценим хотя бы приблизительно те средства, которые с тех пор потеряло хозяйство, мы поймем, с какой интенсивностью работала экономическая машина СССР.

Конечно, трудно учесть все средства, которые успели реформаторы растратить за 10 лет. Сколько, например, реально стоило поддерживать военный паритет с Западом? От него отказались, вооружения не разрабатывают и не приобретают, армию распустили — сколько на всем этом сэкономили правительства Гайдара и Черномырдина? Где эти деньги? Десять лет практически не делается капиталовложений в производство, свернуты все большие строительные и мелиоративные программы. Почти не выделялось средств даже на поддержание технической инфраструктуры. Инвентаризация всех этих изъятых из хозяйства средств — большая задача. Есть и очевидные изъятия, например, присвоение правительством Гайдара 372 млрд. руб. вкладов населения в Сбербанке. Когда люди делали эти вклады, покупательная способность рубля была существенно выше, чем доллара, так что реальные средства, изъятые из хозяйства, были огромны.

Главный дефект той системы, к которой перешли от советского строя, вовсе не в том, что «новые русские» вывезли 300 млрд. долл. или накупили себе «мерседесов». Главное, что они при этом уничтожили в десятки, а то и сотни раз больше ресурсов, то есть оказались бессмысленными (с точки зрения интересов общества) хищниками. И это — свойство фундаментальное (в принципе, вся западная экономика именно такова). Рядом с этим свойством тупость советского управления — свойство именно не фундаментальное, а исторически данное и устранимое. Да и потери эта тупость порождала гораздо меньшие, чем нынешняя хищность.

В мае-июне 2000 г. в Государственной думе состоялись слушания, на которых обсуждалась возможная стоимость восстановительной программы. Там было сказано: «для создания современной производственной базы запуска производства потребуется не менее 2 триллионов долл.» (запись слушаний опубликована в «Российском экономическом журнале», 2000, № 7). То есть, 2 трлн. долл. нужны еще не для развития, а лишь для повторного *запуска* хозяйства — как запускают заглухший и заржавевший двигатель. От этой оценки не слишком сильно отличаются и представления правительства. Министр экономики Г.Греф заявил, что для запуска хозяйства требуется 45 трлн. руб. (1,7 трлн. долл.). Он, правда, не сказал, где правительство предполагает достать эти деньги при созданной ныне экономической системе. Ясно, что в рамках монетаризма наше хозяйство восстановлению просто не подлежит. А в рамках советского строя эта проблема, как мы знаем, вполне решаема, поскольку ресурсы соединяются не через рынок, а через план. Об этом говорит опыт восстановительной программы 1945—1952 гг.

При обсуждении этих сведений в Интернете один из собеседников, Б., посчитал, что сумма в 2 трлн. долл. сильно завышена. На мой взгляд, она занижена. Стоит вспомнить, что в хозяйство ГДР уж вложен 1 трлн. марок, но ее производство еще далеко от уровня запуска с выживанием в условиях открытого рынка. А ведь стартовые позиции промышленности ГДР в 1990 г. были гораздо лучше, чем у нас сейчас, да и масштабы не те и население не оголодало. Сколько стоит по рыночным ценам восполнить в условиях Сибири и Севера десятилетний перерыв в геологоразведке и обустройстве новых месторождений? Рынок так рынок, надо брать мировые цены на эти работы. Ведь это уже не советская система, мы об

этом забываем. Это сказывается на мышлении хозяйственных руководителей. Их сознание расщеплено — они опираются на оставшиеся ресурсы советской системы, другой рукой их же уничтожают, но в своих расчетах исходят из того, что ресурсы эти вечны.

Мы практически лишились флота — сколько стоит его закупить или построить? И так — пройдитесь по всем самым массивным системам. Только тракторный парк, который выбит почти полностью, по европейским нормам для фермеров (1 трактор на 10 га) будет стоить 150—200 млрд. долл... Стадо крупного рогатого скота вырезано более чем наполовину — сколько стоит купить 30—40 млн. голов породистого скота? И ко всему этому надо добавить стоимость полной переподготовки рабочей силы. Скорее всего, число 2 трлн. долл. занижено вследствие инерции образа советских цен. Да и западные цены начнут расти из-за общего повышения цен на нефть. Значит, не только все материальные ресурсы, но и рабочая сила резко подорожает (работникам надо питаться, а импорт продовольствия будет обходиться дороже). При этом не видно, почему бы прекратился отток капитала за рубеж.

Возьмем одну только отрасль — энергетику. 15 января 2001 г. был опубликован очередной выпуск «Обзора», информационно-аналитической справки о положении дел в экономике «Центра развития» (рук. С.Александренко, бывший заместитель председателя Центробанка РФ). Там сказано: «В ближайшие десять лет, по оценкам экспертов, выбытие мощностей в течение 2000—2010 гг. возрастет примерно до 10 млн. кВт в год, а существующие темпы ввода новых мощностей уже не будут покрывать их выбытия. В среднем за предшествующие 10 лет вводились мощности около 1,24 млн. кВт в год, в 1999 г. объем ввода новых мощностей составил, по словам зам-

преда правления РАО «ЕЭС России» Я.Уринсона, лишь 0,84 млн. кВт, в 2000 г. был введен 1 млн. кВт.

Помимо этого, изменение топливно-энергетического баланса России в сторону уменьшения доли газа при выработке электроэнергии и переоборудование электростанций на потребление угля потребует дополнительных вложений в отрасль. По оценкам экспертов, потребность в инвестициях в электроэнергетику в 2001-05 гг. будет составлять от 3,8 до 4,4 млрд. долл. в год, а в 2006—10 гг. возрастет до 8,4—9 млрд. долл. в год, тогда как объем инвестиций в основной капитал снизился с 4,9 млрд. долл. в 1997 г. до 1,1 млрд. долл. в 1999 г., а в 2000 г. может составить лишь 1,3—1,5 млрд. долл.». Говорят о замене нефти и газа углем — но ведь и добыча угля непрерывно падает.

В своей пропаганде реформаторы приукрашивают положение дел, называя отдельные случаи благополучных предприятий. На фоне целого это — *флуктуации* в рамках непрерывно сокращающегося производственного потенциала. Нет капиталовложений — из этого и вытекает угроза катастрофы, а не из нынешнего состояния. До сих пор кое-кто внушает, что в обозримом будущем в рамках нынешней доктрины реформ наше производство выйдет на уровень конкурентоспособности. Я бы сказал, что на трупе слона можно какое-то время выкармливать норку и иметь конкурентоспособную ферму. Но долго содержать ее нельзя — это не то, что выкармливать норку, имея стадо воспроизводящегося скота. Примеры локального благополучия — это норки на трупе.

Вновь возьмем один из ключевых ресурсов хозяйства — энергию. В 1999 г. США потребили 1 млрд. тонн нефти, а РФ — 80 млн. тонн. Добыча нефти падает, а за долги надо отдавать все больше и больше. Скоро добыча снова резко упадет, поскольку начнется эффект от прекращения с 1990 г. разведывательного бурения. В этом нет

ни капли идеологии, и нехватку энергии не покрыть гениальными мозгами, из которых к тому же большая часть уплывает за рубеж. С газом положение не лучше. В некоторых областях закончили прокладку труб, вогнали в их прокладку большие средства, а газа не подают — нет. Уже ведутся его закупки по мировым ценам у Туркмении. Одновременно идет подготовка к массивированному экспорту электроэнергии.

Те, кто продолжает отстаивать сегодня антисоветскую доктрину, все время переходят от той проблемы, которая стоит перед страной, на совсем другую проблему. Ведь задача в том, чтобы оживить и восстановить *народное хозяйство* России в масштабах, достаточных для надежного воспроизводства страны и народа. А нам все время говорят, что в России будут созданы анклавы конкурентоспособного производства. Что такие анклавы можно создать, никто не сомневался и не сомневается. Вопрос-то в том, будут ли эти анклавы в совокупности по своим масштабам достаточны, чтобы обеспечить жизнь 150 млн. человек? Тэтчер считает, что они будут адекватны жизни 15 млн. человек, а З.Бжезинский называет число 50 млн. Вот и цена отказа от советского хозяйства — при нем жило, и вполне прилично, 150 млн. человек.

Но и оптимизм относительно анклавов необоснован. Они пока что работают на старых ресурсах — не платят за землю, имеют очень дешевую энергию и используют старую рабочую силу, не отчисляя денег на создание новой. Кроме того, они защищены остатками советского железного занавеса. А надо прикинуть, как будут выглядеть эти анклавы, когда РФ введут в ВТО. Ведь один из главных смыслов ВТО — обязательство всех стран, не входящих в ядро системы, отказаться от собственной научно-технической деятельности. Запатентовать свои разработки

нам будет почти невозможно — таково разделение труда, предусмотренное ВТО. А значит, все передовые предприятия, о которых нам говорят по телевизору, все равно станут филиалами ТНК или сойдут со сцены.

Антисоветская интеллигенция поддержала главные принципы либеральной реформы, но при этом все ее виднейшие представители признают, что никто не может дать гарантии, что мы «выкарабкаемся». То есть, эти люди поддержали смертельно опасную операцию над своей больной страной — «против воли больного», как признали сами демократы. Причем болезнь вовсе не требовала такой операции, а о заведомом вреде этой операции и ее опасности для жизни предупреждали очень многие авторитетные специалисты. Тут безответственность порождена идеалами. Для одних страна обладает *святостью*, которая не позволяет так легко решаться на смертельно опасные манипуляции. Для других страна — объект, с которым можно обращаться свободно.

Рассмотрим некоторые концептуальные основания критики советской системы хозяйства.

Отрицание государственной собственности

Частью большой антисоветской доктрины в сфере экономики была атака на представление об общенародной и государственной ***собственности***. Позитивная часть этой доктрины была иррациональной, она сводилась к квази-религиозной вере в благодатные свойства *частной* собственности. Делались нелепые высказывания о «естественном» характере частной собственности и даже ее «священном» характере. Что само понятие «*священный*» является иррациональным, очевидно, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священно одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь.

Придание же этому чисто социальному феномену статуса «естественного», то есть природного, внесоциального также надо считать иррациональным, поскольку здесь слово «естественный» просто заменяет слово «священный» и никакого содержательного значения не имеет. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собственности — собственность на *тело* индивида). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тысяч лет — двести веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это — исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник в определенных условиях, побыл в культуре и исчез.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства Хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — типичное биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Прискорбно наблюдать его в культурной образованной среде. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а Православие. С.Булгаков пишет в книге «Христианский социа-

лизм»: «Именно это-то *чувство* собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви»¹.

Во время перестройки настойчиво внушалась мысль, что, мол, общенародной собственности в СССР и не существует, ее захватило государство, так что *общенародной* советскую собственность называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея эта, если не считать ее злонамеренной фальшивкой, совершенно схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех и охотно принимаются соответственно подготовленными людьми).

Бюрократия в СССР явно представляла собой социальную группу работников управленческого аппарата и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления и участвует в принятии решений, но вовсе не является *собственником* капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уровниловка», которую на все лады склоняли антисоветские мыслители. В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнильной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное право на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

¹ О том как манипулировали проблемой «чувства собственности» в ходе антисоветского поворота, можно прочитать в книге И.И.Сигова «Феномен собственности». М.: Гелиос, 1999.

Напротив, чтобы опорочить советскую собственность, антисоветским философам приходилось идти на сложные интеллектуальные выкрутасы и на грубую подмену понятий. Вот, например, что пишет видный философ-правовед В.С.Нерсесянц: «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии» (В.С.Нерсесянц. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека. — СОЦИС, 1990, №1).

Утверждение, будто без частной собственности (философ стыдливо заменяет слово «частная» на «индивидуальная») **все** (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, полная нелепость, противоречащая здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, лишает многих людей права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав. При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу.

С точки зрения буржуазной идеологии, такие общества были *неправовыми*, т.к. не допускали частной собственности. Отсюда видно, что миф о связи собственности с правом основан на порочном круге. Он выводится не из реальности, а из идеологического постулата. Обман в

том, что философы, которые этот миф культивируют, не называют этого постулата открыто.

Эксплуатируя заложенный в миф о собственности порочный круг, эти философы поневоле доходят до абсурда. Тот же В.С.Нерсисянц пишет: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.». Речь явно идет о советском строе. Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами.

В.С.Нерсисянц, видимо, делает упор на национализацию 1918 г., хотя и тут непонятно, почему же национализация — неправомерный акт. А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать молодому биохимику и комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Но пусть даже национализация и была «неправомерной» (точнее, следовала чрезвычайному революционному праву). Ведь это — всего лишь краткий исторический миг, да и национализированы были парализованные и заброшенные предприятия, что прекрасно видно из истории этого процесса. В первой книге кратко упомянуты обстоятельства, в которых проходила национализация промышленности в Советской России в 1918 г. Ее главной причиной была именно остановка производства владельцами предприятий, что грозило рабочим голодной смертью. Этот процесс начался до Октябрьской революции, во многих

случаях с июля 1917 г. Именно владельцы нарушили свои обязанности, которые явно или неявно предусмотрены «общественным договором», каковым и является частная собственность на средства производства.

В 1954 г. были опубликованы исключительно важные для данной темы материалы — большой том в 824 страницы («Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917—1920 гг.» М.: Политиздат. 1954). Его полезно прочитать внимательно, каждый документ, о каждом конкретном случае. Вот обращение правления профсоюза текстильщиков Поволжья к заводским комитетам, с которого начался процесс национализации текстильных предприятий региона:

«30 января 1918 г.

Наши фабрики и заводы находятся в плачевном состоянии: нет запасов машинных частей, нет сырых материалов и пр. Предприниматели не принимают никаких серьезных мер для приобретения таковых. Мы видим, как наши фабрики и заводы изо дня в день приходят все в больший и больший упадок, и близок час их остановки.

Товарищи! Наша священная обязанность — спасти положение. Мы просим вас немедленно, при содействии товарищей служащих контор выяснить адреса всех фирм, заводов, складов и магазинов, где приобретались для ваших фабрик и заводов машины и все материалы, а также выяснить местность скупки шерсти и адрес продавцов таковых, выяснить цены по сортам до войны и цены настоящего времени. Все данные, имеющие быть собранными по этому циркуляру, просим немедленно прислать правлению союза.

Шлем вам товарищеский привет».

Но 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разрушено во время гражданской войны и потом восстановлено уже советским государством. Но за годы первой и второй пятилеток и часть третьей пятилетки до начала войны было построено 9 тыс. крупных предприятий. Разрушенные в войне предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, кирпичи когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились. И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», ВАЗа или московского метро? Самые благожелательные попытки додумать аргументы за В.С.Нерсисянца к успеху не приводят.

Возьмем совсем уж крайний случай. Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. Само понятие права у этого правоведа становится совершенно расплывчатым. Что за странное воздействие оказывает антисоветизм на головной мозг.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту пытается доказать мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Не будем уж поминать Маркса

(«на каждом долларе следы крови») или 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывало около 10% из тех, кто загонялся в трюм в Африке). По данным авторитетного историка Ф.Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, награбленными в одной только Индии.

Понятно, что в статье, написанной в 1989 г., автор своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — готовит читателя к грядущей приватизации. Уж она-то, мол, даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо освободить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, «ничейной», государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества».

Хотя в то время идея разрешить кучке ловкачей захватить всю государственную собственность еще широко не афишировалась, практические разработки уже велись. Вот откровения одного из идеологов реформы экономиста В.Найшуля в статье с красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики» (в столь же красноречивой рубрике «Кафедра научного капитализма» — «Огонек», № 45, декабрь 2000): «В 1985 году я написал самиздатовскую книгу о приватизации. Только называл приватизационные чеки не ваучерами, а инвестиционными рублями... В конце восьмидесятых организовалась некая единая тусовка, возникло новое экономическое поколение, из которого и вышло все, что вы наблюдаете сейчас, — нынешние реформаторы. В том числе Чубайс».

Вся эта атака на общенародную и государственную собственность, на мой взгляд, замешана на смеси под-

лости и глупости и велась она исключительно в целях прикрытия наглой и жестокой акции по присвоению этой собственности горсткой хищников. Присвоив ее, они все не отнесли к этой собственности с «чувством Хозяина» — они ее разграбили, надолго парализовав производительные силы страны.

Отрицание советской индустриализации

Одним из чувств было якобы *сострадание* к советскому населению, ставшему жертвой форсированного развития. Ввиду того, что сделали с населением антисоветские реформаторы после прихода к власти, это сострадание выглядит довольно фарисейским, но до 1991 г. оно действовало на сознание. Во всей антисоветской прессе конца 80-х годов (как западной, так и отечественной) звучали два важных мотива: глупо было СССР предпринимать ускоренную индустриализацию; глупо было ввязываться в гонку вооружений с Западом.

В принципе это к вопросу об экономике никакого отношения не имеет. Та или иная точка зрения о том, что нужно было делать СССР, определяется моральными ценностями, а не логикой. О ценностях же нет смысла спорить. Примем эту позицию и предположим, что советский народ, в своем подавляющем большинстве принявший политику индустриализации, фатально ошибся.

Это предположение очень смелое. Все ошибки Сталина и его тевосянов советские люди оплачивали излишками своей крови и пота. Из всего, что я знаю из всех доступных мне источников, именно эти люди, проливавшие пот и кровь, имели самую верную оценку альтернатив. И эта оценка была наиболее достоверной, поскольку речь шла об их собственной шкуре и шкуре их детей (которых они очень любили). Я считаю, что эта их оцен-

ка вполне адекватно выразилась в редкостном историческом явлении — культе личности Сталина. При том, повторяю, что все его ошибки и перегибы сразу и непосредственно выражались в излишке пота и крови.

Позиция, отвергающая индустриализацию, стала бы рациональной, а не идеологической, если бы ее сторонники провели ревизию всех имевшихся в тот период реальных альтернатив и сказали бы: та альтернатива, что была реализована, наихудшая. А народ, полюбивший тиранина Сталина, — дурак.

Я часто спрашиваю видных идеологов, даже нарушая приличия: «Какова была реальная альтернатива?» Стесняются, молчат. Ибо вот что пришлось бы ответить: лучше было бы отказаться от индустриализации, для которой не было средств. Лучше было бы не механизировать поле, а поддержать кулаков с дешевой батрацкой силой. Лучше было бы вновь начать гражданскую войну, расстреливая этих батраков в селе и безработных в городе. Лучше было бы сдать Гитлеру и отдать Сибирь Японии.

Очевидно, что советский строй оказался неподготовлен к «сытой» жизни — тут он сразу породил элиту, вожделевскую буржуазной благодати. Оказался беспомощным против внутреннего врага, вскормленного холодной войной.

Не странно ли: никто не вспомнит сбывшееся пророчество Сталина. На языке марксизма он сказал: по мере развития социализма классовая борьба против него будет нарастать. Уж как над этим насмехались! А ведь в переводе на русский язык это было важное предупреждение. Смысл его таков: в советском строе есть глубокий изъян, и как только настанет сытая жизнь, в обществе появится сила, которая постарается этот строй уничтожить. Как разрешить это противоречие, поколение фронтовиков не знало. Но оно хоть предупреждало.

Что поражает в самой структуре антисоветского мышления, так это полное отсутствие в нем исторической памяти, интеллектуальной преемственности. Из него исключена рефлексия над теми оценками советской экономической системы, которые давали виднейшие мыслители Запада, наблюдавшие ее становление. Причем мыслители, обладающие высочайшим духовным авторитетом в среде самой антисоветской интеллигенции. Понятно, что можно считать те их оценки ошибочными, находить им какое-то объяснение, но ведь этого нет — их просто игнорируют без всяких внутренних сомнений.

Вот Эйнштейн, хорошо информированный и об издержках советской индустриализации, и о репрессиях, писал в мае 1949 г.: «Экономическая анархия капиталистического общества, каким мы его знаем сегодня, является, по моему мнению, действительной причиной всех зол. Мы видим перед собой огромное сообщество производителей, которые непрерывно борются друг с другом ради того чтобы присвоить плоды коллективного труда, причем борются не из объективной необходимости, а подчиняясь законно установленным правилам...

Результатом такой эволюции стала олигархия частного капитала, чья колоссальная власть не может быть поставлена под эффективный контроль в демократически организованном политическом обществе. Это неизбежно, поскольку члены законодательных органов подбираются политическими партиями, финансируемыми или во всяком случае находящимися под влиянием частных капиталистов... более того, в нынешних условиях частные капиталисты неизбежно обладают контролем, прямо или косвенно, над основными источниками информации (прессой, радио, образованием). Таким образом, оказывается исключительно трудным, если не невозможным в большинстве

случаев, чтобы отдельно взятый гражданин смог сделать объективные выводы и разумно использовал свои политические права. Это выхолащивание личности кажется мне наиболее гнусной чертой капитализма...

Я убежден, что имеется единственная возможность устранить эти тяжелые дефекты — посредством установления социалистической экономики, дополненной системой образования, ориентированной на социальные цели. В этом типе экономики средства производства находятся в руках общества и используются в плановом порядке. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с общественными потребностями, распределяет работу между всеми, способными работать, и гарантирует существование всем людям, всем женщинам и детям. Воспитание личности, кроме того чтобы стимулировать развитие ее внутренних способностей, культивирует в ней чувство ответственности перед согражданами, вместо того чтобы прославлять власть и успех, как в нашем нынешнем обществе».

Говоря о «катастрофах, вызванных ускоренной индустриализацией», критики советской экономики сразу же забывают о них, когда хотят показать неэффективность плановой системы с другой стороны — через отсталость советской технологии в сравнении с западной или через низкий уровень потребления в стране. Бывает, один и тот же экономист в одной и той же статье видит дефект советской системы в том, что она провела слишком форсированную ускоренную индустриализацию, и одновременно в том, что индустриализация была недостаточно форсированной и ускоренной и не вывела СССР на уровень США. Такова диалектика антисоветского мышления.

Здесь надо сказать, что в антисоветском мышлении есть сильный крен в *технократизм*. Оно исходит из того,

что большие социальные системы вроде хозяйства создаются логически, в то время как они складываются исторически. Мы просто забываем те исторические обстоятельства, которые в тот или иной момент предопределили логически тот выбор, что привел к нынешнему состоянию. Но выбор задает определенную траекторию, память системы, ее «генотип». Не учитывая этого, технократ уверен, что сегодня он, логически мысля, может эту систему частично сломать и устроить лучше, по новому американскому учебнику.

Отвлечемся пока от того факта, что он чаще всего и сегодня мыслит не слишком умело — «забывает про овраги, а по ним ходить». Главное в том, что даже если бы его переводной учебник действительно был хорош, генотип системы, в котором записано огромное неявное знание о невидимых и даже принципиально не обнаруживаемых оврагах, представляет из себя не только большую ценность, но и огромную силу. В результате, ломая, как он полагает, лишь немного в системе, технократ приводит дело к катастрофе. Почти наверняка можно сказать, что предполагаемый при этом выигрыш в эффективности меньше ценности того неявного знания и памяти системы, которые он разрушает.

Вспомним: поначалу антисоветский проект в экономике якобы сводился к тому, чтобы усилить роль обратных связей в хозяйстве СССР. Первая модель хозрасчета, вторая модель, расширение инициативы и т.п. Ради этого не стоило наваливать миллионы трупов, такие вещи делаются не торопясь, проверяя каждый шаг именно обратными связями. Хорошо получилось — принимаем, делаем еще маленький шагочок. Не послушались реформаторы своего кумира Поппера (да и не читали они ничего, кроме конспекта лекций по Келле и Ковальзону).

Но если исходить из требований интеллектуальной совести, то надо вспомнить все предыдущие попытки усиления обратных связей (рыночности) в советской системе хозяйства. Укажем главные из таких точек: а) попытка пойти по пути госкапитализма в 1918 г.; б) НЭП, демонтаж трестов, хозрасчет и прямые связи; в) реформы Хрущева — ликвидация министерств, совнархозы; г) реформа Либермана — Косыгина; д) реформа Горбачева — Рыжкова; е) реформа Ельцина — Гайдара. Все эти попытки, вплоть до Горбачева, запускали процессы, чреватые глубоким разрушением хозяйства или недопустимым в реальных условиях снижением темпов развития (нэп), а потому закруглялись, изучались (!) и приводили к восстановлению, на новом уровне, генотипа нашего «семейного» хозяйства. Всегда с изменениями, но не разрушительными. Лишь Горбачев пошел напролом, а потом его работу, в наиболее грязной ее части, доделала бригада Ельцина.

Если окинуть взглядом эту богатую историю, то именно об антисоветском типе мышления следует сказать, что в нем напрочь отсутствуют обратные связи. Это — система, принципиально необучающаяся.

Особо наглядны разрывы в логике, и «обратных связях», когда само планирование трактуется как «гигантский механизм по растрате усилий и ресурсов». Вспомним реальность России 20—30 годов и представим себе альтернативу плановой экономике. Предположим заведомо невозможное (независимо от желаний большевиков): после гражданской войны в России установилась экономика свободного капиталистического рынка. Каков был бы результат? Его нетрудно смоделировать, и вряд ли кто-нибудь всерьез сомневается в том, что в реальных условиях разрухи, отсутствия капиталов, огромного внешнего долга и хронической нехватки земли первым

результатом стала бы длительная массовая *безработица* невиданных масштабов. Вот это действительно было бы «гигантским механизмом по растрате ресурсов», несопоставимым по своей разрушительной силе с дефектами планирования.

Этой безработицы удалось избежать именно потому, что путем планового распределения ресурсов, не подчиняющегося локальным экономическим критериям (прибыль), огромные массы людей были вовлечены в строительство заводов, каналов, железных дорог, хотя бы с помощью «неэффективного» ручного труда. С помощью планирования этим людям было обеспечено очень скромное, но достойное существование и возможность учиться. А затем, опять-таки вопреки экономическим критериям рынка, на заводах было установлено самое современное по тем временам оборудование, которое бывшие крестьяне вначале нещадно ломали. Все это с точки зрения рынка совершенно иррационально, а с точки зрения страны в целом было национальным спасением и средством избежать огромных страданий.

Вернемся к жестокой реальности. Могли ли согласиться с нарастающей безработицей и социальным расстройством миллионные массы красноармейцев, воевавших под знаменем уравнительного идеала («против эксплуатации»)? Ни в коем случае. Достаточно сказать, что даже введение нэпа, т.е. строго дозированное и контролируемое допущение рыночной экономики, вызвало не только волну самоубийств, но и возникновение вооруженных банд из красных ветеранов гражданской войны. Уместно было бы вспомнить и умерших от голода рабочих и шахтеров закрытых при введении нэпа нерентабельных фабрик и шахт и тот психологический эффект, который производили эти смерти.

Нет смысла спорить о нюансах, ошибках и перегибах. Не в них суть. Важно, что в целом принятый при планировании приоритет социальных критериев над экономическими и долгосрочных целей над краткосрочными не был «очевидно иррациональным». Потому-то эта политика и была поддержана населением. И вот методологическая скудость антисоветизма. Делая экстравагантный вывод о якобы очевидной иррациональности советской программы индустриализации, разумный человек попытался бы проверить его каким-то независимым методом.

В данном случае отсутствие такой проверки тем более красноречиво, что сама история провела объективный экзамен: войну против СССР нацистской Германии, использующей промышленность почти всей Европы. Имеются достаточно точные, проверенные немецкими «экспертами» данные о количестве и качестве советского вооружения и военных материалов. Исходя из этих данных, нетрудно рассчитать реальные темпы роста промышленности, образования и культуры в СССР за 30-е годы. Но ни подсчетов не делается, ни даже война как экзамен не вспоминается.

Отрицание плановой системы

Когда говорят о дефектах планирования, то дело сводят именно к якобы неверным техническим решениям («надо было строить хорошие картофелехранилища, а не ракеты»). Но даже если так, то ведь именно сделанный тогда обществом выбор («устоять даже в условиях военного быта») и определял приоритеты для планирования — отправлять средства на строительство хранилищ для картофеля или на строительство новой ракеты.

Здесь стоит на момент остановиться и отсечь целый пласт рассуждений, которые мне кажутся бесполезными, — о правильности или ошибочности тех или иных

конкретных плановых решений в советский период. То знание и те методы, которыми располагают граждане, позволяют надежно оценивать лишь критерии и выборы довольно высокого уровня, а не решения, которые, по сути, уже не зависят от общественного строя. Они и в американских корпорациях могут быть столь же ошибочными, как и в советском министерстве.

На деле, мне кажется, за конкретными «ошибками», которые вспоминают принципиальные критики советского проекта, кроется отрицание именно критериев высокого уровня. Но этого не хотят прямо говорить, и вытаскивают ошибку, обычно такую, которую собеседник и не может рационально оценить. Потом незаметно производится подмена предмета, и ошибочным начинает казаться критерий высшего уровня.

Например, один собеседник в Интернете (строитель) основывает свою критику плановой системы на таком факте: в СССР не разработали и не наладили производство хорошего насоса для бетона. Конечно, это плохо — в ФРГ такие насосы уже есть и дают большой эффект в строительстве. Значит, рассуждает он, здесь была допущена важная ошибка в планировании, значит, плановая система хуже частной инициативы и т.д.

Я считаю, что это рассуждение (а структура его типична) ошибочно. «Нет хорошего насоса» — это факт. «Допущена ошибка в планировании» — первый вывод. Но переход уже к этому первому выводу никак не обоснован. Ведь на деле задача стоит так: есть ограниченное количество ресурсов; надо создать и выпустить определенный минимальный набор продуктов; качество каждого продукта определяется количеством и качеством выделенных для его разработки и производства ресурсов; принятое плановой системой распределение ресурсов таково, что МиГ-29 хорош, а насос для бетона плох.

Почему же насос плох? В чем здесь ошибка Госплана? Возможно, в том, что недооценили ресурсы, потребные для разработки и производства насоса, и он получился с качеством ниже приемлемого критического уровня. То есть, все равно что его нет. Если так, то лучше бы и не тратить на него средства, а закупить в ФРГ. Это — плохое управленческое решение, и не более того. Или же господа отвергают сами критерии распределения («МиГ-29 важнее насоса»)? Это уже проблема выбора, о ней и надо говорить.

Но даже и допущение о том, что выделение средств для насоса было ошибкой, неочевидно. При разработке и производстве любого продукта есть «кривые обучения» — сначала выходит плохо, а потом налаживается. Если не начинать разработку и производство, то никогда своего насоса и не будет. Просто очень богатые корпорации могут больше средств отпускать на первую стадию «обучения», но сравнения этих показателей мы ведь и не делаем. Мы сравниваем наш «необученный» насос с обкатанным насосом из ФРГ.

Что же касается «качества» самих плановиков, то нелишне напомнить, что нобелевский лауреат Василий Леонтьев, прежде чем разработать исключительно важный для западной экономики метод межотраслевого баланса, был советским плановиком. И советским плановиком Канторовичем создан метод линейного программирования (исследование операций), в крупном масштабе примененный при планировании Сталинградской битвы, а впоследствии удостоенный Нобелевской премии.

В 80-е годы делались, да и сейчас еще делаются попытки доказать внутренне присущую плановой системе неэффективность «строгими» методами кибернетики. Потому, мол, что рыночная экономика автоматически регу-

лируется обратными связями, неподвластными ошибкам плановиков. Хотя тезис этот, на мой взгляд, совершенно схоластический и к реальности никакого отношения нигде и никогда не имел, он почему-то крепко запал в умы. Поэтому надо на нем остановиться.

Строго говоря, в этом тезисе есть уже перенос из идеологии некорректных утверждений. Нерыночное хозяйство *не может быть описано в понятиях рынка*, к нему неприменима рыночная категория «эффективности». Об этом говорил уже Аристотель, это подразумевал Адам Смит и специально оговаривали Маркс и Вебер. Утрируя, можно сказать, что советская экономика выросла из экономики крестьянского двора, и ее главным теоретиком были не Преображенский или Струмилин, а Чаянов. Он же писал, что изъять из политэкономии одну категорию — значит обрушить всю систему: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению». Поразительно, что никто из теоретизирующих антисоветчиков не пытался возразить против этой мысли Чаянова по существу, но и в расчет ее не принимал. А ведь в ней вопрос поставлен очень жестко — категории рыночного хозяйства в приложении к советскому *не просто теряют смысл, но даже и не поддаются количественному определению!*

Неприемлемо и обычное для идеологов выведение эффективности через сравнение уровня потребления в СССР и на Западе. Ни в плане природных, ни в плане исторических и культурных условий не выполняются минимальные критерии подобия этих двух систем. Несоизмеримости хорошо изучены, и сравнения, эффективные для пропаганды, в научном плане — подлог. Если бы Запад был поставлен в положение СССР (хотя бы отрезан от ресурсов колоний, а потом «третьего мира»), его экономика моментально рухнула, а затем там устроилось бы что-то похожее на советскую систему — если бы удалось сломать культуру индивидуализма.

Но допустим, что есть некий интегральный и применимый для обеих систем показатель «эффективности». Думаю, история надежно показала, что и в этом случае тезис о преимуществе рыночной экономики над плановой не получил эмпирического подтверждения. Страны «свободного рынка» (термин чисто идеологический, поскольку реальной свободы на этом рынке нет) всегда имели огромную помощь государства, которая и приводила систему в равновесие. Это были не «обратные», а именно «прямые связи», аналог плана. Только государство могло обеспечить экономике Запада захват колоний и перекачку оттуда ресурсов. Без них «рынок» (капитализм) в ядре системы вообще не мог бы существовать, о чем и говорит изучение «структур повседневности», то есть эмпирический анализ школы Броделя.

Когда «рынок» слишком усилился по сравнению с государством, случилась Великая депрессия. Ответом была «кейнсианская революция». Раз революция, значит, речь шла о катастрофе, а значит, о принципиальной неэффективности обратных связей. В западной литературе приходится читать выражения типа «сама по себе рыночная система является саморазрушающейся».

Напротив, имеется большой и прозрачный эмпирический опыт, говорящий о том, что нерыночное хозяйство с прямыми связями при отсутствии большого резерва ресурсов извне гораздо эффективнее рыночного. Речь идет, прежде всего, о семейном хозяйстве. Политэкономика (экономика полиса, народное хозяйство, *хрематистика*) не занималась хозяйством ячейки общества — семьи. А оно устроено не на купле-продаже или прямом обмене, а на кооперации и взаимопомощи. Это типично плановое хозяйство — с бюджетом, безналичным расчетом и условными ценами.

В 70-е годы я изучал организацию науки, а лаборатория устроена во многом как хозяйство семьи. И стал читать американскую литературу. Оказалось, что совокупность семей в США ведет огромную по масштабам хозяйственную деятельность. Почти весь досуг людей, а также время стариков и частично детей, в основном посвящен труду, в котором есть своя технология, материально-техническая база, организация, финансирование и т.д. Рынок наступает на эту сферу, но безуспешно, ибо в другом месте и отступает. Много полуфабрикатов пищи производит теперь промышленность — но зато мебель люди все больше и больше делают сами — тоже из полуфабрикатов.

В США были работы, в которых пытались обчислить хозяйство семьи в рыночных категориях — как если бы члены семьи перешли на отношения купли-продажи с эквивалентным обменом. Оказалось, и об этом говорилось с удивлением, как об открытии, что семья жить бы не смогла — все услуги были столь дороги, что никто их оплатить бы не смог.

Самое странное было в том, что в семейном хозяйстве возникала энтелехия (системное качество) в крупном размере. Сумма оборота была не нулевая, в семье все

получали большие деньги как бы из ничего — бесплатный *синергический* эффект. В России к этому близок изученный в науке непривычный и неприятный для либералов опыт крестьянского хозяйства в сравнении с фермерским в 1880—1917 гг. На эмпирическом уровне он описан А.Н.Энгельгардтом, на научном — школой Чаянова.

Эти экономические работы в США делались в русле «альтернативной экономики», но Чаянов об этом писал уже в 20-е годы. Важная вещь: крестьянский двор выполнял целый ряд работ крайне нерентабельных и «неэффективных» — и именно потому он в целом в годовом цикле был очень эффективным. Советское хозяйство было в принципе устроено по типу семьи или крестьянского двора. Подходить к нему, как к рыночному, указывая, что, мол, это неэффективно, а то нерентабельно — значит проявлять крайнюю степень механицизма и отсутствия системного видения. Это откат за древних греков, которые уже хорошо понимали значение энтелехии, синергизма, возникновения силы «из ничего».

Антисоветские экономисты, по большому счету, ратовали за превращение хозяйства семьи в рынок, за переход от сложной системной кооперации и максимальному переводу отношений на принцип купли-продажи с регулятором в виде обратных связей. Таков пафос их главных утверждений.

Когда говорят о рынке и плане как регуляторах хозяйства, то сводят эффективность такой большой системы, как народное хозяйство, к эффективности одной его подсистемы — управления. Тут, по-моему, есть столь большое взаимное непонимание, что даже не знаешь, как подступиться. Является ли управление лимитирующим звеном всей системы? Скорее всего, нет. Если не работает блок, производящий какой-то критически важный

ресурс, то, как ни оптимизируй систему с помощью хорошего управления, результат плачевен. Советская система характеризовалась тремя особыми качествами, отличавшими ее от капиталистической.

Во-первых, она сумела запустить молекулярные процессы массового создания «снизу» самых ценных ресурсов. Прежде всего, это здоровый, спокойный, образованный человек. Это видно из множества жестких эмпирических показателей. Во-вторых, это создание всеобъемлющей системы поиска, разработки и собирания материальных средств — от сырья и энергии до рабочей силы. В-третьих, механизм концентрации ресурсов в ключевых точках в нужный момент и маневр ресурсами. Речь здесь идет не только о комплексном планировании, но и о создании больших технологических систем типа Единой энергетической или единой железнодорожной. В сумме это дало такой запас эффективности, что гипотетическое превосходство обратных связей над прямыми в подсистеме управления по сравнению с этим запасом несущественно.

Но вернемся к тезису о более высокой эффективности рынка как регулятора по сравнению с планом. И этот тезис нельзя принять как недопустимо абстрактный. Он означает перенос чистой модели управляющей системы на сложную систему управления в реальной экономике. Это — на грани подлога. Специалист по экономической кибернетике Ст.Бир писал, что такая система, как предприятие (фирма), в принципе не может управляться на основе обратных связей. Для нее необходимо дополнение, «говорящее на ином языке». Это и есть дополнение через прямые связи (государственное регулирование, план и т.п.). По отношению к советской системе, которая, как и капитализм, была комбинацией прямых и

обратных связей, можно было бы спорить об изменении пропорций или структуры связей. Однако в антисоветском движении вопрос был поставлен совершенно иначе. Оно потребовало слома советской системы.

Кроме того, в больших системах оптимум вообще не бывает четко выраженным. Есть широкие зоны «хороших состояний». Если система работает (как это и было с советской системой), то значит, она находится именно в этой зоне. Даже если зона оптимума иной системы (для нас — «рыночной») несколько выше, она всегда отделена от нашей более или менее высоким барьером. Затраты на его преодоление (на «перестройку») могут быть несопоставимо больше, чем разница в высоте оптимумов. Выдвигая свой тезис о предпочтительности рынка, антисоветские идеологи просто обязаны были четко заявить о своей оценке цены перехода.

Она, кстати, в последние десять лет определяется уже вовсе не умозрительно. Но и умозрительно она была известна до 1989 г. — в расчетах видных экономистов-рыночников, например, для Польши. Тогда говорили, что по политическим соображениям Польша пойдет на эту перестройку, но она станет «нацией хорошо оплачиваемых зулусов». Было известно, что при переходе через потенциальный барьер Польша должна будет лишиться современной промышленности и науки. Так оно и произошло. Энтузиаст антисоветского поворота должен был не только открыто согласиться на такой вариант для России, но еще и обосновать надежду на то, что «русские зулусы» будут оплачиваться хотя бы по прожиточному минимуму.

В отношении России тезис о преимуществах обратных связей неприемлем еще и по той специфической причине, что и летом 1917 г., и сегодня в систему управ-

ления хозяйством встроены сильные теневые агенты, находящиеся вне России и действующие согласно критериям, явно противоречащим интересам России.

В России начала XX века большая часть прибавочного продукта изымалась в виде платежей по внешнему долгу, вывоза прибылей иностранным капиталом и в виде переводов на расходы дворянства и буржуазии за границу. Сегодня — то же самое. О какой эффективности рынка и обратных связей можно вообще говорить в таких условиях? Цены на главные товары на российском рынке устанавливались в Париже, и это были для России никак не обратные, а прямые связи — диктат. А что такое сегодня для России программа МВФ или негласные рекомендации Бильдербергского клуба? Прямой и предельно жесткий диктат, ничего не имеющий общего с обратными связями «свободного рынка».

Это положение усугубляется еще одним фактором, который в России оказывал сильнейшее внешнее (прямое) действие на управление до 1917 г. и после 1991 г. — диктат преступных уголовных структур. Об этом антисоветские теоретики тоже «забыли»? В таком случае все их моделирование никакой ценности не имеет. Можно принять, что в некоторых частных случаях мы имеем дело с искренним заблуждением, но в целом эта проблема прекрасно известна.

Общий вывод таков: даже если управление через рынок было бы эффективнее, чем через план, указанные факторы реальности настолько сильнее этого преимущества, что их устранение с помощью государственного контроля, как это и предполагалось в советском проекте, дает заведомый большой выигрыш.

Против советской системы хозяйства выдвигалось и много «обыденных» популярных обвинений. Они имели успех вследствие того, что люди, не имея достаточно ши-

рокой информации, с трудом могли «взвесить» обвинения, найти верную меру. Негативные явления и издержки гипертрофировались в сознании.

Например, много говорилось о том, что экономика якобы «работает на себя», так что в хозяйстве накапливается огромная масса ненужных запасов и неустановленного оборудования. Другое обвинение того же рода гласило, что огромная масса товаров вообще производится зря, они никому не нужны, забивают склады и уцениваются. И то, и другое имело место — но в каких масштабах?

Вот данные из статистического сборника «Финансы СССР. 1989—1990 гг.» (М. Госкомстат СССР. 1991). Сначала о масштабах стоимости неустановленного оборудования (понятное дело, речь идет о сверхнормативных запасах): «В 1990 г. в амортизационный фонд начислено амортизации за год 147,5 млрд. руб., прочих поступлений в амортизационный фонд было 52,2 млрд. руб. Итого 199,7 млрд. руб. Израсходовано из этого фонда всего 202 млрд. руб., в том числе на полное восстановление основных фондов 98,6 млрд. руб. и на ремонт основных фондов 103,5 млрд. руб. (с. 172)... Сверхнормативного неустановленного оборудования на складах в капитальном строительстве (без сданного в монтаж и резервного) в 1990 г. было в СССР на 7,1 млрд. руб. (в 1989 г. — на 6 млрд. руб.)» (с. 178).

Далее в справочнике дается сводка о стоимости неустановленного оборудования по разным его категориям для всех министерств и крупных предприятий. Например: концерн «Норильский никель» имел неустановленного оборудования всего на 43 млн. руб.: в том числе — отечественного на 21 млн., импортного на 22 млн., сверхнормативного — на 33 млн. руб. (с. 181).

Таким образом, на полную замену и ремонт основных фондов в год расходовалось из амортизационного фонда

порядка 200 млрд. руб. в год. На приобретение оборудования и инструментов в 1989 г. израсходовано 82,4 млрд. руб., а в 1990 г. 85,6 млрд. руб. А сверхнормативного не установленного оборудования было на сумму 6—7 млрд. руб. в год. Неужели задержка с установкой 8% оборудования есть столь немыслимый дефект, чтобы из-за него бросать обвинение самим принципам хозяйственной системы? Мне кажется, что тут или заблуждение (незнание реальной обстановки в целом), или отказ чувства меры.

Теперь насчет того, что советское хозяйство несло большие потери из-за производства товаров, которые «никто не покупал». В 1989 г. в розничной торговле в СССР было продано непродовольственных товаров на 214,2 млрд. руб., а в 1990 г. на 259,7 млрд. руб. В цитированном справочнике читаем: «Потери от уценки товаров, не пользующихся спросом населения, устаревших фасонов и моделей: 1989 — 2,6 млрд. руб.; 1990 — 2,5 млрд. руб. (с. 184)». Итак, уценка товаров составляла всего около 1% продаж! Причем уцененные товары не пропадали, не сжигались — они использовались людьми, многие это прекрасно помнят. А ведь этой проблеме в массовом сознании придали почти катастрофический характер.

Сегодня, когда мы находимся в тяжелейшем положении и окидываем мысленным взором совокупность антисоветских суждений о разрушенной системе хозяйства, возникает тяжелое чувство. Эта критика выглядит поразительно бесплодной, из нее нельзя извлечь никакого полезного урока. Какую из ее концепций ни возьми, — с желанием, отсеив ругань, отобрать какие-то поучительные мысли — все расплывается, во всем какая-то гниль. Это критика, построенная на ложных основаниях, недобрых чувствах и недобросовестных приемах.

Начиная с 1991 г. во всех республиках СССР проводится крупное международное социологическое исследование

дование «Барометр новых демократий». В августе 1996 г. был опубликован краткий доклад руководителей проекта Р.Роуза (Великобритания) и К.Харпфера (Австрия) «Новый русский барометр». В этом докладе сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии 88 и на Украине 90% (Rose R., Haerpfer Ch. Comparing and Contrasting Mass Response to Transformation in Eastern Europe and Russia. — Monitoring of Change: Principal Trends. 1996. Vol. 4, No. 24, p. 13—20).

Отрицание уравниловки: советское хозяйство и бедность

Важным качеством любого жизнеустройства является представление о *бедности* — отношение к тому факту, что часть членов общества имеет очень низкий, по меркам этого общества, уровень дохода. Столь низкий, что по потреблению благ и типу жизни бедные и зажиточная, благополучная часть образуют два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах — «расе бедных» и «расе богатых»).

По этому признаку советский строй жизни сильно отличался от сословного общества царской России и резко отличался от либерального общества Запада. Здесь нас интересует именно сравнение с Западом, поскольку во всей антисоветской пропаганде именно Запад брался за образец «правильного» распределения доходов, якобы устраняющего ненавистную «уравниловку». Скажем, наконец-то, прямо, что отрицание уравниловки есть не что иное, как придание законного характера бедности.

И философские основания советского строя, и лежащая в их основе антропология, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, исходили из того, что бедность — зло. Бедность в советской культуре рассматривалась как пережиток прошлого, как следствие недостаточного развития хозяйства или социальных аномалий. Каждый советский гражданин как член большой страны-общины и государства-семьи имеет право на получение такого количества материальных благ, чтобы вести благополучную жизнь — в достатке. Таков был официально декларируемый принцип и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом официальная идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали¹.

На Западе ведущие мыслители-экономисты либерального направления (А.Смит, Т.Мальтус, Д.Рикардо) считали, что бедность — неизбежное следствие превращения традиционного общества в индустриальное². Более того, Мальтус даже считал, что бедность — универсальное свойство самого человеческого существования, просто рынок обнажил его до полной ясности. Он был противником государственной помощи бедным, поскольку именно голод и эпидемии являются необходимым стихийным регулятором численности бедных — и этому регулятору нельзя мешать.

Ницше писал: «Сострадание, позволяющее слабым и угнетенным выживать и иметь потомство, затрудняет дей-

¹ Отметим, кстати, вещь очевидную — для нас главной категорией был достаток, а вовсе не богатство. На западные языки такое простое русское слово, как «*достаток*», перевести не так-то просто, получается какой-то оттенок слова «*богатство*».

² Хороший обзор, из которого я взял и фактические данные: В.С.Сычева. Измерение уровня бедности: история вопроса. — СОЦИС, 1996, № 3.

ствие природных законов эволюции. Оно ускоряет вырождение, разрушает вид, отрицает жизнь. Почему другие биологические виды животных остаются здоровыми? Потому что они не знают сострадания».

Протестантская Реформация породила новое, неизвестное в традиционном обществе отношение к бедности как признаку отверженности. Это представление перешло и в идеологию. В середине XIX в. важным основанием либеральной идеологии стал *социал-дарвинизм*. Он исходил из того, что бедность — закономерное явление и она должна расти по мере того, как растёт общественное производство. Кроме того, бедность — проблема не социальная, а личная. Это — индивидуальная судьба, predeterminedная неспособностью конкретного человека побеждать в борьбе за существование.

Видный идеолог социал-дарвинизма Г.Спенсер считал даже, что бедность играет положительную роль, будучи движущей силой развития личности. Идеолог современного либерализма Ф. фон Хайек также считал, что бедность — закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности и возложить ответственность за свою бедность на индивидуума.

Иначе трактуют бедность социологи левых взглядов. Большую известность получила книга П.Таунсенда «Бедность в Великобритании», в которой эта проблема представлена как социальная, и причина ее лежит в сфере общественных отношений (в данном случае — в капитализме). По оценкам этого социолога, 25% англичан живут в реальной бедности и 50% постоянно находятся в страхе перед бедностью. Исследователь бедности и голода из Индии, лауреат Нобелевской премии по эконо-

мике А.Сен показывает, что бедность не связана с количеством товаров (шире — благ), а определяется возможностями людей получить доступ к этим благам.

Ограничение бедности является важным условием и выхода из тяжелых кризисов. Об этом много говорил Рузвельт. Л.Эрхард в программе послевоенного восстановления ФРГ исходил из таких принципиальных установок: «Бедность является важнейшим средством, чтобы заставить человека духовно зачухнуть в мелких материальных каждодневных заботах..., [такие заботы] делают людей все несвободнее, они остаются пленниками своих материальных помыслов и устремлений». Л.Эрхард даже включал гарантию против внезапного обеднения в число фундаментальных прав: «Принцип стабильности цен следует включить в число основных прав человека, и каждый гражданин вправе потребовать от государства ее сохранения».

В обыденной социальной реальности даже богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом («структурная бедность») и служит важным фактором консолидации гражданского общества. Каждый гражданин всегда имеет перед глазами печальный пример людей, выброшенных из общества. Советского человека, попавшего на Запад, поначалу удивляло, что пресса и телевидение очень обильно, с массой устрашающих деталей показывают крайнюю бедность части их общества. В этом нет никакого «саморазоблачения» — обществу не стыдно за эту бедность, регулярно показывать ее в назидание всем благополучным необходимо.

Скажу об особой категории выброшенных из общества бедных людей — душевнобольных. Количество ненормальных в западных городах поражает. Там теперь новая политика — закрывать психиатрические больницы и вы-

ставлять пациентов на улицу. Свобода! А главное, экономия. Главный психиатр Нью-Йорка, сам из католиков, с горечью писал: «Беззаветные защитники так называемой свободы обрекают этих отверженных на жалкое существование, таящее большую опасность для них самих и, нередко, для общества». Эту ценность открытого общества в Россию уже внедрили: закон запрещает оказывать сумасшедшему помощь, если он сам об этом не попросит.

Кстати, в обзоре о состоянии психиатрических больниц на Западе эксперт из Швеции замечает, что «к психопатам очень хорошо относились в больницах России и избивали ногами в США». Под Россией имеется в виду СССР. При всей бедности и дефектах наших больниц — почему бы это? Потому, что советская цивилизация взяла от Православия представление, что все люди — братья. А в США подспудно считают, что «Христос пошел на крест не за всех», и большинство — отверженные. У сумасшедшего его отверженность выявилась наглядно — и его можно и нужно бить ногами.

Надо сказать, что хотя страны православной и исламской культуры резко отличаются от Запада в отношении к бедности, и сам Запад в этом вопросе не един. До сих пор заметны различия в «католическом» и «протестантском» Западе. Тем, например, сложились две разные системы благотворительности. Они представлены «Армией спасения» в протестантских странах и огромной международной католической организацией «*Caritas*» Милосердие).

Кстати, западная помощь «бедным всего мира» исключительно сильно политизирована, из нее вытравлены исходные евангельские принципы. Израиль получает от США помощь на одного бедного в 100 раз большую, чем Бангладеш, хотя средний доход в Израиле превышает 12 000 долларов на душу населения в год.

Вернемся к «Caritas». Эта организация ведет исключительно широкие и философски глубокие исследования бедности. Мне удалось поработать в библиотеке этой организации в Испании и почитать отчеты ее исследовательских групп. Это исключительно важный для нас материал. К сожалению, никакого интереса к современному знанию по проблеме бедности, накопленному в этой организации, в России не проявили ни государственные, ни научные, ни общественные организации. Например, Российский гуманитарный научный фонд год за годом отказывал в даже небольших грантах на то, чтобы ввести эти обобщенные сведения в научный оборот в России. Эксперты РГНФ не голодают!

В целом, и на католическом Западе в этой сфере идет «тихая Реформация». Так, в Бразилии в систему вошли «социальные чистки». Ныне в ее культуре фактически принята идея апартеида, основанная на идущем от протестантской концепции «предопределенности» расизме. Сознательно создается общество двух коридоров — то, что в «развитом» Западе выражается, например, в концепции школы.

«Вторжение протестантского Запада» происходит даже в католической Испании. Оно выражается во многих проявлениях расизма, которого раньше здесь не было. Это — вытеснение иезуитов «Опусом деи», а католической благотворительности — «социальными службами». Старики от них бегут ночевать зимой на улице только потому, с какими словами их там заставляют мыться¹.

Западное общество иногда называют «обществом двух третей» — поддержание трети общества за чертой

¹ Когда в Париже подростки сожгли бездомного нищего и возник скандал, шеф полиции заявил, что общество таково, что бездомные бегут из благоустроенных общежитий, ибо персонал излучает социальный расизм. При корректности, отсутствии воровства и чистых простынях.

бедности создает самую стабильную конструкцию. Разделение на богатых и бедных на современном Западе утратило классовый характер, в привычных нам терминах марксизма его понять трудно. Рабочий вошел в то, что называется «средний класс» и живет так, как живут две трети населения. Буржуазии и не требовалось подкупать всех бывших пролетариев — треть общества остается в бедноте, и это даже необходимо. Вид бедности сплачивает благополучных. Все это понимают, многие страдают — но что же тут поделаешь. А мир бедных на Западе вообще почти не известен. Редко приходится чуть-чуть к нему прикоснуться, и это как удар тока.

Есть ли на Западе классовая солидарность с третью отверженных? Я бы сказал, что классовой нет (или есть на уровне лозунгов). Родственная — пока да, родные не дают опуститься. Но если не удержался — попадаешь в совсем иной мир. Двойное общество! Еще четче это видно в «третьем мире». Вот Бразилия, общество «двух половин». В 1980—90 гг. здесь 47% населения относились к категории «нищего», в 1992 г. их число составило 72,4 миллиона (Из «Отчета по человеческому развитию. 1994». ООН, Оксфорд Университи Пресс). Такое общество уже приходится контролировать террором, и в трущобах (фавелах) регулярно устраивают акции устрашения, пускают кровь в больших количествах. Повод всегда найдется. А рабочие живут пусть по европейским меркам бедно, но с известными гарантиями. Можно ли сказать о рабочем классе и на Западе, и в Бразилии, что «им нечего терять, кроме своих цепей»? Считаю, что нельзя. И в постоянной войне с фавелами они, скорее, союзники буржуазии, чем отверженных. Россия становится для мира одной огромной фавелой.

Либерализм и социал-демократия на Западе различаются не философским отношением к бедности, а разными

социальными проектами. Когда к власти приходят правительства социал-демократического толка, масштабы бедности сокращаются, когда к власти возвращаются правые (как, например, Тэтчер), — возрастают. В США распределение семей по уровню доходов почти не изменяется.

В царской России в период развития капитализма тяжелая бедность сильнее всего ударяла по городским низам, не имевшим уже опоры в крестьянской общине. Показательно положение детских приютов. В конце XIX века произошел громадный наплыв «подкидышей», отданных матерями в приюты («воспитательные дома») младенцев. Например, в Московский приют в 1888 г. поступило 17,3 тыс. подкидышей. В большинстве своем младенцев отдавали матери-крестьянки, пришедшие на работу в город. В 60-е годы XIX века в государственных приютах умирало до 70% воспитанников, в начале XX века — до 55%. Работе столичных воспитательных домов в России посвящена большая книга Д.Л.Рансела «Матери нищеты: брошенные дети в России», изданная в Принстоне в 1988 г. (рецензия в журнале «История СССР», 1990, № 6). А в провинции, по данным наших историков, положение было хуже. Например, в Тверской губернии с 1828 по 1842 г. в приюты поступило 3335 подкидышей. Из них умерли 3187 (96%). Известна и причина — их кормили в основном жеваным хлебом.

На волне нарастания революции бедность в России стала рассматриваться как неприемлемое зло, с которым должно бороться все общество. В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, на котором собрались агрономы, экономисты, земские деятели, чиновники, предприниматели. Один из первых докладов назывался «Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте». Съезд принял решение, в котором

подчеркивалось, что задачей агрономии является «обслуживание всех слоев земледельческого населения».

Это заявление носит принципиальный характер, оно показывает, насколько нынешнее состояние правящего слоя в России деградировало по сравнению с началом XX века. Сегодня все достижения цивилизации не только реально предоставляются для обслуживания лишь *платежеспособного спроса*, а вовсе не «всех слоев населения», но это даже декларируется как официальная идеологическая догма. Все прекрасно знают, что примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не обладает в виде хотя бы эмпирического опыта. Повернулась ли наука, управляемая теперь антисоветски мыслящими людьми, к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере — ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Исключительная ориентация на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения.

В советское время первое обследование бюджета и быта семей рабочих было проведено по инициативе С.Г.Струмилина уже в мае — июне 1918 г. в Петрограде. Затем оно охватило 40 городов. Были получены важные результаты, а в 1920—1922 гг. работа по уточненной методике была проведена в самых разных регионах страны. В 1918 г. были сделаны первые попытки рассчитать прожиточный минимум для установления обязательно минимального уровня заработной платы. Велись исследования фактического потребления и физиологических норм.

В декабре 1922 г. было проведено всесоюзное месячное бюджетное обследование рабочих и служащих. С 1923 по 1928 г. такие месячные обследования проводились в ноябре. Это был большой проект, в ходе которого было накоплено много данных и методический опыт.

В начале 30-х годов публикация официальных данных о материальном положении разных социальных групп прекратилась. В период тоталитаризма как провозглашенной утопии полного единства на сведения о разделении народа был наложен запрет. Регулярный учет распределения рабочих и служащих по уровню доходов начал вестись с 1956 г. Тогда же началось планомерное улучшение материального положения низкооплачиваемых категорий граждан.

Суть советского строя наконец-то становится понятной по контрасту с тем, что принесла *антисоветская* программа. В стране, где массовая «структурная бедность» была давно искоренена и, прямо скажем, забыта так, что ее уже никто не боялся, массовая бедность буквально «построена» политическими средствами.

Это — огромный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове — люди не верят, что сброшены в безысходную бедность, считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни. Вот кончится это нечто, подобное войне, и все наладится. Люди не верят, что старики, еще в старой приличной одежде, копаются в мусоре не из странного любопытства, а действительно в поисках средств к пропитанию. Наоборот, люди охотно верят глумливым и подлым сказкам телевидения о баснословных доходах нищих и романтических наклонностях бомжей.

Стоит вспомнить, что в разгар перестройки, когда опасность резкого обеднения людей в результате подрыва советской системы хозяйства уже была очевидна для специалистов, М.С.Горбачев взял на себя неблагоприятную роль успокоить доверчивых граждан. Он говорил: «Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, то есть то самое, чем так «богат» Запад».

В подтверждение того, что, мол, не надо всех этих бедствий бояться, ибо мы все же не Запад, он приводил множество писем как глас народа. Вот, он зачитал такое письмо: «Я веду с Вами очень честный и очень принципиальный разговор. В своем лице я выражаю мысли и чаяния целого поколения советской молодежи, получившей высшее образование. Мы чувствуем, что Вам работается трудно. Однако умоляем: ни шагу назад! Никаких переделок и даже малейших отступлений. Черт с ними, кто с Вами не согласен. Зато народ ликует и готов идти на самопожертвование ради достижения тех целей, к которым зовете Вы». Замечательно по-демократически звучит: «Черт с ними, кто с Вами не согласен». И, конечно, народ готов на самопожертвование. Ради чего?

Курс на резкое обеднение людей еще в последние советские годы получил идеологическую поддержку — экспертов для этого было достаточно. Экономист Л.Пияшева криком кричала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций».

При этом антисоветским политикам и идеологам было прекрасно известно, к каким последствиям приведет внезапное обеднение населения СССР. В недавнем докладе ВЦИОМ со ссылками на многие исследования в разных частях мира сказано: «Среднее падение личного дохода на 10% влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7%. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий».

Отношение к бедности в двух типах цивилизации — буржуазной и советской — наглядно отражается в структуре цен. Когда советские люди, например, ученые, стали выезжать на Запад, одна из вещей, которые вызывали удивление, как раз состояла в том, что на Западе предметы первой необходимости относительно очень дороги, но зато товары, которые человек начинает покупать только при более высоком уровне благосостояния, — дешевы. Хлеб и молоко очень дороги относительно автомобиля или видеомэгаффона.

В СССР было как раз наоборот, чем и пользовались командированные на Запад советские люди. Они везли туда наши дешевые консервы, хлеб и колбасу, даже шоколадные конфеты — чтобы не покупать там это по очень дорогой цене, а обратно привозили видеомэгафоны. Вот пример: в 1989 г. я купил в Испании японский видеомэгафон, который стоил там столько же, сколько 300 батонов хлеба. Его я продал в Москве за 3 тыс. рублей, на которые в Москве можно было купить 24 тыс. батонов хлеба. Иными словами, если брать за единицу измерения видеомэгафон, то в Москве хлеб стоил в 80 раз дешевле, чем в Испании.

Этот принцип ценообразования создавал на Западе жесткий барьер, который безвыходно запирали людей с низкими доходами в состоянии бедности — вынужденные покупать дорогие необходимые продукты, люди не могли накопить денег на дешевые «продукты для зажиточных». В СССР, напротив, низкие цены на самые необходимые продукты резко облегчали положение людей с низкими доходами, почти уравнивая их по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, бедность ликвидировалась, человек ценой «вытягивался» из бедности, и СССР становился «обществом среднего класса».

Смена типа цивилизации, которая происходит начиная с 1991 г., прекрасно выражается в том, как изменился тип формирования цены на хлеб. Возьмем пшеничный хлеб. Цена пшеницы известна. Расходы на помол, выпечку и торговые издержки при советской системе составляли 1,1 от стоимости пшеницы. Это «технически обусловленные» расходы. Говорят, при рынке производство эффективнее, чем при советском строе (да и зарплата по сравнению с советским временем ничтожна). Ну пусть даже не эффективнее, и эти издержки не уменьшились. Все равно, реальная себестоимость буханки хлеба на московском прилавке равна примерно двукратной стоимости пшеницы, пошедшей на эту буханку.

Это близко к тому, что мы видели на практике в СССР. В 1986 г. закупочная цена пшеницы была 17,2 коп./кг. Из 1 кг зерна выходит 2 кг хлеба, следовательно, эти 2 кг хлеба из 1 кг зерна обходились в $17 + 19 = 36$ коп (19 коп. — это затраты на превращение зерна в хлеб). Продавались эти 2 кг хлеба за 44 коп или (хлеб высшего сорта) за 56 коп. То есть, хлеб продавали с небольшой прибылью. В 1989 г. цена пшеницы поднялась до 22 коп/кг (в РСФСР 22,7 коп), но цену хлеба еще не повышали, просто отказались от прибыли.

Советские цены на белый хлеб можно назвать «техническими», технически обусловленными — потому, что именно на хлебе государство отказывалось от возможной прибыли и в то же время не давало дотаций. Поэтому все расходы на превращение зерна в хлеб на прилавке, которые составляли в СССР 1,1 от цены зерна, можно считать близкими к реальным затратам натурального хозяйства, предназначенного для потребления¹.

Как же складывается цена на хлеб в нынешней «антисоветской» России? В декабре 1993 г. батон хлеба в Москве стоил 230 руб. Он был испечен из 330 г. пшеницы урожая 1992 года. За это количество пшеницы правительство обещало селу заплатить 4 рубля. Выпечка хлеба «технически» примерно равна стоимости муки. Значит, реальная себестоимость батона на прилавке — около 8 руб. А он стоил 230 руб.! Куда пошли 222 рубля из 230? Они изъяты из кармана покупателя какими-то «социальными силами».

И это положение в принципе не меняется. Весной 2000 г., батон белого хлеба весом 380 г. стоил в Москве 6 руб. Он был выпечен из 200 г. пшеницы. Такое количество пшеницы стоило в декабре 1999 г. на российском рынке 34 коп. (1725 руб. за тонну)². Себестоимость превращения пшеницы в хлеб с доставкой его к прилавку

¹ Дотации, о которых так много говорили в годы перестройки, уходили в основном на молочные продукты и мясо. В 1986 г. закупочная цена молока была 42,4 коп./литр, а розничная 30 коп. При потреблении в среднем 1 кг молока в день на душу это означает, что на молоко уходило 40% всех дотаций на продовольствие, величину которых в 1986 г. назвала Т.И.Заславская.

² Данные о ценах на пшеницу на биржах России даются Госкомстатом. Я взял среднюю цену по России на декабрь 1999 г. — 1725 руб./т. Когда кто-то говорит, что этого не может быть, потому что мука, мол, стоит 4 руб. за килограмм, то его подводит логика. Между пшеницей и мукой — дистанция огромного размера, на ней тоже происходят «накрутки».

ку равна 110% от стоимости пшеницы, то есть для одного батона 38 коп. Итого реальная себестоимость батона равна 72 коп. А на прилавке его цена 6 руб. Таков масштаб «накруток» на пути от пшеницы до хлеба в рыночной экономике — 733%! Сейчас цена на хлеб в России «социальная», она обусловлена именно характером созданной экономической системы. Поэтому хлеб — хороший объект для сравнения сути двух систем. При советском (натуральном) хозяйстве хлеб был дешев, и бедность отступала, при нынешней экономике хлеб дорог, и цена его не дает людям вылезти из бедности.

Изменение типа ценообразования сочетается в этом процессе с изменением типа распределения доходов. Поражает, что значительная часть интеллигенции как будто не видит, какая социальная катастрофа произошла в России в результате ликвидации советского типа распределения доходов. Не раз приходилось замечать, что читатели книг — люди, принадлежащие в основном к благополучной части населения — психологически защищаются от реальности, стараясь не думать о страданиях той части, по которой больнее ударила реформа. Они создают себе ложный образ благополучия. На деле обеднение было абсолютным, оно привело к резкому ухудшению здоровья людей, увеличению смертности и небывалому сокращению продолжительности жизни.

Есть множество *жестких* данных статистики — экономической, МВД, медицинской. Она невольно и неизбежно фиксирует внимание именно на резком изменении всего типа жизни. Этот момент для нас и важен, в этой точке мы можем сразу ухватить два образа — уходящего советского жизнеустройства и идущего ему на смену нового, антисоветского. Вот данные о динамике *фондового коэффициента* распределения доходов.

В СССР даже через три года реформ, в 1991 г., он был равен 4,5 (в США 5,6). Но уже к 1994 г. в РФ он, по данным Госкомстата, подскочил до 15,1. По данным бюллетеня ВЦИОМ (1995, № 3), в январе 1994 г. он был равен 24,4 по суммарному заработку и 18,9 по фактическому доходу (с учетом теневых заработков). Согласно данным ученых РАН, которые учли скрываемые богатыми доходы, реально коэффициент фондов в России в 1996 г. был равен 23. А группа экспертов Мирового банка, Института социологии РАН и Университета Северной Каролины (США), которая ведет длительное наблюдение за бюджетом 4 тысяч домашних хозяйств (большой исследовательский проект *Russia longitudinal monitoring survey*), приводит коэффициент фондов за 1996 г. — 36,3! В 1999 г. разница в доходах еще сильно возросла.

В некоторых отношениях социальное положение в России сегодня хуже, чем представляется западными экспертами и российскими социологами, мыслящими в понятиях западной методологии. Вернее, оно не просто хуже, а находится в совсем ином измерении. Негативные социальные результаты реформ измеряются экспертами в привычных индикаторах. Но положение в России подошло к тем критическим точкам, когда эти индикаторы становятся неадекватными.

Например, при резком социальном расслоении в принципе утрачивают смысл многие средние величины. Так, показатель среднедушевого дохода, вполне информативный для СССР, ни о чем не говорит, ибо доходы разных групп стали просто несоизмеримы. В 1995 г. во всей сумме доходов населения оплата труда составила всего 39,3%, а рента на собственность 44,0% (соотношение 0,89:1). Нормальное для рыночной экономики соотношение совершенно иное (примерно 5:1).

Ничего не говорят в такой ситуации и средние натурные показатели, например, потребления. В 1995 г. потребление животного масла в России было в два с лишним раза меньше, чем в 1990-м. Продажа мяса и птицы упала за это время с 4,7 млн. т до 2,1 млн. т. Но это снижение почти целиком сконцентрировано в бедной половине населения. Следовательно, половина граждан России совершенно не потребляла мяса и сливочного масла — как же можно ее «усреднять» с благополучной половиной!

Сравнение обобщенных показателей без учета принципиальной разницы их составляющих ведет к невозможности увидеть главное — катастрофическое, скачкообразное изменение социальной системы. Оно заключается в возникновении качественной несоизмеримости объектов и явлений. Особенно это касается сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов, ибо они связаны с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами резко *нелинейно*. Нас же интересуют именно скрытые величины, а индикаторы, показатели — это лишь их видимое выражение, доступное измерению.

В России произошел разрыв между измеряемыми и скрытыми величинами, а значит, эти измеряемые величины перестали быть показателями чего бы то ни было. А ими продолжает пользоваться и правительство, и оппозиция. Уровень жизни снизился на 42%! Нет, всего на 37%! Какая неграмотность — если это, конечно, искренне.

Дело в том, что социальные показатели содержат в себе «неделимости». Одна из «неделимостей» — та «вита́льная корзина», тот физиологический минимум, который объективно необходим человеку в данном обществе, чтобы выжить и сохранить свой облик человека. Это — тот ноль, тот порог, выше которого только и начинается

благосостояние, а на уровне нуля есть лишь состояние, без «блага». И сравнивать доходы нужно после вычитания этой «неделимости». Можно сравнивать только то, что «выше порога».

Это общий закон: если в сравниваемых величинах скрыты «неделимости», то при приближении одной из величин к размеру этой «неделимости» валовой показатель искажает реальность совершенно неприемлемо. «Зона критической точки», область возле порога, граница — совершенно особенная часть любого пространства, особый тип бытия. Доходы богатого человека и человека, находящегося на грани нищеты, — сущности различной природы, они количественному сравнению не поддаются (точнее, это формальное сравнение ни о чем не говорит).

Именно таковы сравнительные показатели социального расслоения, которые используют социологи («показатель Джини», децильный фондовый и др.). Говорят, ах, какая беда, согласно этим показателям, в России произошло социальное расслоение, более значительное, чем в США. А на деле никакого сравнения с США и быть не может, потому что в России возникла несоизмеримость между частями общества — социальная аномалия. Если проводить сравнение корректно — после вычитания физиологического минимума, то в России фондовый децильный коэффициент будет равен не 15, как утверждает правительство, и не 23, как утверждают ученые РАН, и даже не 36, как утверждают американские ученые — он будет измеряться тысячами! Ибо превышение доходов над физиологическим минимумом у самых бедных десяти процентов российских граждан приближаются к нулю.

Небольшое снижение в уровне потребления семьи, чьи доходы на 50% превышают физиологический мини-

мум, и семьи, которая находится на этом минимальном уровне потребления — совершенно несравнимые вещи. Состояние социальной сферы в России таково, что очень большая часть населения находится именно на абсолютном минимуме потребления, и всякая «эластичность» в снижении их доходов утрачена — для многих оно означает не «ухудшение благосостояния», а физическую гибель.

А вот качественная обобщенная оценка. На основании исследований, проведенных в 22 регионах России в течение 1990, 1993 и 1994 гг., директор Центра социологических исследований Российской академии государственной службы В.Э.Бойков выдвигает важный тезис: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства» (В.Э.Бойков. Социально-экономические факторы развития российского общества. — СОЦИС, 1995, № 11). *Придушившие людей!* Лучше не скажешь.

Замечу, что в работе этого правительственного социолога есть целый раздел под заголовком «Пауперизация как причина социальной терпимости». Вот что на деле, в самых абсолютных категориях означает отказ от советской системы хозяйства — *пауперизацию* населения!

В Челябинске помощник губернатора рассказал: группа с московского телевидения, проезжая мимо, решила пообщаться с людьми, которые рылись на свалке за большим заводом. Кормясь остатками советской бесхозяйственности, эти люди откапывали бракованные медные детали. Разговорившись, бывшие рабочие расстегнули свои рубашки, и репортеры увидели страшные шрамы. Новые хозяева, «приобретая» заводы, посчитали своей собственно-

стью и залежи лома десятилетней давности. И, чтобы отвадить жадных «люмпенов», однажды выпустили на них свору арендованных у милиции овчарок. Отлежав в больнице, кое-кто по месяцу, искалеченные люди вернулись добывать кусок хлеба.

Поразительно, что на этом фоне идеологи, под прикрытием которых людей вгоняли в бедность, апеллируют к их советским стереотипам. И.Овчинникова в «Известиях» поучает: «В обозримом будущем, как ни прискорбно, [мы] не сможем удовлетворять свои потребности... Надо перетерпеть, утешая себя тем, что отцы и деды терпели во имя светлого будущего, которое оказалось недостижимым, а мы — во имя того настоящего, какое может наблюдать всякий, кому доводилось переезжать... из Ленинградской области в Финляндию».

Это утверждение за рамками и логики, и этики. При чем здесь Финляндия, если мы в Ленинградской области имели 98 г белка и вполне удовлетворяли свои в нем потребности? Почему мы должны брать пример с отцов и дедов, если вся перестройка была основана на постулате, что отцы и деды жили неправильно? И кто это «мы», которые сегодня голодают? Входят в их число ведущие авторы «Известий»? И сколько продлится это обозримое будущее, во время которого нам будет не по карману молоко? Разве подобные вещи говорили «Известия» в 1990 г., когда призывали ломать советское жизнеустройство?

Вот данные из двух официальных докладов медицинских ведомств. «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году», представленный Минздравом, Академией медицинских наук и Госкомитетом по санэпиднадзору РФ в 1993 г., констатировал: «Отмечается вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания, уменьшается по-

требление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ».

А вот Государственный доклад 2000 г. «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.» Много места в докладе уделяется нехватке лекарств, ликвидации санаториев и пр. медицинских служб, но все же главное — это ухудшение условий жизни. Сказано: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

Прежде всего, конечно, важно питание. Ему посвящен целый раздел доклада. В частности, говорится: «Структура питания населения характеризуется продолжающимся снижением потребления биологически ценных продуктов питания... Белково-калорийная недостаточность наряду с падением уровня жизни населения связана...» и т.д.

Но мы здесь скажем лишь о детях. Доклад фиксирует известный факт: «Складывающийся **«бедный»** тип питания приводит к возрастанию частоты белково-калорийной недостаточности, проявляющейся у детей и подростков снижением массы тела и низкими ростовыми показателями». Если бы только снижением массы тела! Нехватка белка наносит удар по всем физиологическим системам организма и по умственному развитию человека.

СССР по качеству питания населения занимал 6—7-е место в мире, хотя киви достать было нелегко и за ветчиной бывали очереди. Сегодня ветчину и устрицы нам

доставляют прямо из Парижа. Но на всех угодить невозможно. В последнем году XX века в свободной России положение с питанием детей таково:

«В настоящее время в искусственном вскармливании полностью или частично нуждаются 60—70% детей первого года жизни... В условиях снижающейся платежеспособности населения многие виды детского питания стали недоступными для большинства потребителей.

Не улучшается положение дел с организацией питания детей, посещающих дошкольные учреждения и школы. Охват школьников горячим питанием в большинстве субъектов Российской Федерации сократился на 20—30%. Рационы питания обеспечивают потребность детского организма в энергии и белках только на 70—90%, в витаминах — на 20—40%. Сокращается вес и объем отпускаемых блюд. Прекращена витаминизация готовых блюд. Не решаются вопросы обеспечения детских и подростковых учреждений йодированной солью... Из-за отсутствия средств во многих школах организовано лишь чаепитие».

Как красиво звучит — *чаепитие* ... И замечательной фразой заканчивается раздел доклада о детском питании: «Эффективными в этой связи могут стать информационные и образовательные программы, посвященные вопросам здорового питания школьников». Спасибо, кормильцы...

Сравнивая отношение к детям — подкидышам в царской России, воспитанникам советских детских домов или нынешним детям-сиротам, стоит посмотреть на финансовый отчет президентской программы «Дети России» и особенно ее раздела — федеральной программы «Дети-сироты». Вдумайтесь в такой абзац отчета Минздрава: «Федеральные программы являются одним из основных

механизмов реализации стратегии охраны материнства и детства. На реализацию медицинских разделов федеральной целевой программы «Дети-сироты» в 1999 г. было выделено 0,05 млн. рублей». Пятьдесят тысяч рублей! Менее двух тысяч долларов. Цена одного обеда компании «новых русских» на Лазурном берегу.

Во время гражданской войны моя мать работала учительницей, в 16 лет. Там, в Семиречье, война была тяжелой, сирот было много. Без всяких федеральных программ их собирали и кормили. Чей бы отряд ни проходил через станицу, к командиру, атаману или даже главарю банды шли учителя и требовали продуктов. Все выделяли из своих скудных запасов. В 1921 г. мать училась в Ташкентском университете, и привезли в Ташкент детей из Поволжья. Каждый член ВКП(б) и каждый комсомолец был обязан на свой студенческий паек кормить одного ребенка — выделять из своего пайка, как совесть велит. Совесть велела так, что на фотографии их курса видно — почти у всех студентов лица одутловатые от голода.

А сегодня у наших партийцев из Союза правых сил и всяческих Союзов капиталистической молодежи лица одутловатые от обжорства. Вот в этом-то и разница цивилизаций.

***Советский тип трудовых отношений:
принцип полной занятости.***

Одним из главных смыслов, входящих в культурное ядро любого общества, является *труд*. С ним связаны многие частные стороны экономического и социального порядка, представления о взаимной ответственности государства и гражданина, важные символы и даже религиозные установки. И завоевание гегемонии определенным социально-политическим движением, и подрыв геге-

монии определенного государства неизбежно связаны с образом труда и его тенью — образом *безработицы*.

В перестройке, которую можно считать идеологической артподготовкой к слому советского порядка и присвоению государственной собственности номенклатурой, одной из ключевых тем было право на труд и безработица. В рамках этой темы была проведена блестящая программа манипуляции сознанием, и она заслуживает рассмотрения. Высокое качество этой программы подтверждается тем, что отключение здравого смысла удалось не в связи с каким-то отвлеченным вопросом, а вопреки очевидным и осязаемым материальным интересам буквально каждого человека.

Полная занятость в СССР была бесспорным и фундаментальным социальным благом, которое было достигнуто в ходе советского проекта (в 1994 г. не были производительно заняты примерно 30% рабочей силы планеты). В обеспечении права на труд было, конечно, много дефектов, идеал «от каждого — по способностям» был далеко еще не достигнут, реальный уровень промышленного развития не позволял привести качество рабочих мест в соответствие с притязаниями образованной молодежи. Но это по важности несравнимо с главным.

Отсутствие безработицы было колоссальным прорывом к благополучию и свободе простого трудящегося человека. Это было достижение исторического масштаба, поднимающее достоинство человека. Мы еще даже не можем вполне оценить утрату этого блага — у нас еще нет людей, по-настоящему осознавшими себя безработными и, главное, воспроизводящими безработицу в своих детях, в следующих поколениях. Мы еще живем «наполовину советским» порядком.

Привычность полной занятости превратила в сознании наших людей это чисто социальное (созданное людьми) благо в разновидность природного, естественного условия жизни. Это, разумеется, сделало право на труд как политическую норму очень уязвимым. Люди его не ценили и никаких активных шагов по его защите ожидать было нельзя. Однако пассивная установка на отрицание безработицы была вполне определенной. Это показывали регулярные опросы социологов. Кстати, сами эти опросы должны были бы встревожить людей, но не тревожили — Горбачев периодически успокаивал: чего-чего, но безработицы мы никогда не допустим.

На деле партийно-государственная номенклатура СССР, начав свой постепенный отход от советского проекта, уже с 60-х годов стала тяготиться конституционным правом на труд, исподволь начав кампанию по внедрению в общественное сознание мифа о благом воздействии безработицы на все стороны общественной жизни. Эта тема постоянно муссировалась на околопартийных интеллигентских кухнях, в среде хозяйственных руководителей стало хорошим тоном посокрушаться, что, мол, отсутствие в их руках кнута безработицы не дает поднять эффективность производства. Но, поскольку право на труд было краеугольным камнем нашей идеократической системы, подмывание этого устоя велось неофициально, хотя и с явного одобрения верхушки КПСС.

Принцип полной занятости как один из главных устоев советской антропологии и реализация уравнительного идеала («от каждого — по способности») давно уже вызывал глухую ненависть у тех, кто сдвигался к антисоветскому сознанию. С 60-х годов о благодати безработицы говорили на кухнях и за вечерним чаем в лабораториях, во время перестройки начали говорить открыто.

Н.Шмелев писал в 1987 г.: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделством мы во многом обьязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» (Авансы и долги. — «Новый мир», 1987, № 6).

До этого вопрос о необходимости безработицы туманно ставил С.Шаталин («Коммунист», 1986, № 14), на которого и ссылается Н.Шмелев. Он говорил о переходе от «просто полной занятости к социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости». Здесь важно подчеркнуть, что первыми о необходимости безработицы заговорили люди и высших партийных и научных кругов, заговорили в журнале «Коммунист»!

С 1988 г. такие рассуждения заполнили прессу. Эта кампания велась средствами партийной печати с присущей ей тоталитарностью (я попытался ответить на один такой манифест Н.Амосова, опубликованный в 1988 г. в «Литературной газете», совершенно спокойной информативной статьей. К моему глубокому удивлению, ни одно из «коммунистических» изданий ответа опубликовать не пожелало, «так как у редакции на этот счет иное мнение, чем у меня»).

Сильный эффект расщепления сознания был достигнут тем, что пропагандой безработицы занялись профсоюзы — именно та организация рабочих, которая по

своей изначальной сути должна быть непримиримым врагом безработицы. В марте 1991 г., еще в советское время Профиздат выпустил массовым тиражом книгу «Рыночная экономика: выбор пути». Среди авторов — виднейшие экономисты. Читаем: «Можно сказать, что рынок воспроизводит безработицу. Но возникает вопрос, а является ли безработица атрибутом только рыночной системы хозяйства? Разве в условиях административно-командной системы управления производством не было безработицы? Она имела место, только носила структурный, региональный и в основном скрытый характер. Различие между рыночным механизмом и административно-командной системой управления состоит не в том, что в одном случае есть безработица, а в другом нет, а в том, что в условиях рынка безработица официально признается и безработный получает пособие».

Хороши наши советские профсоюзы, не правда ли? Скрытая безработица! Хитро придумано. Это вроде как скрытая болезнь. Пусть человек здоров, наслаждается жизнью, живет до ста лет — назовем его «скрытым больным», попробуй докажи, что нет. Людей, которые реально имели работу, два раза в месяц получали зарплату, квартиру от завода, путевку в санаторий и т.д., убеждают, что это — «скрытая безработица», и что она ничуть не лучше явной. Что явная безработица, когда нет ни зарплаты (да и ни пособия!), ни перспектив, ничуть не страшнее, чем «скрытая». Конечно, так может говорить только подлая продажная тварь. Но как могли рабочие в это верить — вот ведь загадка века.

Антисоветские идеологи подменили суть проблемы ее убогим суррогатом. Труд и безработица были представлены как сугубо экономические категории, так что предложение создать в советском народном хозяйст-

ве безработицу подавалось как чисто техническое, как обычное социально-инженерное решение, не затрагивающее никаких основ нашего бытия. Это предложение увязывалось исключительно с экономической эффективностью (суть которой, впрочем, никак не объяснялась). Аргумент был простым, как мычание: на Западе есть безработица, и там поэтому все работают, как звери, и в магазинах всего полно.

В действительности, труд и отлучение от труда (безработица) — проблема не экономическая и даже не социальная, а *экзистенциальная*. Иными словами это — фундаментальная проблема бытия человека. Разумеется, она имеет и экономический аспект, как почти все проблемы нашего бытия, но эта сторона дела носит подчиненный, второстепенный характер.

Что вопрос о безработице относится к категории фундаментальных проблем бытия, говорит уже тот факт, что на протяжении всей истории цивилизации он имеет религиозное измерение, в то время как понятие экономической эффективности возникло лишь с появлением рыночной экономики и посвященной ей науки — политэкономии. Иными словами, в Новое время, совсем недавно.

В христианстве запрет на безработицу был воспринят уже из Ветхого завета: каждый должен добывать хлеб свой в поте лица своего. Осовременивая, мы бы сказали, что этой догмой христианство наложило вечный запрет на рынок рабочей силы, который вправе отвергнуть и неминуемо отвергает часть этого «товара», так что безработица — неизбежный и необходимый спутник рыночной экономики. Потому-то духовным условием для ее возникновения и была протестантская Реформация, которая виртуозно разрешила это противоречие. Часть людей (причем неизвестно кто именно) была объявля-

на отверженными, которым изначально отказано в возможности спасения души. Им нарушение божественного предписания трудиться уже не повредит. Более того, само превращение в безработного приобретает смысл. Утрата работы человеком есть предупреждение, смутный сигнал о том, что этот человек — отверженный.

Понятно поэтому, что утрата работы является для человека ударом, тяжесть которого совершенно не выражается в экономических измерениях — так же, как ограбление и изнасилование не измеряется стоимостью утраченных часов и сережек. Превратившись в безработного, человек испытывает религиозный страх — будь он хоть трижды атеист. Христианский завет вошел в наше подсознание с культурой, и слово *тунядец* наполнено глубоким смыслом. Очевидно, что этого не поправить и пособиями по безработице: пособие облегчает экономическое положение, но статус отверженного не только не отменяет, а скорее подчеркивает. В Англии в 30-е годы знаменитый ученый сэра Джулиан Хаксли предложил, чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей, а нарушителей изолировать от жены «в трудовом лагере».

В России, даже когда она в конце прошлого века разьедалась западным капитализмом, сохранялось христианское отношение к безработице. Многие крупные предприниматели (особенно из старообрядцев), даже разоряясь, не шли на увольнение работников — продавали свои имения и дома. Те, кто переводили свои отношения с рабочими на чисто рыночную (западную) основу, подвергались моральному осуждению. Сильный отклик имели статьи Льва Толстого, его отвращение к тем, кто в голодные годы «не дает работы, чтобы она подешевела».

Наблюдательный человек должен был бы подметить странную вещь в рассуждениях о безработице, которые начались с 1987 г. Речь шла о новом, неизвестном для нас явлении. Казалось бы, логично пригласить в печать, на радио и телевидение знатоков вопроса — зарубежных специалистов, профсоюзных деятелей, самих безработных. Мол, поделитесь опытом, расскажите, как и что. Вспомните: за все годы — ни одного такого случая не было. Не пришло нашему умному руководству в голову? Нет, это была сознательная установка.

Фальсификация знаний о реальности в случае фундаментальных проблем бытия особо безнравственна. В случае проблемы безработицы это проявляется очень наглядно. Дело в том, что безработица как социальное явление является источником массовых страданий людей. Тот, кто выдвигает или поддерживает предложение перейти от реально достигнутой полной занятости к узаконенной безработице, прекрасно знает, что результатом его предложения будут страдания, причиненные большому или меньшему числу сограждан. Такого рода предложения, какими бы экономическими или технологическими соображениями они ни обосновывались, прежде всего создают проблему нравственную. Эта проблема должна быть явно изложена, а выбор того или иного решения поддержан также нравственными (а не экономическими или технологическими доводами).

И речь в данном случае идет не об абстракции, не о «слезинке ребенка». В середине 1990 г. в журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» (это даже еще не ельцинская РФ) печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР» (А.А.Давыдов — СОЦИС, 1990, № 12). *Оптимальный!* Наилучший! Что же считает «оптимальным» для на-

шего народа социолог из Академии наук? Вот его идеал, полученный с использованием тензорной методологии, золотого сечения, ряда Фибоначчи и прочей ахинеи: «Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который в свою очередь должен открыть дорогу к подъему и процветанию» (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 г.).

Поскольку статья написана в середине 1990 г. и речь идет об СССР с его 150 млн. трудоспособных людей, то, переходя от относительных 13% к абсолютному числу личностей, мы получаем, что «наименее болезненным» наш гуманитарий считает выкинуть со шлюпки 20 миллионов человек. Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство моральной деградации нашей гуманитарной интеллигенции. В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Очевидно, что безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям. Можно ли представить себе врача, который в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 миллионов человек?

Ведь автор той статьи нигде не сделал даже такой оговорки: на нас, дескать, в связи с рыночными реформами накатывает неминуемая беда; я, как узкий специалист, не берусь обсуждать реформу, я лишь говорю о том, что при всех наших усилиях мы не сможем сократить число потерпевших несчастье сограждан ниже 20 миллионов; чтобы оно не было выше, надо сделать то-то и то-то. Нет, социолог благожелательно ссылается на Милтона Фридмана (подчеркивая, что он — нобелевский лауреат),

который выдвинул теорию «естественного» уровня безработицы: «При снижении уровня безработицы ниже естественного инфляция начинает расти, что пагубно отражается на состоянии экономики. Отсюда делается вывод о необходимости поддержания безработицы на естественном уровне, который определяется в 6%». Шесть процентов — это для США, а нам поклонник Милтона Фридмана с помощью золотого сечения вычислил 13%, которые, хоть кровь из носу, «необходимо поддерживать».

Мы говорили о масштабах страданий, которые нам предполагали организовать политики с целой ратью своих экономистов и гуманитариев. А какого рода эти страдания, какова их интенсивность? Социолог их прекрасно знает, они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. Он сам бесстрастно приводит в своей статье. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5%.

Кстати, «теория» Фридмана — это чистая идеология. Расчеты крупнейшего экономиста нашего века Кейнса показывают, что безработица, «омертвление рабочих рук» — разрушительное для экономики в целом явление, оно лишь маскируется непригодными с точки зрения общества показателями (прибыль *отдельных предприятий*). Массовую безработицу надо ликвидировать самыми радикальными средствами, идя ради этого на крупный дефицит госбюджета. Оживление трудовых ресурсов при этом многократно окупает затраты. Да и сегодня в США рост безработицы на один процент увеличивает дефицит госбюджета на 25 млрд. долл.

В связи с безработицей уже не только антисоветские идеологи, но и широкие круги нашей образованной ин-

теллигенции впали в некогерентность, граничащую с шизофренией. Редко сейчас встретишь гуманитарный журнал, где бы не поминался моральный императив Канта: «поступай с другими так, как ты хочешь чтобы поступали с тобой». Ссылаясь на эту максиму, я уже давно (с начала 60-х годов) спрашивал, когда мог, интеллигента, ратующего за безработицу: «Ты сам хочешь стать безработным?» Ни разу я положительного ответа не услышал. Самые совестливые (а это были мои приятели по лаборатории) отвечали уклончиво, примерно так: «Я бы и не против ради общего блага, но ты же знаешь, у нас сейчас научно-техническая революция, а я научный работник; так что никак у меня стать безработным не получится, ты уж извини. Безработица — это для рабочих, ну, избыточных колхозников». Тут, как нам теперь известно, маленько промахнулись наши либеральные интеллигенты — сами стали жертвой очень примитивной манипуляции сознанием. Сантехники нужны даже в колонии, а вот научные работники — только в державном государстве, которое они разрушали.

Кстати, вовсе не только о нравственности и логичности идет речь. Наши антисоветские демократы отрицали то, что в мире давно воспринимается именно как фундаментальное право человека. Даже в Уставе ООН, принятом в 1945 г., была поставлена задача достижения полной занятости. Во Всеобщей декларации прав человека сказано, что «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы».

Конституция РФ 1993 г. устранила *право на труд*, заменив его «правом на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». Иными словами, право на труд заменено правом на определенные условия

труда. Вместо права на труд введено право гораздо более низкого уровня — на *защиту от безработицы*. К тому же это право ничем не обеспечено и остается пустой декларацией. Но само его включение в Конституцию означает признание отказа от принципа полной занятости.

Советский строй и трудовая мотивация

Одним из важных обвинений советскому строю, которое зародилось в среде интеллигенции, было снижение трудовой мотивации и даже «утрата трудовой этики». Имелось в виду, что наличие слишком широких социальных гарантий лишило работников отрицательных стимулов к хорошему труду (страха), а слишком уравнительное распределение доходов свело на нет и положительные стимулы. В результате якобы возник особый, нигде в мире не виданный тип работника — нерадивого, ленивого и нахального.

Эта теоретическая конструкция обросла множеством пикантных деталей, колоритных образов, анекдотов. Ее воспринимали легко и охотно сами же работники самых разных сфер, тем более, что в этой концепции фигура интеллигента-паразита была одной из самых колоритных: сказки о ленивых и никчемных сотрудниках НИИ заполняли 16-ю страницу «Литературной газеты». Многие люди, как водится, считали лентяем соседа, а не себя лично, а другие получали прекрасное оправдание для своей личной нерадивости («система такая — при другой системе я бы трудился ого-го!»).

Вся эта мифология «ленивого совка» подводила, в конечном счете, к идее благотворности частного предпринимательства («хозяин не позволил бы»). Для контраста создавался светлый миф о Западе, где хозяева сумели так

организовать труд, что работники показывают чудеса ответственности, интенсивности и ловкости — при хорошем настроении в ожидании точно отмеренной зарплаты «по труду».

Разделим всю эту многослойную проблему на части и рассмотрим по отдельности вопросы разного плана. Прежде всего, вопрос фундаментальный, не зависящий от мотивации — трудовой потенциал людей, сама их способность выполнять ту или иную работу. Здесь антисоветская концепция содержит принципиальную ошибку. Советская индустриализация превратила крестьян во вполне годных для фабрики рабочих несравненно быстрее, бережнее и эффективнее, чем западная (это мнение западных социологов).

Тут можно даже говорить о «русском чуде». Одна из ошибок гитлеровских стратегов как раз и состояла в том, что они посчитали невозможным, чтобы СССР за столь короткий срок подготовил десятки миллионов работников, перепрыгнувших «из царства приблизительности в мир точности». Западу для этого понадобилось триста лет. Конечно, трудовое поведение советских людей отличалось от западных. У нас еще не сложился в полной мере «человек фабричный», десятки поколений работавший в искусственном пространстве и времени фабрики. Советский рабочий еще нес в себе физиологическую память о временных ритмах крестьянского труда. Для него была характерна цикличность работы, смена периодов вялости или даже безделья и периодов крайне интенсивного вдохновенного труда типа страды («штурмовщина»). Слава богу, что психофизиологи труда в СССР во время поняли это и порекомендовали не ломать людей ради «синхронности». Сейчас, наверное, новые менеджеры ломают.

Задача, которую решил советский строй, была вовсе не тривиальной. Для ее решения была создана большая и сложная социокультурная система, включающая единую общеобразовательную школу, непрерывное внешкольное образование, уклад предприятия, систему ценностей и тип распределения жизненных благ.

Вопреки тому, во что поверили наши социал-дарвинисты, именно «уверенность в завтрашнем дне», вместо западного «страха за завтрашний день», позволила в СССР очень быстро сформировать спокойного работника, способного выполнять сложную работу. И этот принцип взят сегодня на вооружение во всех незападных быстро развивающихся странах — там, где культура не ориентирует человека на крайний индивидуализм в «войне всех против всех». Помимо хрестоматийного примера Японии можно назвать Южную Корею, где самым важным стимулирующим фактором считается стабильность рабочего места — гарантии против увольнения.

Ставя нам в пример США с их культом конкуренции, наши антисоветчики исходили из самого тупого эпитонства. Роль советского уклада мы лучше поймем, если взглянем на нынешнюю систему, которую строили буквально как отрицание советской. Сегодня, несмотря на кнут безработицы и угрозу голодной смерти, в целом идет *«деиндустриализация человека»*, огромный откат в архаику. Конечно, при разрушении производственных массивных структур отдельный предприниматель может набрать рабочих для своей фирмы, но это, в общем, мародерство. В масштабах всего народа утрата квалификации и культуры труда колоссальна. Можно утверждать как гипотезу, но вполне надежную, что если бы в 30—70-е годы советские заводы были бы отданы в управление западным менеджерам с установлением их социальных отношений,

они управились бы хуже, чем советские управленцы. Был бы примерно тот же откат, что сегодня (а то и больше).

Теперь о том, как реализовался потенциал работников в СССР и на Западе в зависимости от системы оплаты (и шире — стимулирования). Мы знаем, что в 70—80-е годы в СССР действительно наблюдался кризис прежней системы, так что существовала проблема ее совершенствования. Причины, в общем, были известны: произошла урбанизация и одновременно смена поколения и его культурных стереотипов. Старая система трудовой мотивации и стимулирования труда резко потеряла действенность. Это было недомогание общества, которое надо было лечить, и оно было бы вылечено. В тех отраслях, где для этого были ресурсы, оно нормально лечилось. Но антисоветские идеологи трактовали это недомогание (пусть даже болезнь), через которое периодически проходят все промышленные страны, как признак смерти системы советской. И стали уповать, как мы теперь видим, на примитивное, даже архаическое решение (частный хозяин и кнут угрозы голода).

Укажу на очевидную вещь: те, кто считал этот кризис неким сущностным качеством именно советского строя, или утратили историческую память, или совершали сознательный подлог. Честный критик должен был бы сначала зафиксировать тот факт, что именно в СССР те же люди прекрасно работали — война была этому экзаменом не идеологическим, а абсолютным. Иными словами, абсолютизация частной инициативы как организатора хорошего труда — грубая ошибка.

Антисоветское сознание равнодушно и, скорее всего, искренне нечувствительно к важному явлению Нового времени, которое именно в СССР и произошло. Оно называется «стахановское движение», и к нему были оди-

наково нечувствительны и официальный истмат, и *анти-истмат*. Истмат писал о «коммунистическом энтузиазме», его двойник-антипод на Западе — о «фанатизме». А речь шла о переносе в индустриальную среду аграрного «литургического» отношения к труду, с преодолением субъект-объектного отношения работника к материалу.

Отсюда — т.н. «гениальный глаз», который был обычным явлением у средневековых ремесленников, но исчез на капиталистической фабрике. Отсюда — эффективность движений работника, которая далеко превышала обычную. Психофизиологи труда ввели даже метафору, согласно которой советские работники «вбирали энергию из окружающей среды».

В детстве я прочел, а потом уже не мог найти, записки одного из шахтеров, которых обучал Стаханов. Он просто и образно описал суть, она мне и тогда показалась важной. Стаханов научился видеть центры напряженности в пласте угля — в них и бил отбойным молотком. Он говорил, что «пласт должен сам выбрасывать уголь», почти как взрывом. И учил этому шахтеров. И это было, у всех по-своему, массовым явлением, что и показала война. Из всего, что приходилось слышать от антисоветчиков, было видно, что это им глубоко чуждо, что ему противен рабочий «дядя Вася», который был именно на это способен, начал пить при Брежневе, а теперь мрачно тянет лямку у «новых русских». Новая система не придушит, как Брежнев, а искоренит этот потенциал. Похоже, что она его ничем и не восполнит — не имеет сходной силы.

Сегодня у новых «менеджеров» стоит тот же вопрос — как заставить работать нерадивого «дядю Васю». И приходится слышать, что адекватным для стимулом является создание для него смертельных угроз — голода и выселения из квартиры. Но опыт показывает, что этот метод негоден вообще, а для «дяди Васи» — в особенности.

Что он негоден вообще, независимо от общественного строя, говорит большая американская литература. В промышленной социологии Запада есть понятие *рестрикционизм* — сознательное ограничение рабочими своей выработки. Еще в конце XIX века Ф.Тейлор писал, что крайне трудно найти рабочего, который не затратил бы значительное время на изобретение способов замедлить работу — сохранив при этом вид, будто трудишься в полную меру. Более того, эти способы осваиваются группами рабочих. Один из американских социологов писал в 1981 г.: «Расщепление атома — детская игра в сравнении с проблемой раскола и манипулирования крепко спянной группой рабочих».

Кстати, такую «работу с прохладцей» только недавно стали называть уклончиво — рестрикционизм. А Тейлор называл это попросту — *саботаж*. Так что и рачительный хозяин-капиталист бывает бессилён. Вот что сказано в обзоре по этой проблеме: «Феномен рестрикционизма распространён во всех индустриальных странах и существует без малого 200—250 лет. Никаких надежных средств борьбы с «социальной коррозией производства» не придумано... Суть «работы с прохладцей» в том, что рабочие физически могут, но психологически не хотят выполнять производственное задание, тем не менее делая вид, что трудятся изо всех сил. В этой *работе по видимости* и заключается суть дела. Тейлор, наблюдая поведение своих товарищей-рабочих, писал о том, что в мастерской все были в сговоре относительно нормы выработки: «Я думаю, что мы ограничивали эту норму одной третью того, что мы свободно могли бы производить». Причем, открыто никто не приостанавливал работу. Напротив, в присутствии администрации все делали вид, что усиленно трудятся. Но стоило надзирателю покинуть помеще-

ние, как рабочие тут же прекращали свою деятельность» (А.И.Кравченко. «Мир наизнанку»: методология превращенной формы. — СОЦИС, 1990, № 12).

Ф.Тейлор считал, что рестрикционизм — один из методов борьбы рабочих за свои интересы. М.Вебер также видел в этом явлении сознательную установку, продукт коллективной самоорганизации, используемый для давления на администрацию («негативное участие в управлении»). Иллюзии эффективности стимулирования рабочих угрозой — продукт раннего, «манчестерского капитализма», они давно в современном производстве изжиты.

В начале XX века Тейлор разработал приемы «научного менеджмента» — разделения производственного задания на простейшие операции, которые легко нормируются. Какое-то время это давало отдачу — ему, как пишут, удавалось заставить повышать выработку даже старых и ленивых рабочих. Потом эта система с прогрессивно-премиальным типом оплаты стала буксовать, ее использовали для интенсификации труда рабочих-иммигрантов, боящихся протестовать.

Начались разработки других систем стимулирования, и с тех пор сменилось уже несколько поколений их. В 90-е в США случилась новая волна ухудшения трудовой мотивации, и проблема эта вовсе не так проста, как ее представил антисоветский миф. Кстати, один из наших крупных организаторов промышленности (В.Кабайдзе) мне рассказывал, что в конце 80-х годов он был в США в родственной фирме и спрашивал директора, как они заставляют хорошо работать своего «дядю Джима». И «их» директор изложил ему приемы абсолютно те же самые, что применял и советский директор. «Прорабатывать, прорабатывать и прорабатывать!». Увольнять бесполезно.

Видный американский социолог в области труда и управления Ф.Херцберг (на мой взгляд, исключительно умный и глубокий человек), писал в 1989 г. о системах стимулирования: «Все побудительные факторы такого рода, будучи применены, быстро теряют свою эффективность. Появляется необходимость поиска все новых и новых средств идеологической стимуляции. Последняя служила мощным орудием побуждения к труду в Советской России после Октябрьской революции и сохраняла свою действенность до конца 40-х годов. Однако с тех пор идеологические стимуляторы в значительной мере обесценились, поскольку наступило неизбежное «насыщение» и привыкание к ним. Сегодня уже необходимо искать новые формы вознаграждения за труд, такие, как, например, система бонусов. Правда, и они со временем потеряют свою эффективность, как это произошло в США в 70—80-е годы, когда Японии и другим странам Тихоокеанской дуги удалось превзойти Америку по показателю выработки на одного работника» (Ф.Херцберг, М.У.Майнер. Побуждения к труду и производственная мотивация. — СОЦИС, 1990, № 1).

В антисоветском мышлении уже с 60-х годов стало созревать отношение к трудящимся как «иждивенцам и паразитам» — чудовищный выверт тупого элитарного сознания. И уже тогда возникла идея так переменить общественный строй, чтобы «наказать» этих люмпенов и паразитов. Чем же их можно было наказать? Безработицей, а значит, голодом и страхом. В открытую об этом стали говорить во время перестройки. Вот рассуждения близкого тогда к Горбачеву экономиста Н.Шмелева: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделст-

вом мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» (Н.Шмелев. Авансы и долги. — «Новый мир», 1987, № 6). Итак, вот идеал трудовых отношений в уме «демократа»: для рабочего — «опасность потерять работу или быть обязанным трудиться там, куда пошлют».

Под давлением пропаганды множество людей поверили, что советская система органически не может организовать людей на хорошую работу. Это неправда, советские рабочие были именно высоко мотивированными и ориентированными на повышение содержательности работы и на технический прогресс. Это показали сравнительные международные исследования¹.

Представляя советский тип трудовых отношений как подрывающий мотивацию трудящихся, нам уже десять лет демонстрируют ту альтернативу, которой соблазнили. Надо же подвести итог. То, что мы видим сегодня на сложно организованном производстве, именно в сфере

¹ Пример — большое международное исследование «Автоматизация и промышленные рабочие», в котором участвовали 15 стран — 6 социалистических, включая СССР, и 9 — капиталистических, включая США, Англию, ФРГ, Францию, Италию. Оно велось с 1971 по 1979 г. Для нашей темы наибольший интерес представляют те сведения, которые характеризуют советского рабочего и уклад советского предприятия в процессе технического перевооружения (автоматизации) — в сравнении с аналогами в условиях Запада. Они приведены в книге В.В.Кревича «Социальные последствия автоматизации» (М.: Наука, 1985).

мотивации есть чудовищный регресс по сравнению с советским обществом даже 70—80-х годов. Например, во многих больницах идет деградация всей трудовой системы, утрата персоналом чувства ответственности, что приводит к большому излишку смертей. В промышленности наблюдается то же самое, только выражается в материальных потерях. Технологическая дисциплина и качество труда ухудшились чудовищно. В массе рабочих квалификация упала. Мы не стали делать «мерседесов», но ВАЗ—2105 сегодня сделан гораздо хуже, чем в 1983 г. (я испытал это на собственной шкуре). При том, что люди реально ощущают угрозы — дальше некуда.

Каковы же тенденции? В совокупности они именно неблагоприятны. Во многих отраслях промышленности начался вал системных отказов. Предприятия убеждаются, порой с удивлением, что не могут выполнить работы, которые десять лет назад были для них тривиальными. Иногда завод получает выгодный зарубежный заказ — и не может выполнить. Чаще всего из-за утраты кадрового потенциала — и разработчиков, и инженеров, и рабочих. Тому есть свидетельства и документальные, и беседы с директорами. И это — именно «неумолимые» тенденции, причем никаких усилий их переломить не делается. Есть усилия лишь по созданию анклавов модернизированного производства. Но совокупность этих анклавов такова, что страна на них выжить не может.

Конечно, состояние всей системы трудовой мотивации и стимулирования труда в промышленном производстве в СССР было еще неустойчивым. Происходила быстрая урбанизация, ломался привычный образ жизни, шкала культурных норм и общественного контроля. Люди, недавно начавшие осваивать городской образ жизни,

ни, находились в состоянии стресса — изменялись их потребности и в то же время было велико наследие нашей бедности и неустроенности. В городе они переживаются иначе, чем в родной деревенской избе.

Дефекты нашей «бедности и отсталости» перетасили в сегодня не от низкой морали Чубайса. Они нам были «даны», и никакой частной собственностью их не устранишь. Часть из них объективна, часть инерционна. Мы же здесь говорим о том факте, что, перетасив в сегодня эти дефекты, Чубайс сумел угробить все те механизмы, которые позволяли нам и при этих дефектах жить вполне прилично и при этом в хорошем темпе преодолевать дефекты и улучшать жизнь. За десять лет мы могли убедиться, что это факт и что он тоже не зависит от морали Чубайса. Тот же процесс шел при Примакове, идет при Касьянове и будет идти дальше на всей траектории антисоветского проекта... И намного лучше быть не может — хоть замени Наздратенко на Черепкова. Потому что, как показал самый скрупулезный анализ потока ресурсов, «капитализм вообще не мог бы существовать без услужливой помощи чужого труда». А этой услужливой помощи мы не имеем и иметь не будем. У нас была возможность улучшать, по мере сил, «КамАЗ» с бетонным насосом. Этот путь нам закрыли. А вот заменить «КамАЗ» на «мерседес» с хорошим насосом, оказывается, можно только заморозив отопление в Приморье. Пока что в Приморье, но, в принципе, далее почти везде. При этом забывают важный факт: отопление выключают при том, что производство в Приморье уже парализовано на две трети. А через три-четыре года все прогнозируют коллапс Газпрома. Был шанс укрепить его базу из нефтедолларов 2000 г., но не дали ничего.

Сегодня с массы людей срывают цивилизационную надстройку, наросшую за советский период — идет быстрая архаизация сознания и общественных укладов. Люди спиваются, эксплуатируют женщин и детей. Это признаки превращения России в большую трущобу, северную фавелу. У людей фавелы другой язык, другая мораль и другая рациональность. Вернуть их в общество — особая большая проблема, которой мы не знаем. Конечно, не Чубайс этот процесс начал, но советская школа и советский завод держали его под контролем. Болезнь можно было лечить, а можно резко усилить и воспользоваться состоянием больного. Сейчас, думаю, ясно, что даже при улучшении дел в «обществе» фавела в него автоматически не вернется. Будет нужна большая и творческая работа по реабилитации. И наверняка с элементами жестокости, в которой потом будущие горбачевы обвинят будущих сталиных.

***Выводы: чего добились
антисоветские идеологи***

1. Советское жизнеустройство сложилось под воздействием конкретных природных и исторических обстоятельств. Исходя из этих обстоятельств поколения, создавшие советский строй, определили главный критерий выбора — *сокращение страданий*. На этом пути советский строй добился признанных всем миром успехов, в СССР были устранены главные источники массовых страданий и страхов — бедность, безработица, бездомность, голод, преступное, политическое и межнациональное насилие, а также массовая гибель в войне с более сильным противником. Ради этого были понесены большие жертвы, но уже с 60-х годов возникло стабильное и нарастающее благополучие.

Альтернативным критерием выбора жизнеустройства было *увеличение наслаждений*. Советское жизнеустройство создавали поколения, перенесшие тяжелые испытания: ускоренную индустриализацию, войну и восставление. Их опытом и определялся выбор. В ходе перестройки ее идеологи убедили политически активную часть общества изменить главный критерий выбора жизнеустройства — пойти по пути увеличения наслаждений и пренебречь опасностью массовых страданий. Речь идет о фундаментальном изменении, которое не сводится к смене политического, государственного и социального устройства (хотя неизбежно выражается и в них).

Прямо указанный выбор антисоветскими идеологами никогда не формулировался, а попытки сформулировать его в понятной для людей форме пресекались руководством КПСС, которое и определяло доступ к трибуне. Однако связанные с этим выбором утверждения были весьма прозрачными. Так, требование произвести массивный переток средств из тяжелой промышленности в легкую приобрело характер не хозяйственного решения, а принципиального политического выбора. Ведущий идеолог перестройки А.Н.Яковлев заявил: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Оговорку, будто «экономика давно уже вышла на необходимый уровень», никто при этом не проверял и не обсуждал, она была сразу же отброшена — речь шла только о *тектоническом сдвиге*. Сразу же, еще через механизм планирования, было проведено резкое сокраще-

ние инвестиций в тяжелую промышленность и энергетику (Энергетическая программа, выведившая СССР на уровень надежного обеспечения энергией, была прекращена). Еще более красноречива была идеологическая кампания, направленная на свертывание оборонной промышленности, созданной в СССР именно исходя из принципа сокращения страданий.

Это изменение критерия жизнеустройства противоречило исторической памяти народов СССР и тем непреодолимым ограничениям, которые накладывали географическая и геополитическая реальность, доступность ресурсов и уровень развития страны. Согласиться на такое изменение значило отвергнуть голос здравого смысла.

2. Как пример успешного продвижения по пути увеличения наслаждений идеологи перестройки дали советским людям Запад, представленный светлым мифом. Активная часть населения приняла этот пример за образец, оценив собственное жизнеустройство как недостойное («так жить нельзя!»). Действуя на чувства и воображение людей, идеологи растравили старые раны и обиды, воззвали к мщению и сведению счетов — поставили мирную уже страну на грань гражданской войны (а кое-где подтолкнули перейти эту грань).

Воздействие на массовое сознание было столь эффективным, что образ Запада к концу 80-х годов стал на короткое время поистине вождельным, что было невыносимо еще за пять лет до этого. Такая массовая зависть к идеализированному образу «чужого дома» с отрицанием своего дома — признак разрыва со здравым смыслом. При ее внедрении в политическую практику она неизбежно должна была повести к национальной катастрофе.

3. Для перехода к жизнеустройству, направленному на увеличение наслаждений, требовалось глубокое изме-

нение в культуре. Поскольку стремление к наслаждениям, связанным с потреблением, не имеет предела, то с новым критерием жизнеустройства оказывались несовместимы два главных устоя нашей культуры — *нестяжательство* и *солидарность*. Ведь ресурсы всегда ограничены, и за них приходится конкурировать. Следовательно, «сильные» в обществе потребления должны со спокойной совестью топтать ближних, иначе придется делиться. Поэтому с самого начала перестройки была развернута идеологическая кампания по изменению антропологической модели, по внедрению в массовое сознание нового представления о человеке и его правах. Нового не только для СССР, но и для дореволюционной России, культура которой отвергла социал-дарвинизм.

Начиная с 1987 г. в СССР была начата и быстро нарастала кампания по внедрению в массовое сознание жесткого и зачастую вульгарного социал-дарвинизма и даже мальтузианства. Разрушение «культурного ядра» путем внедрения мальтузианских представлений о человеке привело к расщеплению сознания людей. Новая антропологическая модель, воспринятая на уровне идеологии, вошла в противоречие с глубинными уравнительными идеалами, которые не удалось искоренить.

4. Посредством дестабилизации сознания и увлечения людей большим политическим спектаклем удалось осуществить «*толпообразование*» населения СССР — временное превращение личностей и организованных коллективов в огромную, национального масштаба толпу или множество толп. В этом состоянии люди утратили присущее личности ответственное отношение к изменениям жизнеустройства, сопряженным со значительной неопределенностью и риском. Без дебатов, без сомнений, без прогноза выгод и потерь большинство насе-

ления согласилось на революцию, когда в ней не было никакой социальной необходимости — на революцию в благополучном обществе. Это несовместимо со здоровым смыслом.

Обычные люди, не вовлеченные в толпу, обладают здоровым консерватизмом, вытекающим из исторического опыта и способности предвидеть нежелательные последствия изменений. Эти свойства гнездятся в подсознании и действуют автоматически, на уровне интуиции. Этот подсознательный контроль был в СССР устранен из общественного сознания в ходе перестройки.

5. За время перестройки в сознание советских людей вошло много прекрасных, но расплывчатых образов — *демократия, гражданское общество, правовое государство* и т.д... Никто из политиков, которые клялись в своей приверженности этим добрым идолам, не излагали сути понятия. Принять язык противника — значит незаметно для себя стать его пленником. Даже если ты понимаешь слова иначе, чем собеседник, ты в его руках, т.к. не владеешь стоящим за словом смыслом, часто многозначным и даже тайным. Это — заведомый проигрыш в любом споре.

Положение советского человека оказалось еще тяжелее — перейдя на язык неопределимых понятий, он утратил возможность общения и диалога со «своими» и даже с самим собой. Логика оказалась разорванной, и даже сравнительно простую проблему человек стал не в состоянии сформулировать и додумать до конца. Мышление огромных масс людей и представляющих их интересы политиков стало некогерентным, люди не могут связать концы с концами и выработать объединяющих их проект — ни проект сопротивления, ни проект выхода из кризиса. Они не могут даже ясно выразить, чего они хотят.

Приняв вместо ясно усвоенных житейских понятий понятия-идолы, идеологические фантомы, смысл которых не был определен, добрая сотня народов СССР оказалась в руках политических проходимцев. Поддерживая или отвергая предлагаемые им проекты, предопределяющие их собственную судьбу и судьбу их детей и внуков, миллионы людей следовали за блуждающими огнями фантазий.

6. Идеологическая машина перестройки произвела большую работу по разрушению коллективной исторической памяти советского общества. Были очернены, осмеяны, перемешаны символы-вехи национальной истории. Затем был создан хаос в системе мер, оценок и даже временной последовательности событий, образующих историческую картину. Была подорвана способность общества вырабатывать коллективную память даже самых недавних событий — по прошествии всего нескольких месяцев они вытеснялись, стирались из памяти. Общество в целом и каждый человек в отдельности потеряли возможность анализировать прошлое и использовать его уроки для того, чтобы определять свою позицию в конфликтах настоящего.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Созревание антисоветского сознания	8
Глава 2. Родовые особенности антисоветского мышления	75
Глава 3. Главные объекты атаки в антисоветском проекте ...	182
Образ советской хозяйственной системы	261

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
АНТИСОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

*Редактор О.В. Селин, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825

Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 10.10.08. Подписано в печать 14.11.08.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л.11. Тираж 6000 экз. Заказ